

Expedition to Timor Leste

*by UA4WHX, WA4WHX, US5ETV
January-February, 2012*

*Part 3
Extending the horizon*

Мой милый друг, промчатся дни,
Раздастся голос грозный.
И он велит тебе: "Усни!"
И спорить будет поздно.
Мы так похожи на ребят,
Что спать ложиться не хотят.

Вокруг - мороз, слепящий снег
И пусто, как в пустыне,
У нас же - радость, детский смех,
Горит огонь в камине.
Спасает сказка от невзгод -
Пускай тебя она спасет...

Льюис Кэрролл.
Алиса в Зазеркалье

«Перемен - требуют наши сердца!...»

Чтобы поймать рыбку, найди рыбака!

Алиса была в таком отчаянии, что была готова попросить о помощи кого угодно, поэтому, когда Кролик проходил рядом с ней, она произнесла тихим робким голосом: "Разрешите, сэ..."

Льюис Кэрролл.
Алиса в Стране Чудес

В доме нас встретил Саша – подполковник российского контингента миссии ООН, приятный и добродушный мужчина лет сорока пяти. В юности, на военной кафедре родного ВУЗа или в военкомате, мне все время встречались строгие подполковники в форме, постоянно отдающие команды подчиненным. Студенты их немного побаивались и не решались спорить – лучше перетоптаться пару часов на учебном плацу, чем готовить портянки на службу после окончания института. Подполковники эти носили форму, были коротко по-военному подстрижены, но никогда я не видел у них оружия за поясом. И, наверное, такая несправедливость, свойственная мирному времени, отдавала какой-то ущербностью, потому что мужчины в форме старались быть строгими, властными, но студенты понимали, что все это как бы понарошку – игра, что дяди в погонах без формы командовать не смогут, теряется без нее сила приказа...

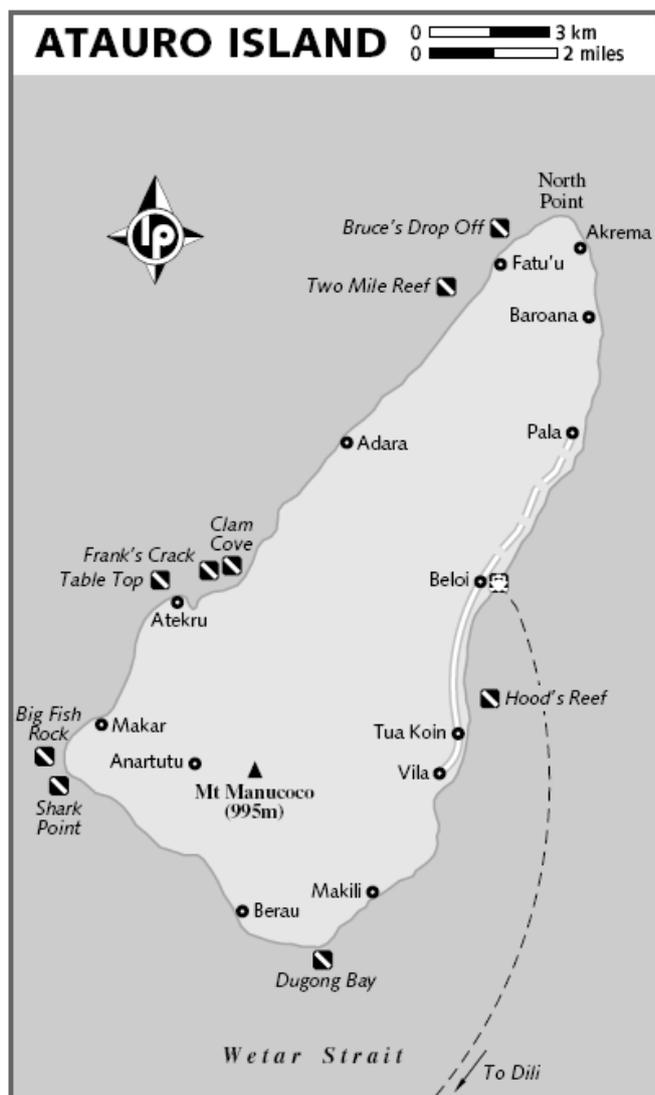
Я постучался в дверь комнаты Саши и, услышав приглашение, вошел. Да... подполковников без одежды, заматанных по пояс в банное полотенце, я еще не встречал. Я чуть растерялся. Видя мое смущение, Саша извинился за столь домашний вид: только приехал с работы и принял душ. Откровенно говоря, нечего тут стесняться, здесь живут мужчины, гости в доме бывают нечасто, да и те, как правило, тоже военнослужащие. Все находятся в равном положении и делают одну общую работу. И оружие есть у товарища подполковника – настоящее, боевое – закрыто в сейфе; и форма есть – в шкафу у кровати, и машиной не обделен товарищ подполковник – джип с символикой ООН стоит во дворе. Нет нужды показывать подполковнику свое могущество – нет у него рядовых, некого строить, некому отдавать распоряжения и не перед кем размахивать оружием. Есть работа в миссии, и есть товарищи по службе. И людей сюда в миссию отбирают коммуникабельных, с опытом, с мозгами.

Мы по-приятельски здороваемся, как будто отслужили вместе пару лет в миссии. За день до нашего отъезда в Эрмеру Саша (тезка Саши Х., тоже подполковника, который встречал нас в аэропорту и провожал на автостанции) уехал в двухнедельный отпуск куда-то в Юго-Восточную Азию.

- Ну как впечатления, как съездили? – спрашивает Саша. – Много ли контактов установили по радио?.. Да ты присаживайся, - подвигает мне стул, - не стой!

Число «контактов» – восемнадцать тысяч – повергает его в легкое изумление. Неожиданно большая цифра для «непосвященных».

Я рассказываю о своих впечатлениях, которых выше всякого предела, и из-за этого рассказ получается сумбурным, я просто не знаю с чего начать. Саша улыбается. Я рассказываю о

Остров Атауро

текущих планах поездки на Атауро, на что мой знакомый замечает, что побывал на этом острове раза три.

- Да... хорошее место для отдыха и для дайвинга!

Тут же мне было поведено о приключениях на этом острове. Вскоре выясняется, что Саша останавливался в коттеджном поселке, поблизости от селения Белои (Beloi), куда ходит паром из Дили. Поселок этот построил австралиец, женившийся на тиморийке и осевший в этой стране. Называли этот поселок его именем – Barry-point (или Barry-place, не помню точно). В этом коттеджном поселке находилась, кстати, прошлая австралийско – малазийская экспедиция 4W6A...

- Жить в этом поселке – одно удовольствие, и, к тому же, недорого (*по меркам служащего ООН!*) – делится впечатлениями мой собеседник. – Прекрасная еда, чудесный вид на море! А как приятно наблюдать восход солнца на море, сидя на веранде с чашечкой кофе! А какие подводные виды открываются на рифе!..

«Какой романтичный подполковник!» - мелькает у меня мысль.

- К сожалению, нам это место не подходит, - вношу я ложку дегтя в «розовую реку» позитива. – Горы перекрывают западное направление. Нам нужно такое место, чтобы Европа нас слышала. Мы хотели бы добраться до северной оконечности острова. Ты был там?

- Нет... Туда тяжело будет добраться, ничего не ездит туда. Дороги по берегу на северную оконечность также нет. Вообще, дорога, а вернее, тропа соединяет лишь ближайшие поселки, расположенные по обе стороны от Белои. С рыбаками надо договариваться, может, кто и подбросит.

Как живут на северной части острова, Саша сказать не может, никто из его знакомых не был там (*Неплохое начало!*)

- Послушай, я дам тебе кое-что, так, для безопасности что ли...

Саша полез в шкаф и достал какой-то пакет. Тут же его содержимое вываливает на кровать.

- Знаешь, как этим пользоваться? – спрашивает подполковник, подпоясанный баннным полотенцем с длинной махрой.

Он протягивает мне нечто в кожаном футляре, с одной стороны которого приделана защелка для ремня. Я открываю крышку футляра и извлекаю из кожаной коробочки газовый баллончик.

- Вряд ли он тебе пригодится, но все же, возьми, будешь увереннее себя чувствовать!.. Конечно, в самолет с этим тебя не пропустят, а то бы мог оставить себе в качестве сувенира.

- Спасибо, Саш! – у меня настоящий армейский баллончик со слезоточивым газом для разгона демонстрации – толстый и короткий алюминиевый цилиндр с черной крышкой и надписями на русском языке удобно ложится в руку. – Но мне кажется, что, действительно, едва ли дойдет до такого...

- Бери, бери! Нам выдают для личного пользования. Конечно, если ружье висит на стене, то в конце спектакля оно может и выстрелить... На агрессию отвечают агрессией... поэтому просто держи в рюкзаке и не вытягивай.

- О'кей! Спасибо!

С подполковником из миссии приятно общаться, мы едва знакомы, а отношения завязываются очень теплые. Мы разговариваем еще минут пятнадцать, делимся впечатлениями – я от поездки в горы, Саша – из опыта службы на Тиморе. Он мне дарит головной убор голубого цвета с символикой Организации.

За дверями в холле, я слышу голоса Владимира и Иры – значит, душ уже свободен. Сейчас нельзя терять время, нужно найти рыбака и договориться на завтра. Я извиняюсь, что вынужден прервать столь приятную беседу, чтоб пойти освежиться.

- Полотенце у тебя есть? – неожиданно спрашивает Саша.

- Ээ...нет. Посчитал ненужной вещью в рюкзаке ☺

- На, держи! Извини, что маленькое, но зато чистое! – подполковник берет из шкафа желтое махровое полотенце и протягивает мне.

(Маленькое, наверное, потому, что оно коротковато, чтобы обернуть вокруг талии два раза... а так – ничего такое полотенце!)

- Супер! Спасибо за все!

...Пока я моюсь, Ира и Владимир распаковывают свои вещи в комнате и в холле.

- Ириин! Где моя сумочка с инструментом?! Ирииша, где лежат чистые рубашки?! Ириин!... – то и дело доносится голос Влада из комнаты.

Ира роется в одном из рюкзаков, сваленных у стены. У меня будет еще время заняться вещами – целый вечер впереди!

В душе приятная теплая вода, это обычная температура водопроводной воды. Я отвык от такой шадящей температуры воды в горах. Ведь в Дили на дворе не комфортные двадцать восемь градусов, а немного за тридцать. Тут, внизу, у побережья, еще и влажность высокая! И живность тут растет как на дрожжах, вечером в душевую комнату любят пробираться с улицы через решетку огромные рыжие тараканы длиной с палец.

Я выхожу в холл после душа и вскоре слышу металлический звук открывающихся ворот – охранник впускает джип красного цвета с черными буквами «UN». Приехал наш добрый товарищ, Саша (не путать с Сашей в махровом полотенце, который сейчас в доме, и, уверен, уже переоделся ☺). На этот раз он не один. В машине сидит девушка. Она тоже выходит из машины. Мы тепло приветствуем друг друга и крепко жмем руки. Саша знакомит со своей спутницей – она полицейский из корейского корпуса миссии.

- Hello! I'm Shu, - представляется девушка, и жмет мне руку. Ух ты, крепкое рукопожатие!

Впрочем, девушка не в армейской форме. Корейка спортивного телосложения, стройная и подвижная, с тонкими красивыми чертами лица, одета в спортивную одежду и обута в кроссовки. Вскоре выясняется, что у Саши по плану сегодня – вечерняя пробежка для поддержания формы (естественно, это не работа, это для себя). Они с Shu сегодня бегут вдвоем, так не скучно, согласитесь! Саша заехал переодеться после работы – сменить форму на спортивный костюм, а ботинки на кроссовки. Он извиняется, что так быстро покидает нас, но «...вечером я весь в вашем распоряжении»!

Какие проблемы, Саша! Это мы гости... да к тому же, и нам надо спешить по своим маленьким делам!

- Сможешь подбросить нас к причалу? – спрашивает Влад. – Надо подыскать лодку на завтра.

- Да, без проблем! Я подброшу вас на набережную, там вы сядете в микролет и несколько остановок проедете вдоль набережной.

- Да, я знаю, - кивает Владимир.

- Извините, что отвезу вас не к самому причалу... - Саша называет причину, но этого нам знать и не нужно, парень, безусловно, нам очень помогает во всех отношениях.

Мы быстро собираемся. Я хватаю фотоаппарат и беру немного денег (так, на всякий случай). Документов с собой я не ношу. Вряд ли их носит и Владимир. В Дили полно иностранцев, работающих в различных миссиях и представительствах. Полицейские на улице, однако, не бросаются в глаза, документы не проверяют...

Ира остается в доме, а мы трое – я, Нико и Влад – влезает на заднее сиденье джипа. Нико сажаем посередине, чтобы «местный» не был виден со стороны улицы (нельзя возить местное население в машине Организации без спец. разрешения). Ворота снова открываются со страшным грохотом, и машина вырывается в переулок. Через полминуты мы уже едем по оживленной улице. Это район Baïro Pite – юго-запад Дили. На обочинах дороги всегда многолюдно – тут спуют детишки, живущие в хибарках, тесно прижавшихся друг к другу. Идут женщины с маленькими детьми... По дороге движется неспешно транспорт – спешить нельзя, можно зацепить кого-то. Поскольку пешеходной дороги нет – в лучшем случае, есть тропа в придорожной пыли – многие идут у края проезжей части. Машины не сигнализируют, а просто объезжают людей. Машин не больше, чем мопедов. Саша опытный водитель – непросто водить джип по узкой дороге. Одно хорошо – дороги по большей части качественные, почти не петляют и проходят по районам, где расположены официальные здания и магазины. Во всяком случае, такие маршруты выбирает наш товарищ. Я вслух восхищаюсь его ловкостью в вождении.

- Как тебе удается так аккуратно ездить? – спрашиваю я, когда наш джип ювелирно втиснулся между придорожной канавой, играющей роль проточной канализации, встречной Тойотой и группой людей, бредущих вдоль дороги, и снова набрал скорость.

- На работе приходится быть довольно часто за рулем... Ну и нужно быть внимательным вдвойне, когда объезжаешь местных... Были у нас случаи... под машину бросались!

- Не понял... как бросались?! – вопрошаю я.

- Да очень просто – жизнь здесь ничего не стоит... Видят машину с символикой ООН и кидаются под колеса. Такому камикадзе может ногу-руку сломать от удара, но ведь живой же останется. Потом по каждому инциденту Организация проводит расследование, пишутся всякие протоколы, бумаги, опрашиваются свидетели, если такие находятся... (а таковых обычно не бывает). «Пострадавший» естественно заявляет о своей невинности – «крест на пузе!». Да он подпишет любые бумаги, лишь бы ООН выплатила ему компенсацию за ущерб здоровью. И Организация выплачивает. Это обычно несколько тысяч долларов.

- Вот и цена жизни...

- Да, но это большие деньги для Тимора. Очень большие. Поэтому находятся такие, кто готов заплатить своим здоровьем в обмен на сумму компенсации.

Свернув на боковую дорогу, наш джип прибавил скорости. На этом участке дороги малолюдные, да и машин не много. Еще два-три поворота и мы выехали на оживленную широкую дорогу. Машина останавливается, и мы выходим из салона. В джипе работает кондиционер, а на улице жарница, хотя день постепенно клонится к вечеру.

Саша еще раз указывает в направлении остановки микролета, там надо подождать автобусик. Я прощаюсь с Shu – Nice to meet you! Hope to see you again! – и вскоре машина вливается в общий транспортный поток.

Микролет подъехал очень быстро. Полупустой. Вот и замечательно. Скрючившись пробираемся в салон. Если сидеть вразвалочку на скамье-сиденье у одной из стен салона, то коленями я могу почти достать противоположную скамью. На скамьях (в длину каждая метра полтора) сидят по два человека. Еще двое парней висят на подножке, высунувшись в полкорпуса из автобуса (вторая нога – «в свободном полете»), и о чем-то оживленно переговариваются по ходу движения. В салоне гремит тиморийская музыка – какая-то смесь кантри и местной поп-музыки. Я проползаю в конец салона и падаю на скамейку. За мной следует Влад и садится рядом; Нико – на скамье напротив. Едем.

На следующей остановке пассажиров прибавилось – зашло еще человека четыре. В тесноте, да не в обиде! В мою сторону салона пробрались две девушки и сели напротив. Стройные и миниатюрные, они сразу привлекли мое внимание. Да и как не взглянуть на «женскую половину» – в сравнении с ними чувствуешь себя каким-то слоном в посудной лавке: я один занимаю полтора места, леди сидят куда компактнее! Да с меня надо двойную плату взимать! А двое европейцев в салоне – это уже одни убытки – займут три места, а заплатят за два!

По внешнему виду и одежде сидящих напротив девушек без сомнения можно сказать, что передо мной мусульманки. Одеты они очень красиво. Голову покрывает хиджаб, одежды скрывают детали фигуры, но не настолько, чтобы не видеть стройности стана...

Лица чистые, и глаза скромно опущены, лишь иногда девушки переговариваются между собой и мельком смотрят напротив себя...

- Перестань так пялиться! – Влад слегка толкает меня в бок. – Это неприлично, тебя могут неправильно понять.

- Да, хорошо. Очень уж красивые одежды у них...

- Я вижу, но все равно – смотри в сторону.

Девушка напротив меня – мы едва не касаемся коленями – одета в платье красного оттенка с черной оторочкой, прекрасно сидящее по фигуре. Платье ее как-то незаметно переходит в брюки того же оттенка. Я бы сказал, что они похожи больше на джинсы в обтяжку, но из мягкого материала. Ее подруга одета не менее элегантно, но в зеленые оттенки – цвета свободы в исламе... Как и предписано религиозными канонами, руки и ноги покрыты одеждами, волосы скрыты... но я впервые отметил для себя, что мне весьма понравилась традиционная мусульманская форма одежды. О'кей, я смотрю в сторону! Хотя и выходит это не очень...

Мы едем не долго, всего остановки четыре, и почти все время вдоль береговой линии. Наша остановка! Снова полусогнутыми пробираемся на выход из салона, и вот мы на улице. Я протягиваю водителю засаленный доллар – плата за троих – и, получив двадцать пять центов сдачи, догоняю товарищей.

Как хорошо путешествовать налегке! Слева от дороги, метрах в пятнадцати, находится парапет. За ним – песчаная прибрежная полоса шириной метров тридцать. На этой полоске суши возятся несколько человек, предположительно рыбаков. К берегу причалено несколько лодок. Мы у цели. Влад говорит мне, чтобы я постоял у парапета, дабы не смущать простых людей из народа. Дальше он идет вместе с Нико. *Нет проблем, с этого места все прекрасно видно!* Я расчехляю фотоаппарат и делаю несколько снимков.

Маленькие тиморйцы

Министерство Юстиции стоит прямо у набережной

Влад с Нико подходят к рыбаку, возящимся с чем-то у причаленной лодки. Начинают разговор. Товарищ рыбака тем временем, что-то носит в лодку – похоже, они собираются отъехать...

С моей точки хорошо просматривается побережье в западном направлении. Чуть дальше от нас море немного врывается в берег, образуя небольшую бухту, берег которой с противоположной стороны окаймляют невысокие скалы. На утесе у мыса возвышается памятник Христу. Огромный памятник. Надо обязательно там побывать, а пока – фото на память.

... Лодка с рыбаками отчаливает, и Владимир оглядывается по сторонам – «кто тут еще есть?». Я спрыгиваю с парапета на песок и подхожу к моим спутникам.

- Эти рыбаки ехали на остров прямо сейчас, надо искать еще варианты, - несколько разочаровано говорит Влад.

Мы смотрим по сторонам. В этот момент по пляжу к лодке идет еще один мужчина лет тридцати – тридцати пяти, смуглый, с обветренным лицом. Вот он, РЫБАК! Влад идет к нему, я следую за ним.

- Фотоаппарат только спрячь! Что ты им все время крутишь?! Это только смущать будет, - кидает мне Влад и уже здоровается с незнакомцем.

Фотик я зачехлил и спрятал за спину – наверное, так я в детском саду игрушки прятал. Близко я не подхожу, чтобы меня «не вычислили» - остановился метрах в десяти от собеседников и делаю вид, что мне все безразлично. Как ни как, решается судьба поездки!

Влад что-то говорит рыбаку – тот задумался и смотрит немного в сторону. Видна напряженная работа мысли: он то почешет затылок, то посмотрит себе под ноги, то прикусит

Вид на памятник Христу с набережной.

хворостинку, торчащую из уголка рта. Влад продолжает при этом что-то «чесать», а Нико переводит. *Как-то медленно соображает этот парень! О чем он там задумался – предлагают же просто перевезти людей завтра утром... Его работа!*

Переговоры длятся минут пятнадцать. Наконец, «мыслитель» одобрительно кивает и дает свой номер телефона. Влад довольный жмет руку рыбаку и идет ко мне.

- Договорились! Завтра к девяти часам!

- Чего этот парень так долго решался? – спрашиваю.

- Необычно для него это. Я предложил оплату по 5\$ с человека плюс заправка баков за наш счет. Вот он и раздумывал, нет ли тут подвоха.

Заправка баков (это 50 литров горючего по цене 1.05\$ за литр) – очень хорошая сделка! Рыбак этот должен был ехать домой, на Атауро, а тут ему попутчики сами дорогу предлагают оплатить. Необычно!

В этот вечер нам поистине улыбнулась удача. Мало того, что Влад договорился о такой взаимовыгодной цене, так еще и оказалось, что рыбак этот живет в поселке у северной оконечности острова, куда стремились и мы! Для себя мы отметили на карте два возможных места высадки: поселок Акрема (Akrema), либо Фатуу (Fatu'u). Рыбак жил возле поселка Акрема – значит нам туда! Складывается пока все просто идеально! Тьфу-тьфу... по какому дереву тут постучать?

День угасал. В хорошем настроении мы направились в сторону, откуда привез нас автобус. В маршрутку лезть не хочется. Солнце уже не печет. Да и светило как-то незаметно скрылось за облаками. Погода меняется. Туча, зацепившаяся за горный хребет, окаймляющий город с юга, наконец, перевалила через поросшую лесом вершину и теперь накрывает город.

- Давай сейчас где-нибудь поедим, а потом отошлем Нико на ночевку к родственникам. А то он так и будет ходить хвостиком, - говорит Влад.

- Надо ему что-то на дорогу дать.

- Конечно, мы же обещали дорогу оплатить... А пока, найдем какую-нибудь забегаловку, чтобы не тащить его обратно в дом.

Набережная тянется несколько километров. Вдоль береговой линии расположен ряд важных административных зданий. На улице интенсивный трафик. У дороги со стороны моря часто встречаются мелкие торговцы булочками, колой, вяленой рыбой и прочими сопутствующими товарами, необходимыми для быстрого перекуса. Всевозможные кулинарные и продуктовые "деликатесы" лежат на столике, навешаны на крючки, уложены в корзинки на небольших тележках. Продавцы сидят немного в стороне под громадным раскидистым деревом и о чем-то оживленно разговаривают. Покупателей не видно.

Мы идем по противоположной стороне дороги. Через метров пятьдесят здания исчезают, их место занимает архитектурный комплекс, в центре которого на высоком постаменте возвышается памятник. Постамент украшен высеченными в камне стилизованными ветвями оливы и религиозной символикой. На лицевой стороне высечена

надпись "*Comemoracao do Ano Mariano*" – в память о Деве Марии. Побродив немного по комплексу, уходим, потому что погода начинается портиться.

А вот и "ресторан". Все забегаловки на Тиморе, будь то частная "кормушка" с нехитрым меню из риса, пары салатов и жареного цыпленка, разместившаяся в сарае у частного дома, или подобие очень простой советской столовой на набережной Дили, – называются "рестораном". Да, господа, иногда доводилось здесь бывать и в ресторанах!

Мы заходим в полукрытое помещение столичного общепита. Тут стоят столики в два ряда, на некоторых видны пластиковые баночки с солью-перцем. Стены с лицевой стороны ресторана нет. Вместо нее сделан миниатюрный деревянный заборчик, и стоят какие-то растения в горшках. Откуда-то с потолка нависает брезентовый козырек крыши.

Мы сели за дальний столик. Через минуту на улице начался ливень. В помещении только мы и буфетчица. Подходим к ней, чтобы выбрать себе меню. Никаких вам списков, вложенных в папку-меню – все наглядно представлено и разложено по тарелочкам за стеклом буфетной стойки. Цены выписаны на маленьких серых бумажках и разложены по краям тарелок. Система почти как в Макдоналдсе – только не кассир нажимает на пиктограммы блюд в меню и выбивает чек, а вы показываете пальцем, чего желаете и отправляетесь ждать заказ за столик. Нам принесли все, отмеченное пальцем, довольно быстро. Традиционно, к заказу добавлено на каждого по стакану теплой питьевой воды. Привычно зачерпываем каждый себе рис из общей глубокой тарелки, добавляем салатную композицию в юшке, ну и еще кто что выбрал – то ли рыбку, то ли кусочек курицы. Рыба – жареная, по форме напоминает вомер скромных размеров, но с развитым скелетом. Это наш первый обед-ужин после легкого завтрака еще в Эрмере.

По крыше барабанит дождь, сливаясь в мерный гул тропического ливня. Непогода ненадолго, я полагаю.

- Ты главное перед тем, как ехать к нам завтра, не забудь позвонить рыбаку и подтвердить наши планы. Не забудь, слышишь?! – дает наставления Владимир, после того как тарелки у нас опустели и мы переключились на воду.

- Да, да, конечно! – понимающе кивает Нико, отпивая воду из стакана.

- Мало ли, что может прийти в голову поутру или подумает, что мы передумали, если вдруг задержимся... Как только проснешься – звони рыбаку, а потом перезвонишь мне. Вот тебе номер рыбака, и мой запиши... Счет мы тебе пополним.

Нико вводит номер в свой мобильный. Ливень уже перестал, но капли еще немного срываются. Мы рассчитываемся и выходим. Идем по той же улице. Воздух стал очень влажным, но при этом тепло; капельки воды конденсируются на лице, на руках, на объективе фотоаппарата (я пытаюсь немного снимать). Поэтому надо действовать быстро. Я делаю несколько кадров Дворца Правительства. От улицы его отделяет изящный металлический палисад, с несколькими входами и въездом для транспорта. На фоне этого здания уверенно можно снимать фильмы о жизни наркомафии где-нибудь в Латинской Америке – здание построено в колониальном стиле с изящными арками на первом этаже и с открытым коридором с колоннами на втором этаже. Если бы не автомобили, припаркованные возле дворца, и не вышка сотовой связи, установленная где-то позади здания, создалось бы полное впечатление, что дворец перенесся сюда со съемочной площадки крышеломного боевика...

Через километр-два мы сворачиваем на один из многочисленных переулков – карты у нас нет, но она пока и не нужна. Однозначно, двигаться надо от моря. Людей в этом районе на улице мало – дождь, наверное, разогнал народ. Мы проходим мимо лицея. Вход в учебное заведение ухоженный, с цветной плиткой и подстриженной газонной травой. Здание спроектировано во все том же колониальном стиле – с колоннадами у лицевой стороны.

Дворец правительства возле набережной Дили

Проходим еще несколько улочек. Мы, собственно, собираемся посадить Нико на автобус и сейчас следуем к

остановке. Наш переводчик знает, в каком направлении следует двигаться.

- Костя, у тебя будет несколько "тухлых" долларов, три доллара хватит, чтобы отдать Нико на дорогу?

- Да, кажется, есть, - я уже лезу в карман и собираюсь вытащить деньги.

- Да не сейчас! Убери! Рано еще давать.

- Какая разница, мы ведь почти пришли к остановке?!

- Есть разница. Сейчас ты дашь ему деньги. Он прикинет и подумает, что можно поканючить и получить еще. Время у него будет для этого, понял? Давать деньги надо так, чтобы не было шанса у него на обдумывание и на сомнения. Перед самой посадкой в автобус дашь и не раньше.

- Понятно.

Черт, а ведь справедливое замечание! Позже у меня была возможность убедиться в справедливости такого подхода. Нико предстояло ночевать у родственника, живущего где-то недалеко за городом. Так, по крайней мере, он сказал. Поэтому три зеленых – нормальная сумма на дорогу туда и обратно и по городу.

Мы подошли на остановку. Владимир еще раз говорит Нико, чтобы тот не забыл позвонить утром рыбаку, и чтобы сам не опаздывал к нам. Подходит автобус. Я вручаю Нико три затертых доллара, и мы прощаемся.

Еще немного гуляем по улицам Дили вдвоем с Владимиром, но прогулка не вполне комфортна – дождь немного накрапывает, наша одежда становится влажной. Хотя и нет никаких проблем с этим, решаем, что на сегодня хватит. Связываемся с Сашей, он как раз возвращается с загородной пробежки на джипе и обещает нас подобрать. Говорим ему приметы, где нас искать. Наш товарищ прекрасно ориентируется на местности: как ни как, полтора года служит здесь! Мы ждем не более пяти минут, когда внедорожник вырывается из переулка. Садимся. В машине комфортно, работает кондиционер. Мы мчимся по опустевшим улицам, дорога блестит, а в воздухе - свежесть от только что прошедшего

дождя. Сворачиваем в едва приметный переулок. Джип останавливается. Слышен знакомый уже металлический звук – вбок отъезжают ворота – это основная забота охранника, дежурящего у дома. Приехали.

Байки бывалых или Вечер без радио

*- Ах, дядя, - повторяю снова:
Достиг ты возраста честного,
Ты - с весом, ты - с брюшком...
В такие годы ходят плавно,
А ты, о старец своенравный,
Влетел ты в комнату недавно
- Возможно ль? - кувырком!*

*- Учись, юнец, - мудрец ответил.
- Ты, вижу, с завистью приметил,
Как легок мой прыжок.
Я с детства маслом мазал ножки,
Глотал целебные лепешки
Из гуттаперчи и морошки -
Попробуй-ка, дружок!*

Льюис Кэрролл.
Алиса в Стране Чудес

На этот раз антенны во дворе мы решили не устанавливать – ведь завтра утром планируется выезд на ЮТА. Это был единственный вечер на Восточном Тиморе, когда наш позывной не звучал в эфире. Надо перепаковать вещи: мы берем только необходимое в поездке на Атауро. Один свой рюкзак я оставляю. Беру один комплект легкой одежды на смену и немного денег. Еще – фотоаппарат, зарядку к нему и спальный мешок, столовые принадлежности и предметы гигиены. Остальное – антенны и кабеля. Я набил ими две трети рюкзака. Вещами мы занялись сразу по возвращению, чтобы не было спешки.

Перепаковка вещей накануне выезда на Атауро

хочется. Не тянет в жару на подвиги у плиты. В кухне под столом у стены я вижу упаковку молока длительного хранения, десять-пятнадцать литровых пакетов тетрапак, затянутых в

Заглянув в холодильник, чтоб достать очередную пол-литровую баклажку с водой из морозильника, я понимаю, что с продуктами не густо. Саша как-то говорил, что он с земляком не очень-то за этим следят, и традиционного ужина, как такового, не бывает. Кто приехал раньше с работы, кто позже... у каждого свои интересы и дела, и по кухне особо никто не дежурит. Для женщин может быть важен комфорт и порядок, иные готовы часы проводить на кухне, творя чудеса в кастрюльках. Да вот только сытым можно быть и простой яичницей и без чудес! К тому же, в жару есть не

уже надрезанный сбоку полиэтилен (значит, покупают оптом). На полке в кухонном шкафу стоит упаковка мюслей. Это и есть завтрак, а иногда и ужин.

В холодильнике обнаруживается баночка с джемом, кусок сала, привезенный кем-то накануне, какая-то колбаса и вскрытая упаковка молотого кофе. В морозилке три-четыре пластиковые бутылочки с водой. Нет, не с водой, а со льдом. Хочешь пить – достаешь такую бутылочку и ставишь на стол. Через пять-десять минут уже можно потягивать ледяную воду. Кайф непередаваемый! Воду из-под крана желательно не пить, во всяком случае, сырую. Офицеры покупают двадцатилитровые бутылки с питьевой водой. Их привозят прямо к дому, и охранник вносит емкости на кухню. Впрочем, питьевой водой торгуют повсеместно.

- Саша, может, сгоняем в какой-нибудь магазин, а то готовить нечего? - спрашиваю я.

- Поехали, без проблем! Я приму только душ после пробежки и едем.

В семь вечера на Тимор опускается ночь. В восемь вечера закрывается большинство крупных магазинов (а мелкие лавочки закрываются когда угодно хозяину, расписаний никто не вывешивает). Вечереет.

Саша переодевается, готов ехать. Ира с нами. Я меняю шорты-безразмерки на джинсы – едем все-таки в общественное место!

Садимся в джип. Саша вставляет магнитную карточку в щель приемника и проводит несколько раз. Срабатывает не сразу.

- Все некогда поменять. Менял полгода назад и уже размагнитилась!

Карточка – средство защиты машины от угона. Другой сотрудник миссии также не может воспользоваться машиной: карточка именная, с фамилией владельца и фотографией.

Машина заводится, Саша несколько раз давит на гудок – где этот чертов охранник?! Уже куда-то смотался!

- Ты мог бы открыть ворота, пожалуйста? Этот бездельник опять куда-то умотал! Местным ничего нельзя доверять, сделают так, что сам потом не рад будешь ...

Мы едем по ночному Дили. Улицы, где мы мчимся, почти не освещены. С темнотой уличная жизнь замирает. Машина разгоняется по ровной прямой дороге, неожиданно сворачивает на известном только опытному водителю повороте, снова набираем скорость. Саша любит быструю езду. Мы въезжаем на стоянку перед торговым комплексом. На стоянке – с десятков машин, есть пара ООНовских.

- Это современная постройка, в прошлом году магазин только открылся. Но магазин вроде неплохой.

Помещение комплекса, куда мы входим, находится в полумраке. Многие павильоны еще не заняты под магазины и пустуют, это видно через стеклянные стены. Там, где уже обосновались торговые точки, также все закрыто. К моменту нашего приезда работает только продуктовый магазин. Пройдя через весь этаж, подходим к лестнице и спускаемся на уровень ниже. Вот и магазин. У входа три кассира, только один занят с покупателем. В это позднее время посетителей мало. Я и Саша берем корзинки и следуем вдоль полок.

При обходе ориентироваться приходится не на надписи (они на тетуне), а на то, что видишь. Разнообразие товаров не уступает нашим супермаркетам. Это современный во всех отношениях магазин. Мы прошлись по рядам, я набрал что-то в свою корзинку, Саша – в свою. Я задержался у полок со специями (люблю я экзотику во вкусах блюд). Этих товаров гораздо больше, чем у нас, но, к сожалению, многие специи привезены из Китая или Малайзии, и на упаковке ни единого слова по-английски. Держу я какую-то пачку со специями, смотрю через прозрачный полиэтилен и не понимаю, что же я такое вижу?! Что-то... какие-то кишки, плавают в полупрозрачном соусе желтого цвета... А вот и трава, несколько видов трав, аккуратно запаены в пакетик. *Это курить, нюхать или пить?* А тут – сушеные грибы. Я уверенно распознал по виду и запаху палочки корицы по 50 центов за упаковку и взял три пачки. Еще есть кофе – много сортов, молотого и в зернах, дешевого, по 4\$ за килограмм и дорогого, по 4.50\$ за 250 грамм в красивой упаковке. В стране его производят, в горах несложно найти кофейную плантацию. Ладно, кофе возьму по приезду с острова. Спиртное... Его видов очень много. Естественно, надписи на бутылках мне ничего не говорят. Но, по крайней мере, кое-что можно прочесть и на английском. Много вин из Европы – с Португалии, Испании и Италии. В выборе вина полагаюсь на Сашу, он кое-что пробовал, и хоть как-то ориентируется. Но он говорит, что за вином мы заедем в другой магазин, владеет которым португал. ... А пока берем четыре бутылки пива. Берем еще спагетти, хлеб, яйца и большой стэйк из морозилки. Еще – всякую мелочь, которую уже и не помню. Ну вот, пожалуй, и «укомплектовались!» Расплачиваемся на кассе. Выходит в сумме около 80\$.

Когда чек уже выбит, Саша замечает возле касс скутер, стоящий как-то особняком от товаров и перевязанный ленточкой. Интересуется у девушки-кассира, что бы ЭТО значило? Та в ответ что-то поясняет и указывает на объявление-информацию, размещенное с правой стороны от прохода на металлической стойке. Из текста следует, что покупатель, приобретший товара более чем на 30\$, может принять участие в лотерее-розыгрыше чеков в марте такого-то числа (через месяц). Призом и является данный скутер. Саша к кассиру – хотим, мол, поучаствовать в розыгрыше! Разбейте только что выбитый чек на два!!

- Саш, та не надо! На фига нам это! – вставляю я неуверенно.

- Спокойно! Пусть разбивают! Я напишу на чеках свой мобильный. Если чеки выиграют, пришлю вам скутер по почте! – улыбается наш друг.

Ну ладно. Спешить некуда. Очередь не поджидает – нет никого! Кассирша без лишних слов выполняет просьбу. Приятно то, что персонал говорит по-английски и не спорит с покупателем, который, как известно, всегда прав. Новые два чека Саша заполняет у девушки, курирующей акцию со скутером, тут же, возле стойки с объявлением. Девушка-китаянка (китайские корни угадываются по разрезу глаз) улыбается, ставит печати на чеках и благодарит за участие в акции.

Когда мы выходим, магазин уже закрывается, значит, уже около восьми. Покупки складываем в багажник, прыгаем в машину и выруливаем на темную улицу. Снова мчимся по мрачным переулкам и через пару минут выруливаем на стоянку перед другим магазином, более скромных размеров, чем тот, в котором мы только что отоварились.

В магазине просторно, из четырех касс работают две. В помещении всего несколько покупателей. Нам уже особо ничего не нужно, я хожу вдоль полок с товарами скорее из любопытства. Наконец, подходим к полкам со спиртным. Большое разнообразие вин и

большой диапазон цен. Вина, как на мой взгляд, дорогие. Я беру несколько бутылок наугад и читаю этикетки. Португальское вино, красное, белое. Цена за бутылку от десяти - двенадцати долларов и до восьмидесяти - ста долларов. Саша предлагает что-то взять за 18\$. – Берем!

У кассы мы берем еще хлеб (уже порезан и удивительно мягкий и вкусный; можно одному съесть полбуханки за тарелкой борща ☺) и кулек с бутербродными булочками, которые называются почему-то «Turkey bakes» («Турецкая выпечка»). *Где Турция – а где мы!*

Все. Для ужина все есть. Через десять минут джип уже въезжает во двор, и мы заносим покупки в дом.

Прошло сорок пять минут и вот он – домашний ужин! На столе – суп, спагетти, салат, жареный стейк (без крови), несколько плодов авокадо... Офицеры пошли за стульями в свои комнаты – не часто доводится собираться с гостями вот так, за общим столом. Бокалов нет, есть чашки разного калибра. Саша откупоривает вино и разливает по чашкам. Произносится тост, и какое-то время мы молча едим: день был очень длинным и насыщенным. Еще вина! Господи, как хорошо сидеть вот так, среди друзей, с распахнутыми в ночь дверьми и пить вино под звуки экваториальной ночи! Из угла кухни на стену робко начинают выползать гекконы, спавшие под ДВП, которым оббит потолок; порог дома решительно пересекает огромный тараканище и скрывается где-то в темноте. Двери в комнаты необходимо закрывать от непрошенных "гостей". В такой вечер, когда никто из нас не работает в эфире, грех не воспользоваться шансом и не поспрашивать Владимира о его путешествиях. Меня опередил Саша.

- Ну, как вам Эрмера, понравилось там?

- Впечатлений море, только вот... хозяйка пыталась выставить какую-то фантастическую цену за жилье, - вставляю я.

- Это они могут, - замечает Саша. – Здесь в Дили, когда миссия только начиналась, были совсем другие цены и на жилье и в гостинице... А все из-за того, что местных разбаловала ООН. Они знают, что какую бы цену ни назвали, Организация покроет расходы для своих сотрудников. Гостиницы в Дили одни из самых дорогих в регионе (если я не ошибаюсь, называлась цена 25\$ - 80\$ в день за комнату).

- Когда миссия закончится, местное население сразу почувствует разницу "до и после" – говорит второй офицер. – Здесь в регионе, пока работает миссия, идут просто дурные деньги. Не все торгуются, не задумываются о реальной стоимости услуг. Есть очень большая разница между уровнем жизни местного населения и зарплатой в международных организациях, присутствующих тут. Те из местных, кому повезло наняться на работу в такие организации, неплохо зарабатывают.

- И много? – интересуюсь я.

- Да вон, хотя бы наш охранник... Он не сотрудник ООН, а нанятый организацией из охранной фирмы... Получает около двухсот долларов в месяц, а ничего же не делает!.. Просто сидит у ворот на стульчике. То он есть, то его нет...

- Он вам подчиняется? – спрашиваю я.

- Нет, он с нами никак не связан. Положена охрана. Он просто ворота открывает, иногда я прошу сходить его за «пульсой» (карточка пополнения счета мобильного телефона), иногда прошу сбежать на рынок за бананами. И то... все время он пытается надуть меня. Купит бананы за доллар, а скажет, что полтора. Но я-то цену реальную знаю!..

- Ну, можно и самому сходить... рынок недалеко, - замечаю я.

- Можно и сходить. Только заплатишь еще "налог на морду".

- ??

- Увидят, что ты не местный, и цену назовут в два раза больше... Меня-то уже не проведут, но такой факт есть.

- Вообще-то, даже я вижу, что охранник у вас не перетруждается, - я отпиваю немного вина из чашки. – Днем к нему приходили какие-то друзья, сидели там у вас за домом... Какую-то музыку слушали.

- Я не вмешиваюсь, главное, чтобы порядок был. Местные для такой работы только и годятся, – резюмирует Саша. - Ничего серьезного доверить нельзя. Что он будет делать, когда уйдет ООН?! Когда кормушка иссякнет?! Они тут снова перегрызутся!

- А сколько вам еще тут служить? – спрашиваю.

- Мандат ООН продлен до сентября. Так что, недолго еще тут будем. Хороший отпуск устроил нам здесь Пан Ги Мун... Экватор, море, горы... Здесь уже относительно спокойно, ситуация нормализуется.

- А было как?

- Таких явных боевых действий я не застал... Ну, иногда приходится вмешиваться в конфликтные ситуации. Государственные структуры только начинают работать. Мы помогаем местной полиции, показываем пример, что ли. Это и совместное патрулирование, и тренинги... Сейчас мы уже не выполняем функции полицейских, а вначале было так; мы работаем как наблюдатели за местной полицией. Консультируем, направляем, контролируем...

- А конфликтные ситуации были?

- Были. Работает с нами один парень из румынского* корпуса. Вот он как-то приезжает после работы к себе домой, в такой же съемный дом, как и этот, и говорит своему охраннику, чтобы тот помыл джип. Ну, сам видишь, сидят эти охранники и ничего, по сути, не делают... Ну вот, а охранник этот как-то недобро воспринял идею о мытье машины. Слово за слово, и разгорелся нешуточный спор. А охранник этот имел корни португальские, и его задело, как это он, предок великих мореплавателей и хозяев Тимора, будет мыть машину какому-то полицейскому, непонятно как "нарисовавшемуся" на его родной земле!.. Короче, конфликт разгорался и перешел уже в стадию межличностных отношений. Охранник выбежал со двора и пришел вскоре с толпой местных... Офицеру ничего не оставалось, как достать оружие...

- Действительно ничего нельзя было сделать?

- Когда перед тобой толпа, переговоры уже невозможны. Действовать надо решительно. И вот наш парень (офицер) достает пистолет и делает пару выстрелов в воздух... так, по

крайней мере, он потом рассказывал. А в итоге разборка завершилась, когда на земле валялось несколько человек с ранениями в заднее место...

- А как ему удалось попасть именно в такое место? – мне представились нападающие, снявшие штаны и демонстрирующие свои тощие задницы в знак презрения.

- В этом то и прикол! По моему, когда были сделаны выстрелы в воздух, толпа разбежалась, а наш полицейский в пылу разборки начал палить в убегающих "крыс"... Как еще подстрелить нескольких "тиморезов" в такие интересные места... Ну, потом было разбирательство, представили этот инцидент как самооборону с оправданным применением оружия для самозащиты. Парень даже получил повышение по службе и внеочередной отпуск... Короче, проявил себя с лучшей стороны, восстановил порядок на улице, показал пример доблести и все такое!

- Чем решительнее применяешь крайние средства, тем лучше?

- Иногда – да, и по-другому нельзя.

- Вот как надо зарабатывать себе отпуск! - улыбаюсь я. – Вы часто бываете в отпуске? – интересуюсь у обоих Александров.

- Все зависит от службы, - говорит Саша. – Если все идет в нормальном режиме, то раз в несколько месяцев набегает пара недель (*прим.* Отпуск складывается из выходных дней, которых у офицера ООН на неделе нет в принципе, но они "аккумулируются". Вот и получается небольшой отпуск). Кстати, не хочешь куда-нибудь рвануть? У меня скоро намечается небольшой отпуск, - предлагает мне Саша.

Предложение, конечно, заманчивое, и были бы деньги на это, я не раздумывал бы...

- Саша, я не могу. ...Не в этот раз!

- А не знаешь, куда лучше съездить? В соседних странах я уже побывал..., - Саша перечисляет, куда он съездил. *Неплохо он поездил... набирается около десятка стран Юго-Восточной Азии, и несколько стран Океании в некотором радиусе места нашего пребывания. И он еще совета у меня спрашивает?!*

- Ты смеешься?! Я нигде, практически, не был! Вова тебе все расскажет!

- А что тебя интересует, что бы ты хотел увидеть? – подключается к разговору Владимир. – В каждой стране есть свои особенности.

- Ну, где тебе особенно понравилось?

- Очень интересная страна Папуа – Новая Гвинея. Но я бы не советовал ехать туда одному, не имея опыта путешествий. Там опасно, и туризм в стране вовсе не развит, транспортная сеть отсутствует. Зато экзотики выше всякой меры.

- А что там опасного?

- Понимаешь, ты прилетаешь в страну, выходишь в аэропорту, и буквально сразу становишься объектом пристального внимания.

- Внимания кого? – мне ужасно интересно.

- Любого, кто видит в тебе чужака, заезжего туриста. Ты отличаешься всем – лицом, внешним видом, своим багажом. Это все равно, что выпустить кролика на поляну с волками. Да, тебя рассматривают как легкую добычу, поймать которую – дело чести. И с этим ничего не поделаешь. Люди в Гвинее живут диковатые, охотники по натуре. Может поэтому и сохранилась самобытность страны, культура, - все так же, как и сто – двести лет назад.

- Можно сказать, что там настроены агрессивно к иностранцам? – уточняю я.

- Не совсем так. Это не агрессия, это что-то другое. Тебя просто воспринимают не как гостя, не как туриста, а как легкую добычу, как вызов, как бессловесное животное.

- Как же ты выжил?

- Опыт. Опыт приходит со временем. Одному путешествовать небезопасно. В самолете я летел с одним местным, сознательно завел с ним разговор и к концу полета мы уже хорошо раззнакомились, и он позвал меня к себе в гости. Что мне и нужно было...

- Неплохая стратегия!

- По-другому нельзя. Когда ты идешь с местным, тебя не тронут, ты находишься как бы под его покровительством. Это и есть стратегия безопасности поездки. Если сразу не удастся с кем-то завязать знакомство – дело плохо...

- А где ты был, что видел в Гвинее?

- Это были разные места. Я жил в племени... Я путешествовал в центральную часть страны, где туристов вообще никогда не бывает. Там сохранились племена папуасов в том же виде, что и во времена Миклухо-Маклая: охотятся с копьем и луком, этим и живут, они никогда не видели белых людей. У племен центральной части страны существует праздник, где их представители собираются и показывают свое военное мастерство, искусство танца... - Влад

Папуа – Новая Гвинея. Фото Владимира сделано во время его экспедиции в 2003 году.

назвал место проведения праздника, но его название не удержалось в моей памяти. – Мне очень повезло побывать на этом «фестивале», - продолжает Влад. - Незабываемое зрелище! Без «глубокого внедрения» в среду обитания и понимания обычаев папуасов, в местных условиях долго не протянешь. Так что такое путешествие не для всех, но то, что тебе открывается... стоит разумного риска.

Все слушают Владимира, не перебивая, никто уже не ест. Остатки вина разлили по чашкам. Я отпиваю сухое вино, слушаю рассказ, и мне это все больше кажется какой-то фантастикой. Вспоминаю, сколько мне пришлось услышать сомнений и высказанных опасений по поводу, на мой взгляд, безобидного полета на Бали, практически затоптанного туристами... правда, с неизвестным отрезком маршрута. А тут такой рассказ о глубоком внедрении в мир, совершенно не сопоставимый с нашими представлениями о добре и зле, о смысле жизни и ее ценности...

- Есть много государств Океании, где интересно было бы побывать.

- Я видел, кто-то в интернете выкладывал сканы твоих карточек за экспедиции по островам Южного Пасифика. Неординарные фото. Не было ли там проблем с жильем? – спрашиваю Владимира.

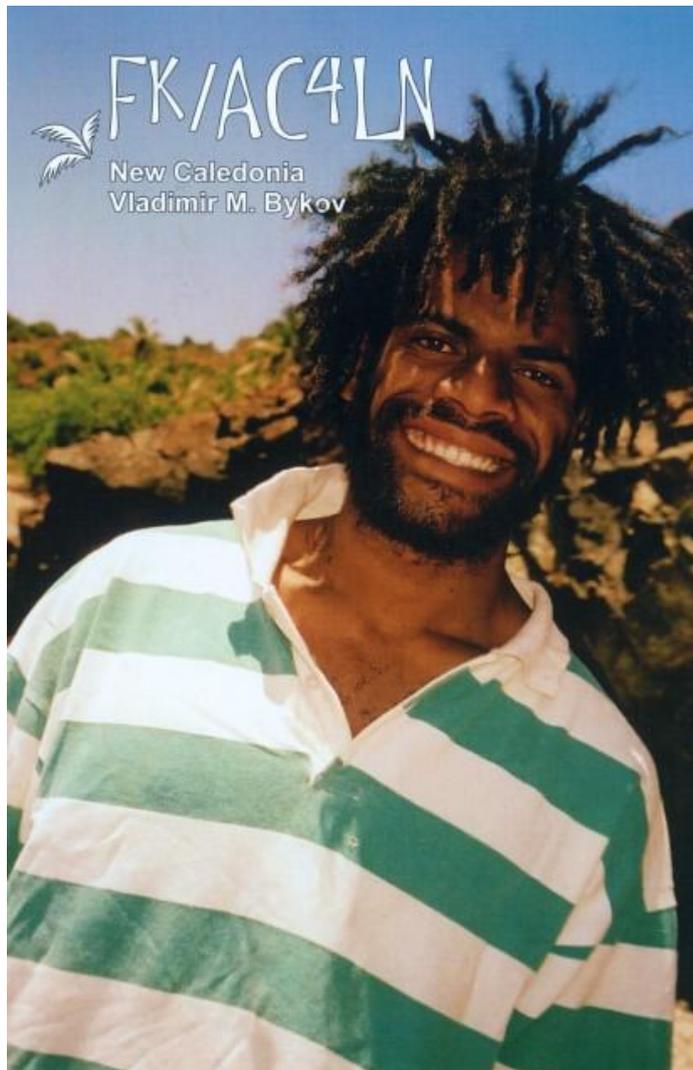
- Каждый случай – особый. Тут не может быть стандартных подходов. Единственное, что является общим для этих островных стран, так это то, что люди, живущие, будь то, на островах Кука, на архипелаге Фиджи или островах Новой Каледонии, не чувствуют ценности денег. У этих стран нет недостатка в международном финансировании. Денег в них вливается немало. Например, Новая Зеландия хорошо финансирует свои метрополии – Острова Кука, острова Токелау – которые имеют самостоятельность в администрировании, самоуправлении, но зависимы в военном и политическом плане. Финансируют просто потому, чтоб, не дай боже, у местных вождей не возникло мыслей о независимости и отделении... На островах все есть в достатке, и деньги, по сути, тратить негде. Местные не чувствуют в них ценности. Поэтому, когда приезжаешь на такие острова, живешь какое-то время в семье, все вроде в порядке, нормальные люди и хорошо к тебе относятся, но когда приходит время расставания и платы по счетам, тебе выкатывают абсолютно нереальную цену за жилье, такую, что без дипломатических переговоров в такой ситуации не обойтись. За несколько дней проживания в крохотной комнатке у тебя могут попросить под тысячу долларов... Просто потому, что цифра нравится со многими нулями. Приходится искать различные подходы, и это уже искусство переговоров. Потом цена может снижаться в разы. Цену я всегда определяю сам.

- Это как?

- Когда поживешь определенное время на острове, узнаешь стоимость продуктов, стоимость поездки на лодке, приблизительную величину дохода хозяев ну и все такое... и стоимость жилья, комнаты, прикинуть уже не проблема.

После Эрмера мне ситуация уже знакома.

- ...Но везде нужен индивидуальный подход. Например, Дави, полинезиец, у которого я жил на острове Арт (Новая Каледония), долго не уступал в цене за жилье. Вот показалось ему хорошей суммой та, что он придумал, и уступать он никак не хотел. Я и так, и эдак, - не хочет сбрасывать. Тогда я сказал ему, что размещу его фото на своей карточке, и его увидят

QSL Владимира за работу из Новой Каледонии.
На фото – глава семейства, в котором жил Влад

люди практически во всем мире... Тогда он немного подумал и согласился на мое предложение (*прим.* Речь идет о карточке, которая рассылается корреспондентам за проведенные радиосвязи. Такие карточки у радиолюбителей называются «QSL», см. фото).

- Невероятно...

- Я бы советовал тебе слетать на Вануату, – Влад обращается к Саше. – Там относительно благоприятные условия для отдыха – и по цене, и по качеству увиденного. Очень интересная страна, там можно увидеть много неожиданного и интересного, если не торчать все время в гостинице.

- Вова, ты писал о каких-то совсем невероятных вещах, связанных с путешествием по Вануату (я немного читал форум...) Что-то о колдунах из племени Мумба, что ли... Расскажешь?

- Big Numbas. Так правильно называется племя. Есть еще Small Numbas – другое племя, живущее на соседнем острове. Эти племена между собой враждуют.

- Это племена людоедов? – я что-то слышал о таком...

- Когда-то были... Сейчас тоже едят, но исключительно в культовых целях, не часто и не от голода. Их шаман решает – кого и когда. И это священный обряд, шамана слушают. Съесть врага – значит забрать его силу, храбрость, ловкость.

- Ужас... и это в наше время!

- Удивительно не это, ведь племена людоедов есть и в той же Новой Гвинее. Эти Big Numbas могут кое-что похлеще. Они могут каким-то чудесным образом заставлять течь воду из сухой деревяшки, я сам это видел... проходить сквозь стены, превращаться или "входить" в животных....

- Ты сам это видел? – рассказ похож на сказку, но передо мной человек, который не станет болтать чепуху.

- Кое-что видел. Кое-что они даже могут показать и гостю за определенную плату... Но такие вещи обычно просто так не показывают, и умеют их делать далеко не все члены племени. Такие вещи требуют определенной подготовки, веры, знаний, которые у них передаются только в устной форме от отца к сыну. Особой концентрации требуют, которая отбирает

много энергии у человека. Эти чудеса – результат напряженной работы психики. Поэтому, просто так, ради забавы, способности эти никто демонстрировать не будет.

- А тебе показывали?

- Я же говорю, кое-что видел... Прикол в том, что даже после демонстрации таких способностей, те, кто видел, не верят в то, что увидели. Многие не готовы воспринять то, что не укладывается в наши представления о мире и о человеке... и воспринимают это как фокусы.

- А ты веришь?

- Понимаешь, мы многого не знаем об окружающем мире. Можешь и не верить, но мир от этого не изменится... Послушай еще одну байку, которую рассказал один мой знакомый, служивший на корабле, - продолжает свой рассказ Владимир. – Он пересказывал мне историю, которую поведал ему друг-моряк. Так вот, этот моряк поехал в отпуск на какой-то из островов, то ли Вануату, то ли Фиджи, и жил там в племени аборигенов довольно продолжительное время. Папуасы, у которых он жил, тоже могли проделывать всякие чудеса типа перемещений в пространстве, проникновение сквозь стены... Ну вот, подходит к концу его отпуск и время возвращаться на корабль, который находился у берегов другого острова, и туда требовалось еще добраться.... Когда настал день отъезда, лодка к острову за ним почему-то не приплыла. Может, погода помешала или что-то там еще... Только возникла серьезная проблема опоздать на свой военный корабль, который должен был сниматься с якоря и плыть по своему маршруту... Парень в отчаянии, и он обращается к старейшине племени с просьбой, не может ли тот помочь чем...

- И что, он лодку дал?

Вануату. Танец мужчин племени Big Numbas. Фото Владимира сделано во время его экспедиции в 2003 году.

- Нет, не совсем. Он долго разговаривал с шаманом своего племени, и тот дал согласие помочь. Помочь согласился только потому, что парень этот прожил определенное время в племени и ему доверяли... Он (колдун) спросил, может ли парень-морьяк безусловно доверять ему и выполнить все, что он попросит? Колдун сказал, что будет проведен нужный ритуал, и они войдут в определенное состояние, пограничное с этим миром. "Когда придет время, и я возьму тебя за руку, ни в коем случае не открывай глаз и не отпускай руку. От этого зависит и твоя и моя жизнь", - сказал шаман. Дав заверения и поклявшись слушаться слов шамана, парень этот прошел некий ритуал. Колдун начал с молитв, продолжил танцем, потом что-то делали еще, но только настал момент, когда "бледнолицый" перестал осознавать реальность. В этом состоянии он услышал откуда-то сверху приказ закрыть глаза и почувствовал, как кто-то схватил его за руку... Очнулся он уже на своем корабле, который плыл по заданному маршруту...

- Звучит, как из сказок Шахрезады – колдуны, способности к левитации, перевоплощения...

- Такие вещи вполне реальны, на мой взгляд, - замечает Владимир, - но требуют больших психических нагрузок для того, кто перемещается в пространстве. И еще. Необходимо абсолютно доверять человеку, с которым проделывают такие вещи. Если бы он, морьяк этот, открыл глаза, могли бы погибнуть оба... Поэтому, когда настолько доверяют чужаку, что на кон ставят жизнь, просто исключительный случай. Просто прийти в племя какому-нибудь туристу и ожидать, что тебе тут же начнут показывать чудеса – глупая затея... Такого никогда не будет.

* * *

Ужин закончен. Вино допито. Нашим друзьям из миссии завтра на службу, а нам – в новое путешествие. Сгребаем посуду, подполковники порываются помыть тарелки, но Ира их останавливает... Через несколько минут, все разбредаются по комнатам, прихватив стулья.

- Хочешь позвонить домой? – интересуется у меня Владимир.

Конечно, хочу. На Тиморе сейчас за полночь, а на Украине – начало шестого вечера.

- ОК, сейчас посмотрю, что там у меня на счету в Скайпе, - Влад проверяет баланс на своем эскаунте, и вот я уже диктую ему номер мобильного жены...

Интернет у ребят стабильный и скорость трафика позволяет без проблем разговаривать, я проверял это еще перед отъездом в Эрмеру – звонил на компьютер брату.

Я беру в руки айпод и жму кнопку вызова. Несколько гудков зуммера и я слышу знакомый удивленный голос – это первое общение с женой с момента моего отъезда. Номер звонящего не распознается на мобильном, поэтому сразу представляюсь... сообщаю, где я и говорю, что все в порядке, что мне очень здесь нравится.... Название страны "Восточный Тимор" ничего не говорит обывателю – по крайней мере, я не встретил ни одного человека после поездки, который бы сказал что-то вроде: "А, знаю, знаю... знакомые недавно вернулись из отпуска". "Тимор" у жены не вызывает никаких ассоциаций, поэтому не обращаю внимания – название страны все равно в голове долго не задержится. Узнаю какие-то новости, и еще информацию о сильных морозах и снегопаде... Нет... что-то мне не хочется лететь обратно: тут тепло – то ли воздух, то ли море, то ли дождь, - все, практически, одной температуры... Правильнее сказать, мысли об обратной дороге меня вовсе не посещают. Разговор недолгий, я не хочу затягивать платный звонок. Дома все в порядке, справляются...

В скайпе появляется UR7EZ, я предупреждаю брата, чтоб не упустил шанс сработать с нами с острова. Говорю о приблизительных планах поездки. Эта информация заранее нами нигде не распространяется. Через время вижу в активном списке контактов своего приятеля, Go, 9M6YBG, с которым мы частенько встречаемся в эфире, иногда болтаем в Skype... Влад просит не сообщать о планах - все расскажем после экспедиции. (Это, наверное, чтоб (тьфу-тьфу-тьфу) не сглазить, и чтоб поездка не сорвалась. Когда Бог слышит о наших планах, Он, знаете ли, иногда любит над нами посмеяться.) Поэтому после обычного обмена приветствиями и информации о работе текущей экспедиций на Мальпело и Питкертн, я говорю, что я не работал с ними, потому что... вообще-то, сейчас не в Украине.

- А где? – Go явно ошарашен...

Я думаю, как же ответить, чтоб не было обидно.

- Я не могу сказать, sorry! My friend – organizer of expedition – required me keeping all in secret before the final call of expedition. Sorry, once again! – пытаюсь я быть краток и деликатен.

В ответ появляется несколько смайликов – top secret?! ОК...

- Я в одной из текущих экспедиций, просто сработав с каждой из них, наверняка сделаешь QSO с нами... – черт, я чувствую себя секретным агентом под прикрытием, осталось только научиться применять эзопов язык – "Дятел! Дятел! Птичка залетела в гнездо! Чистим перья и вылетаем на нерест на рассвете!.."

Go действительно провел несколько QSO с нами из Эрмера, но поскольку мы от него близко, и относительно недавно тут была команда 4W6A, то коллекцию диапазонов в этот раз он не собирал.

Когда я закончил со Skype, проверил электронную почту, обитатели дома уже разбрелись по комнатам, и все погрузилось в тишину. Я отложил айпод Иры, мне тоже пора отдохнуть. Вышел на крыльцо дома, прислушался. Тихо. Безветренно. Тепло. Несколько тараканов-гигантов медленно переползают через водосточную канавку, идущую из душевой комнаты. На фоне ночного неба нечетко вырисовывается огромная пальма с еще незрелыми кокосами на вершине, растущая из соседнего двора, но сбрасывающая свои орехи прямо на нашу дорожку возле дома. Хорошо, что кокосы еще зеленые... Справа черным контуром к ночному небу тянется гора. Нет, не гора – холм размером с девятиэтажку. Я постоял несколько минут во дворе – никак не могу привыкнуть к новым запахам и ощущениям, но... нужно немного поспать. Я оставил тапочки у крыльца и вернулся в дом. Большой кожаный диван во второй секции обширного холла полностью в моем распоряжении. Я плюхнулся на него, лишь сняв рубашку, и быстро отключился.

Тиморийское шоу

Сначала он обозначил трассу, похожую на круг ("Точная форма не имеет значения", – сказал он), а потом вся партия была размещена по трассе там и сям. Никто не командовал: "Раз, два, три – старт!" Каждый начинал бежать, когда ему хотелось, и останавливался, когда захотел, так что было непросто понять, когда гонки закончились.

Льюис Кэрролл.
Алиса в Стране Чудес

Какие-то шорохи в доме, хлопанья дверьми и утренние разговоры в холле посылают импульсы в мозг, что утро настало, и пора отрываться от кожаной постели. На кожаном диване спать не очень удобно – тело, соприкасаясь с кожей, плохо дышит, из-за чего потеешь. Да и жарковато в открытом помещении – кондиционеры стоят только в комнатах.

Я сажусь на диван. Собираю мысли. Не-е-е... – надо сполоснуться и чего-нибудь там выпить. Чай или кофе, конечно. После легкого душа – также легкий – завтрак перед дорогой: яичница и хлеб с каким-то банановым джемом. Вот и все, пожалуй. Утром есть еще не хочется, но когда мы поедим в следующий раз – никто не знает. Еды мы с собой не берем.

Саша берется подбросить нас до места погрузки – туда, где вчера мы нашли рыбака. Саше на работу к девяти утра, поэтому он нас немного торопит. Когда с завтраком почти покончено, приходит Нико.

- Ну что, созвонился с рыбаком, - спрашивает его Владимир.

- Я звонил ему пару раз, но мне никто не ответил...

- ТАК ТЫ ЧТО, С НИМ ЕЩЕ НЕ СОЗВОНИЛСЯ?! – взорвался Влад.

Нико пытается оправдаться – звонил, мол, но не дозвонился; потом позвонил тебе (вам)... потом позвонил домой... потом закончились деньги на телефоне... Я не буду передавать диалога, разговор был резок, еще резче были выражения на русском – на языке, как известно, богатом на всевозможные оттенки... Смысл тот, что мы наняли его, Нико, на работу, а он ее не делает, причем в такой критический для всех момент!

У Владимира в телефоне SIM-карточка Тимор-телеком, заимствованная у Саши. Он дает телефон Нико – на, звони! Звони, пока не дозвонишься!! ...До рыбака удалось дозвониться. Нико поговорил и сказал, что все в порядке, что он будет на месте.

Ну, отлично... Влад ругает Нико за разгильдяйство, но уже на русском и недолго. Нико же пользуется моментом и поправляет здоровье остатками завтрака на столе – наспех запихивает в себя слайсы хлеба с джемом. Офицеры, то и дело пробегающие через кухню, косятся на него – я понимаю, что местным вход в дом должен быть закрыт... Но, да видит бог, сегодня исключительный случай! И они это тоже понимают.

Погрузка началась. Мы вчетвером берем генератор и поднимаем его колеса на уровень пояса – багажник джипа расположен высоко от земли. Второй офицер, стоя в багажнике, принимает. Дальше – проще. В щель между генератором и стенкой втискиваем канистры с горючим и свои рюкзаки. Багажник полностью забит. Еще раз проверяем, все ли

взяли. Прощаемся с Сашей (одарившим меня средствами индивидуальной защиты), и садимся в машину. Ворота «автоматически» открываются – охранник на месте.

Саша быстро едет по знакомой дороге, и минут через десять мы на том самом месте, где вчера договаривались с рыбаком. Нет, не буквально. До берега нужно еще немного пройти, перемахнув через парапет и преодолев метров двадцать по песчаному пляжу. Выгружаем вещи у края проезжей части и тут же перемещаем их ближе к парапету. Саша не уезжает – а что если рыбака не будет, а у нас тут вещи, генератор... Уже девять утра, но он решил подождать, пока Влад и Нико отправились на пляж искать нашего лодочника.

Погода утром отличная – солнечная и безветренная. Ну, почти безветренная – есть очень слабый бриз, но волны на море нет.

- Если на море будут проблемы – у вас есть телефон, звоните, - говорит мне Саша.

- А что может случиться?

- Иногда бывают случаи, когда отказывает мотор или ветром лодку сносит в океан или еще что-нибудь происходит. Тогда к рыбакам выезжает береговая полиция. Они тут рядышком базируются, - Саша показывает на ряд лодок, стоящих метрах в пятидесяти от нас и укрытых брезентом. Только лодки – никого в полицейской форме я не замечаю. Более того, людей в той части пляжа я вообще не вижу. Наверное, работа у них, как у пожарных в одном стихотворении:

У пожарных дел полно
- Книжки, шашки, домино,
В баню женскую окно...
Жизнь налаживается, но...

- А так полиция по морю не ездит, не патрулирует берег?

- Нет, нет надобности.

Через минут пять показался Владимир. Еще издали видно, что настроение у него испортилось, он возвращается и что-то недовольно говорит Нико. Рыбака нет. Почему нет – неизвестно. Опять к Нико – о чем вы разговаривали по телефону, если лодки нет?! Извиняемся перед Сашей, что выходит непредвиденная задержка, и предлагаем ему ехать на работу.

- Если рыбака не будет, я отвезу вас обратно. Не могу я уехать, не убедившись, что у вас все в порядке.

Слова офицера! Мысленно я благодарен ему.

Влад снова уходит с Нико куда-то в направлении линии прибоя. Начало десятого. Снова ждем. Я сажусь на газонную траву, расслабляюсь и просто наблюдаю за улицей. И тут мне начинают открываться удивительные вещи. На нас движется демонстрация! Какие-то крики вдали слышно все яснее – толпа движется в нашу сторону. Я встал с травы и расчехлил камеру. Люди в толпе одеты преимущественно в белые рубахи и темный низ. Это студенты. В руках у многих веники и ведра (пустые), на груди и на спине висят красного цвета таблички, на которых что-то от руки написано на тетуне. Толпа что-то скандирует, ребята улыбаются и следуют мимо нас. Какой-то Паноптикум! Нет, не просто так ходят

Ира с нашими вещами на набережной. Саша в стороне терпеливо ждет Владимира.

Студентка – участница марша за чистый город.

Я с «борцами» за чистоту.

студенты с ведрами – в стране началась избирательная компания! Студентам хорошо – в одно удовольствие пройтись на свежем воздухе в будний день, в часы, когда седой университетский профессор должен читать им лекцию... Соберутся они в конце шествия где-нибудь на площади, а там камеры уже стоят наготове, телевидение. Покажут вечером по новостям сюжет, и скажут, как действующего-де президента молодежь активно поддерживает в его борьбе за чистоту улиц и душ человеческих!.. «Выметем в стране всю нечисть метлой поганой (в кадре мелькают симпатичные девушки в коротких юбках и с венками)! Не дадим стране погрязнуть в грязи коррупции... ведер хватит, чтоб разобраться с любой помойкой (камера наезжает на неугомонных «блюстителей чистоты», вооружившихся одинаковыми пластиковыми ведрами)!» Подумать только – одеться практически во все белое, чтобы мести улицу! И где вы видели мусор на набережной столицы, где стоят правительственные офисы, находится парламент и иностранные представительства?! Да, эффектно, но где же здравый смысл?! На выборах он, чаще всего, отдыхает, и не только у нас в стране!

Ко мне подходит Саша: «Хочешь, сфотографирую тебя со студентами?»

Неожиданно, но мне по приколу - а давай!.. Саша в ООНовской форме – пистолет за поясом, на спине надпись «POLICE». Будь я студентом, меня бы впечатлило обращение офицера полиции больше, чем распоряжение декана. Саша отлавливает из толпы двух студенток и паренька в таком же прикиде, как и его сокурсницы (Саша просто указывает пальцем и просит подойти). *Так, все построились у паранета!!!* Я вклиниваюсь в шеренгу школяров. Саша делает снимок. Вблизи я, наконец,

рассматриваю, что же на студентах навешано. На красной табличке написаны краткие данные о персоне – кто, откуда, где учится, какое хобби. Висит еще на шее у многих какое-то странное «ожерелье» из конфет-леденцов и детских сосок, однозначно – сосательные принадлежности. В голове возникают пошлые ассоциации в контексте политических аллегорий... Ну, пусть это будет на совести организаторов... Студенты большой шумной толпой остановились метрах в пятидесяти от нас – перекур (надеюсь, окурки побросали себе в ведра?).

Владимир напряженно всматривается в спокойную гладь моря – «...я убью тебя, лодочник!..».

Где же Влад?! Я присматриваюсь и вижу его с Нико, стоящими у кромки воды. Куда-то напряженно всматриваются. Влад оборачивается и подходит к нам.

- Вон тот рыбак, - указывает Влад на мужчину у разбитой лодки, - говорит, что наш «товарищ» отошел за маслом для лодки и скоро вернется.

- И он не предупредил нас?..

- Будем ждать!

Влад снова уходит к морю. Рыбак вскоре появился, я вижу знакомое лицо. Он и Владимир при участии Нико несколько минут о чем-то беседуют.

- Так, ну, кажется, все в порядке! – я вижу, что беседа там проходит «в мирном русле». – Саш, думаю, ты можешь ехать!

Саша видит то же, что и я: рыбак вытаскивает из лодки две большие канистры. Ага! Собираются заправиться! Ну, слава богу! Все трое подходят к парапету и переваливают на тротуар набережной.

- Мы сейчас съездим с этим парнем заправиться. Заправка в паре остановок маршрутки отсюда.

- Ну, все нормально? – уточняет Саша.

- Да. Огромное тебе спасибо за помощь! Дальше мы сами! – Влад жмет руку нашему другу.

Я тоже прощаюсь со словами благодарности за помощь. Обещаем звонить в экстренном случае. Саша уезжает, он должен быть на работе уже минут сорок как... сегодня ему предстояла поездка в другой город, где намечалось проведение очередной демонстрации, но уже не детской, как эта, с вениками.

Влад ловит такси, и, уложив емкости в багажник, все трое исчезают в салоне тойоты. Мы с Ирой остаемся на набережной с вещами. Я сел на газонную травку и наблюдаю за людьми на противоположной стороне улицы. Прохожих в этот утренний час не много. Боже правый, а это кто?! Противоположную сторону улицы метет дворник! Вот он, скромный труженик улицы, истинный боец невидимого фронта, работающий не ради сюжета по ТВ, не за идею и не славы ради, а за скромную плату... И одет он в соответствующие его работе

Рыбак объявился спустя тридцать минут после нашего приезда. Жизнь налаживается! Идем заправляться.

темные неприметные одежды. Но что-то в этом «труженике метлы» не так, что-то такое, что просто взрывает мозг изнутри.... Вот оно – мужик работает в каске! Я никак не могу понять, с какой целью ему необходимо так надежно защищать голову? Конечно, может кто-то так водит мопед, но может и оберегается от солнечного удара... Мотоцикла рядом нет... значит – второе. Кому-то тут нужен врач?

Движение транспорта по набережной довольно интенсивное. Мимо меня то и дело проносятся мотоциклы, легковые машины с открытым багажником, иногда ООНовские джипы, иногда грузовики, искусно расписанные, как творения народного промысла. Модно здесь украшать машины оригинальным рисунком! Это как купить номер с одними семерками, как перекрасить волосы в зеленый цвет. Я видел немало таких машин на Тиморе! Есть, бесспорно, у жителей чувство красоты.

Ну, и в довершение "парада оригинальных костюмов" на сцене появляются... новобранцы. Это не шуточки – это армия Восточного Тимора! Колонну,двигающуюся у обочины дороги, ведет сам сержант: он следует метров на пятнадцать впереди взвода и что-то жестами показывает салагам. Молодые воины разучили какую-то "кричалку" и сейчас скороговорками поднимают свой боевой дух. Лица боевиков перепачканы гуталином и зеленкой, так надо – все это, чтобы затеряться в буйной растительности горной страны, и враг не нашел. На набережной – другое дело, шествие выглядит как очередной номер нескончаемого тиморийского шоу...

Колонна нас миновала, и вскоре вернулось такси – баки заправлены, можно грузиться!

Это не шоу перед выборами – человек по-настоящему метет улицу. Зачем тебе каска, дорогой?

Грузовик на набережной Дили

«Зеленые человечки» на марше

Суровые тиморийские парни

По ту сторону пролива Ветар

«Тварь ли я дрожащая или право имею...»

*- Ты не знаешь, как будет приятно,
Ах, приятно! - когда в вышину
Нас подкинут с омарами вместе
И - бултых! - в голубую волну!
- Далеко, - отвечает улитка,
- Далеко ведь нас будут бросать.
Польщена, - говорит, - предложеньем,
Но прости, мол, не тянет плясать.*

*Но чешуйчатый друг возражает:
Отчего ж не предаться волне?
Этот берег ты любишь, я знаю,
Но другой есть - на той стороне.
Чем от берега этого дальше,
Тем мы ближе к тому, так сказать,
Не бледней, дорогая Улитка,
И скорей приходи поплясать.*

Льюис Кэрролл.
Алиса в Стране Чудес

Я, Нико и Влад начинаем переносить вещи к лодке: кто-то переваливает рюкзаки через парапет, другой принимает и несет дальше. Общими усилиями затаскиваем по песку тяжелый генератор. Возле лодки, кроме рыбака, еще два человека. Видимо, они будут с нами в поездке. Все присутствующие помогают загрузиться. Важно правильно распределить вес на судне. Судно – это деревянная лодка длиной около пяти-шести метров и шириной метр двадцать – полтора метра. Сидя на деревянном полу лодки и выставив руку за борт, можно ловить брызги рассеченных волн – высота борта над водой около полуметра. Это обычная рыбацкая лодка. Нет, пожалуй, нельзя так сказать, на острове я видел судна и поменьше... Пожалуй, слово "судно" все же звучит уж очень помпезно для этого плавсредства.

Мы, кряхтя, затаскиваем генератор, его нельзя намочить. Крепкие тиморийские рыбаки принимают груз в лодке. Она сильно кренится вбок, пока мы тужась и стоя по бедра в воде передаем генератор на борт. Кто-то уже догадался сесть на противоположный борт, и лодка выравнивается. Тележку с генератором устанавливаем посередине судна и тщательно закрепляем веревками. Важно, чтобы она не поехала при качке. Если нарушится положение центра тяжести, в качку под воду уйдем быстро. Поэтому генератор вяжет сам хозяин лодки. Когда все готово, накрываем агрегат брезентом. Остальное распределяется так, чтобы под ногами ничего не путалось, и вес был бы сбалансирован. Все рюкзаки складываем в носовой части шлюпки и тоже накрываем брезентом. Хотя сейчас море спокойное, кто его знает, что будет через час. Переплыть ведь не речку. Ехать предстоит несколько часов. Сколько именно, мне оценить трудно. Расстояние между Дили и южной оконечностью Атауро около двадцати - тридцати километров. Еще около десяти километров следовало плыть вдоль побережья острова к поселку Акрема.

Все погружено. У рыбака и его спутника вещей практически никаких нет, так, лежит какой-то мешочек, предположительно, с рисом, каких-нибудь пара сумок с нехитрой едой.

Мы рассаживаемся по лодке. Наш перевозчик садится естественно рядом с моторами. На лодке установлено две ямахи-эндуро. Я пишу "сидится", но не имею в виду на сиденья или на лавку. Нет таковых. Не предусмотрены они в конструкции лодки. Мешать они будут рыбалке. Да и зачем их делать – лодка неглубокая, и если человек будет возвышаться над днищем шхуны, это снизит ее устойчивость на волне. А, как известно, безопасность – это всегда приоритет.

Мы садимся на деревянный настил-палубу. Пассажир-тиморец отвязывает веревку и отталкивает лодку. Экспедиция на Атауро началась! В хорошую погоду контуры южного побережье острова видно невооруженным глазом с берега бухты Дили. Сейчас я всматриваюсь вперед и едва что-то вижу. Остров в тумане или в облаке. Ничего, скоро все будет видно. Из двух моторов работает один, наша лодка неспешно рассекает зеркало моря, в котором отражаются лучи утреннего солнца, пробивающегося сквозь тучи. Мы минуем несколько торговых кораблей, стоящих в бухте на якоре. На палубах никого не видно, борта суден имеют следы ржавчины, а их потертый вид наводит на мысль, что эти посудины тут кто-то бросил. Если бы не струя воды, выбрасываемая откуда-то из недр протухшего желудка судна, да не флаги Восточного Тимора, слегка развивающиеся на слабом ветерке, впечатление заброшенности было бы полным.

Я расположился посередине лодки, ближе к борту. Нико вначале сидел со мной. Настроение у нас превосходное. Нико достал свой плеер и начал слушать музыку. Потом, что-то вспомнив, достал телефон и позвонил домой. Дороговизна звонков учит быть кратким в общении. Он поговорил с минуту и спрятал мобильник в сумку. Мне болтать сейчас не хочется, да и не позволяет это делать рев мотора за спиной. Сделав несколько попыток завязать разговор, он успокоился и также молча уставился в морскую даль. Мы миновали корабли в бухте и постепенно выезжаем в открытое море. Справа от нас медленно проплывает утес, на котором стоит огромных размеров памятник Спасителю. Христос обращен к бухте Дили, его руки возведены к небу в молитве. Последнее, что видно покидающему бухту – это статуя на утесе и большая гора, окаймляющая город со всех сторон с юга, покрытая зеленью и, нередко, скрывающая свою вершину в густом дождевом облаке, спускающемся на Дили.

Владимир с Ириной сели на носу лодки, рядом с вещами. Нос лодки слегка задран над водой, поэтому это самое возвышенное место... и, как вначале мне кажется, самое выгодное с точки зрения созерцания надвигающегося на тебя пейзажа. Но впечатление обманчиво. Когда лодка наша вышла полностью из бухты, откуда-то появился ветер. Бухту защищает горный хребет, как только выходишь в открытый пролив, все совершенно меняется. Ветер усилился, и нос лодки все чаще стал зарываться в волны. Пока идем ровно, боковой качки нет, только до меня все чаще долетают брызги от разбившейся о лодку волны. Не везет тем, кто сидит у носа: я смотрю на Иру и Влада – их то и дело обдает брызгами. Влад полез в рюкзак и достал плащ-клеенку для Иры, поправил брезент, укрывающий вещи, уголок которого начал хлопать на ветру. На море появилась волна, небольшая, на мой взгляд – высотой максимум с величину подъема борта над водой. Наше судно временами ныряет в такие волны, передняя часть носа шлюпки, опущенная слегка ниже края борта и конструктивно отделенная от "пассажирской зоны", полностью омывается водой, а в нас летят тысячи капелек соленой и теплой воды. Поначалу я нахожу это приятным. Мои друзья спереди, однако, уже полностью мокрые. Я вижу, как у Иры с волос стекают струйки воды, а лицо – я не вижу ее лица – она уже практически перестала вытирать. Мы еще не доехали до

Владимир и Ирина. На горизонте – южный берег острова Атауро. Впечатление о близости острова – оптический обман: с этой точки до побережья – около полутора часа пути

середины пролива, а ветер еще усилился. Нико встал и переместился к лодочнику – там хоть поговорить можно на родном языке и брызги не так сильно летят (так мне кажется, я оборачиваюсь нечасто). Может ему, человеку с гор, стало страшно, за что винить его, безусловно, нельзя, а разговор помогает расслабиться.

Лодочник наш (зовут его *Бабу – как странно – совпадает с фамилией Нико) умело ведет лодку. Страшна боковая волна, а не та, что разбивается о нос лодки и обдает нас брызгами. Поэтому лодка иногда наплавляется вбок, чтобы избежать опрокидывающего удара волны. Где-то на середине пролива, когда побережье Дили уже скрылось из виду, а до Атауро пути чуть больше, чем уже пройдено, наш мотор глохнет. Лодку сразу начинает разворачивать в опасное положение, нас качает на волнах, как детскую коляску в руках безумной мамы, – то вдоль, то поперек. *А водички хлебнуть не желаешь, сынок? На, вот,* – очередная порция освежающего морского душа. Рыбак пытается завести мотор, его земляк помогает. Мы, естественно, сидим на местах – важно не нарушать баланса распределения веса. От тряски на волнах, возможно, залило мотор. Подкачивание бензина из бака и попытки раскрутить вал стартера ни к чему не приводят. Все это продолжается в течение минуты или двух. Плюнув на это, мотор устанавливают в "сухое" положение, и опускают в воду винт второй Ямахи. Несколько рывков за шнур стартера, и мотор взревел. Спасибо, Господи! Бабу выравнивает лодку, и мы продолжаем борьбу с морем.

У меня снимать нет никакой возможности, я сижу абсолютно мокрый, рубашка не успевает высыхать на ветру, нас не заливает, но регулярно обдает брызгами (а несколько раз гребень волны таки прорывался в лодку, дав почувствовать, что с морем шутить не стоит), объектив фотоаппарата моментально покрывается мельчайшими капельками, а чтобы его

вытереть – нет сухой материи. Да мне-то что! Вот Вову с Ирой накрывает конкретно... Встречали ли вы когда-нибудь мужественного человека? Не в кино, а в жизни? Несколько дней спустя понял я, что встретил смельчака. Я понял это, будучи на острове, когда узнал, что Ира почти не умеет плавать... Сейчас, сидя в лодке и промокнув до нитки, я чувствую себя несколько дискомфортно, но, скорее, не из-за волнения на море, – плавать я умею неплохо, – а из-за облепившей тело мокрой рубахи, из-за слегка щиплющей глаза соленой воды, стекающей по лицу, из-за настойчивого желания размять отсиженное место (мы "на рейсе" уже около полутора-двух часов). А каково вот ей – в паре метров передо мной сидит жена Владимира – молодая девушка, отправившаяся с нами в путешествие по морю. Я понимаю, что ситуация сейчас не для слабонервных... Каково ей? На носу лодки ощущения от постоянного «вгрызания» в катящиеся на нас волны куда сильнее... Я вижу, как Ира вдруг прикрыла лицо руками... По телу пробежала едва заметная дрожь... Что ж, у каждого в жизни бывают минуты слабости, мгновения, когда не в силах совладать со своими эмоциями, справиться со своими страхами. Ничего скверного тут нет, все, кто видят это, думаю, понимают. Нет истерики, нет бурного проявления эмоций. Это борьба с собой, кто проходит через это - становится сильнее... Влад придвинулся к Ире ближе и что-то ей долго говорит. Потом он поднял брезент, и они им накрылись – нечего тут остальным глазеть, это не шоу. Мне почему-то вспомнились слова Раскольникова из «Преступления и наказания»: «Тварь ли я дрожащая или право имею...» Возможно, сегодня кто-то убил в себе сомнения, сказал себе: «Да, я могу!». И нет никакой нужды размахивать топором... есть разные пути для достижения одних и тех же целей.

Между тем, контуры Атауро начинают четче вырисовываться. Волна пока не ослабевает, а мне кажется, что даже немного усилилась. Вдруг – вот неожиданность – в паре метров от лодки что-то выпрыгнуло из воды и... полетело! Летающие рыбы! Я заметил первую боковым зрением. Вторая и последующие не заставили себя долго ждать. Возле лодки, с левого и с правого борта, из воды выпрыгивают рыбешки. Видна их серебристая чешуйка и широкие плавники-крылья, - все происходит в непосредственной близости от лодки. Я вижу, как происходит прыжок из морской пучины: тридцатисантиметровая рыбешка выпрыгивает как пружинка, ее хвост, еще загнутый на девяносто градусов, мгновенно распрямляется, а боковые и спинной плавники разворачиваются в крылья планера, и рыбка парит над волнами на высоте около метра. Некоторые рыбешки пролетают метров до двадцати и плюхаются в воду. Вот это представление! Как красиво! Я разворачиваюсь и кричу Нико, но он уже заметил! На рыб-летунов удалось посмотреть в течение минут двадцати. Незабываемое зрелище. Потом косяк ушел.

Южная оконечность Атауро – это довольно крутая скала, уходящая своими склонами в море. Пока мы плыли к острову, небо над нами заволочило облака. Когда же мы подплываем к острову, становится ощутимо изменение погоды к дождю. Горная вершина обозримой для нас части острова скрыта в дождевом облаке. Тучи как будто зацепилась за горный пик и дальше плыть по небу не желают. Остров окутан туманом, спускающимся к воде прямо с густого темного облака. Очевидно, у побережья идет ливень. Подплыв на расстояние полутора двух километров от берега, мы переходим через условную, но довольно заметную границу беспокойной воды – ветру с океана частично перегородивает путь горный хребет острова. Лодка наша не подходит близко к берегу – на расстоянии полутора километров от берега, наш капитан меняет курс и следует вдоль берега. Лодку уже не раскачивает. Нико расслабился и просит сфотографировать его с «помощником капитана». Я делаю несколько кадров побережья, ну заодно и Нико достается внимания. Только я успел протереть объектив

о край еще сырой рубахи, как начался ливень. Я спрятал камеру. Хотя дождь не холодный, как в моей стране, ливень с ветром доставляет мало удовольствия. Рубаха снова намокает. Нет, не намокает, одежда не имеет никакого значения в такой ливень – я буквально залез под душ в одежде! По лицу с волос стекают соленые ручейки, я ощущаю соль на языке, глаза снова начинает пощипывать. *Почему дождь соленый?! Ах да, это ливень смывает соль, осевшую на лице от брызг морской волны.*

Южный мыс Атауро в дождевых облаках. На карте эта точка называется Dugong Bay

Нико, перебравшийся ко мне, когда лодка миновала «область турбулентности» на море, начинает дрожать от холода. С него течет, как с гуся вода. И кожа у него покрылась пупырышками. По правде сказать, мне тоже дискомфортно, но не на столько, чтобы трясло вот так... Нико полез в свою сумку и выудил оттуда какую-то рубашку, накинул ее на спину и на голову, поджал под себя ноги и опустил голову. Да, смачиваемая поверхность уменьшилась! Но... что толку, если уже весь мокрый?!

Мы проплыли километра два-три, и ливень внезапно кончился. Чудесно! Какая изменчивая погода! Выглянуло даже солнце. Нас обдувает легкий ветерок и моя рубаха подсыхает. В кармане – несколько мокрых купюр "вечнозеленых", взятых в дорогу; с ними ничего не будет - проверено. Я снимаю побережье. Из-за нависшего низко облака, остров кажется каким-то загадочным. Неожиданно, снова исчезает солнце и начинается дождь. Я еле успеваю зачехлить камеру. Дождь с ветром начинается и прекращается еще несколько раз. Бабу, рыбак, не выдерживает (наверное, зрелище дрожащего "мальчика", накрывшегося мокрой рубахой, наводит на жуткие воспоминания о временах индонезийской оккупации) и поднимает над лодкой брезент – у бортов лодки мы закрепляем стойки-трубки П-образной

формы и быстро укрываемся от непогоды. Влад с Ирой на носу судна прячутся под брезент – средство индивидуальной защиты: брезент-крыша не покрывает всю лодку. Когда мы миновали приблизительно треть острова вдоль побережья, брезент окончательно сняли – хотя небо по-прежнему облачное, темная туча осталась позади. Мы почти у цели!

Атауро

*...И был, как суша, сух песок,
Была мокра вода.
Ты б не увидел в небе звезд –
Их не было тогда.
Не пела птица над гнездом –
Там не было гнезда.*

Льюис Кэрролл.
Алиса в Зазеркалье

Вот и первый поселок. Нас еще омывало теплым дождем, когда мы причалили к безлюдному берегу. Жителей почти не видно, наверное, попрятались от непогоды. Дома, разбросанные вдоль береговой линии, живописно вписываются среди кокосовых пальм. Это Villa. Поселок – не наша цель, здесь мы высаживаем пассажира из местных рыбаков, который плыл с нами. Говорю "рыбак" – потому что, по-моему, на острове в кого ни ткни пальцем, попадешь в рыбака... Позднее оказалось, что не все так однозначно.

Наш пассажир спрыгивает на берег, ему передают небольшую сумочку с вещами, он отталкивает лодку и на прощание машет нам рукой. Нам плыть еще с десятков километров на север. Лодка ровно идет по спокойной воде вдоль побережья. Берег от нас на расстоянии нескольких сотен метров. Равнинная часть острова – это только узкая полоска песка, поросшая тропической растительностью, на которой и стоит большинство поселков. Поселком трудно назвать группу из пяти-восьми домов, поселения преимущественно небольшие. Скалы, холмы, утесы начинаются сразу за поселком, резко вздымаясь к небу.

Villa – один из небольших рыбацких поселков на юго-восточном побережье Атауро.

Расселины между скалами и склоны покрыты густой зеленью и не заселены: они местами кажутся неприступными... Да и зачем рыбаку селиться в горах – все, что нужно, выращивается на узкой полоске песчаного побережья. Правда, есть и другой остров, немногие туристы забирались в его центральную часть... Саша, ("офицер с полотенцем", о котором я писал выше) как-то рассказал мне, что, будучи на Атауро, решил развлечь себя прогулкой в центральную часть острова и немного заблудился... "Хожу я по холмам, а тропинки никак не найду, - рассказывал он. - Солнце клонится уже к вечеру, а я, как плохой бойскаут, не могу найти дорогу обратно. Побережья не видно, а передо мной огромная гора. Что за ней, я не знаю... И родилась в голове идея взобраться на эту гору и осмотреться. (Идея хорошая, но не забывайте, что частенько вершины тут могут быть укрыты облаком). Собрался я с силами и двинул в гору. Где-то на ее склоне мне показалось, что я вижу тропу. Пошел по ней, а она все в гору тянется. "Значит, там люди есть", - думаю. Короче, когда я из последних сил выдрался на эту гору, то увидел какую-то хибару, небольшое плато, занятое под огород, и какого-то деда, который вытаращился на меня с удивлением... Сюда люди, я так понял, обычно не забредают. Дед этот жил тем, что выращивал ананасы на своем огороде и свозил их вниз на рынок у побережья. Он долго удивлялся, как я здесь очутился... Я как-то рассказал ему, что заблудился и ищу дорогу к Вагу-PLACE, к своему бунгалу. Дед угостил меня ананасами со своего огорода (удивительно вкусные! На Атауро ананасы имеют особый аромат) и подсказал дорогу обратно. К закату я успел спуститься к своему жилью".

Лодка медленно проплывает мимо небольших хуторов, которых даже на карте, изданной под редакцией ООН, нет. Их знают лишь местные жители. Наш рыбак говорит, как называется поселок, но его слова растворяются в гуле мотора... Возле такого небольшого поселка расположено обычно некое подводное "поле"... То, что под водой что-то находится, указывают десятки плавающих на поверхности полузатопленных пластиковых бутылок, играющих роль поплавков. Между этими поплавками существует проход, наш капитан

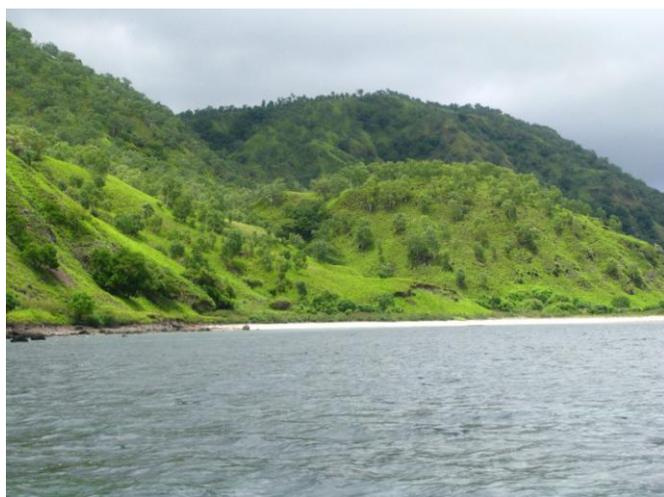

Близ побережья Атауро. Рыбак собирает урожай со своего подводного огорода

хорошо ориентируется в этих полях поплавок. Расположены эти территории либо непосредственно напротив пляжа, к которому выходит поселок, либо с обеих сторон от "пристани" (специальной пристани, конечно, нет – лодки причаливают просто к берегу). Я думал вначале, что это сети, рыбаки расставили. Но почему так близко от берега? "Поплавковые поля" начинались уже метрах в двадцати от линии прибоя. Через несколько дней я узнал, что так выращивают водоросли. Именно такие водоросли, которые я покупал на рынке Эрмера, продавец их называла Dutusitasi nea, и которые мне так понравились. Между поплавками натянута несущая толстая леска, от которой с определенным шагом отходят петельки из лески потоньше. В этих петельках закрепляются небольшие веточки водорослей. Водоросли эти не имеют листьев, а растут как ветки с очень развитой структурой, с множеством боковых побегов. Когда толщина основной веточки этого "куста без листьев" достигает толщины пальца, водоросль можно снимать с петли. Но вкуснее, конечно, тонкие веточки.

Бабу сбрасывает скорость, проплывая между подводных полей. Их границы, порой, обозначены какой-нибудь палкой, непонятно как закрепленной в десятках метров от берега. *Тут что, мелко?* Я перегибаюсь через борт и смотрю в воду. Вода чистая и видно дно. Только рябь, расходящаяся от лодки, не позволяет рассмотреть, что там, под нами, в деталях. *Что-то странное... почему дно пестрое?* Мы проплываем над чем-то светло-зеленым, желтоватым, рыжеватым. Мне трудно определить, что же я вижу и какая тут глубина? Внезапно меня осеняет – это же коралловый риф! Какой разноцветный! Его подводные вершины, порой, настолько высоко поднимаются к поверхности, что мне кажется, мы их вот-вот зацепим дном лодки.

Обогнув очередной утес, лодка направляется к берегу. Начавшийся было мелкий дождик, неожиданно прекращается. Лодка минует поле с плавающими бутылками-поплавками и подплывает к безлюдному песчаному пляжу. Мы на месте.

Безлюдный пляж восточного побережья

Зона ливня осталась позади. Вид на юго-восточную часть Атауро

Проникновение

*Еда вечерняя, любимый Суп морской!
Когда сияешь ты, зеленый и густой,
– Кто не вдохнет, кто не поймет тебя тогда,
Еда вечерняя, блаженная Еда!*

*Еда вечерняя! Кто, сердцу вопреки,
Попросит семги и потребует трески?
Мы все забудем для тебя,
Почти задаром данная блаженная Еда!*

Льюис Кэрролл.
Алиса в Стране Чудес

Наш капитан глушит мотор и просит кинуть якорь в нескольких метрах от берега. Позже мне становится понятно, почему мы не причаливаем – во время отлива берег обнажается и уходит на пять – семь метров от линии прибоя, вода спадает метра на полтора... Мы выпрыгиваем из лодки в теплую прозрачную воду Атауро. Сначала, до выгрузки, надо вступить в контакт с местным населением! Вот так, наверное, когда-то Колумб высаживался на Эспаньолу... Ну, где тут "индейцы"? На берегу, прямо на песке, лежат два небольших рыбацких суденышка, существенно меньше той лодки, в которой мы приплыли... С пляжа идет тропа куда-то под небольшие деревья. Я, Влад и Нико становимся на тропу.

Домик! Впереди, в двадцати метрах от нас расположена шлакоблочная постройка, напоминающая дачный домик, с широким карнизом у входа и выбитыми окнами. Возле домика, в тени навеса, словно коты в жаркий день, развалились на пластиковых стульях, на большом деревянном ящике и еще на чем-то, напоминающем старую морозильную камеру, мужчины местного "рыбхоза"... В студенчестве, часто проезжая по трассе Днепропетровск – Харьков, я видел возле одного из сел кафе с оригинальным названием "Вдали от жен". И располагалось сие заведение действительно далеко от домов, за границей населенного пункта. И вот – практически *deja-vu* – дом у моря, жен, прочих женщин или детей нет, поселок находится где-то за посадкой кукурузы, за кустами, через которые к нему ведет длинная тропа... Мужики "курят бамбук" под звуки прибоя и строят планы о планах на дни грядущие... Идет нелегкий интеллектуальный процесс обсуждения возможных причин возникновения дыры в рыболовной сети, обсуждения на грани изощренных философских па и сна в послеобеденную сиесту, когда больше предпочитают думать, закрыв глаза, чем держать слово... В это время мерный ход мысли и убаюкивающий шепот ветра в хвое пляжной сосны нарушает появление трех незнакомцев, неизвестно, как и откуда взявшихся в этот благословенный день. Хотя откуда – понятно. Еще и не такое прибывало штормом в непогоду... Все дурное от дьявола, а что ниспослано, то... *«Holy shit!! Кто это?!»*. Сон мгновенно улетел. К рыбакам двигаются трое незнакомцев.

"Бооу Дииа!!!" – выкрикивает Влад приветствие и решительно подходит к кучке еще сонных рыбаков, абсолютно не ожидавших сюрприза в этот спокойный послеобеденный час... Мужчины у дома отвечают на приветствие, забыв, на чем же остановились дебаты, и с любопытством нас рассматривают. В работу вступает Нико. Влад объясняет, что мы желаем остановиться в поселке на несколько дней, и хотели бы где-нибудь поселиться... Рыбаки слушают, и, кажется, просто очумевают от происходящего. Говорит один из них – высокий коротко стриженный мужчина лет пятидесяти, одетый в серую рубаху и шорты, подобные

тем, что на мне. Чувствуется, что он главный, по крайней мере, тут, "вдали от жен". Мужчина представился Бернаром. У него низкий голос, а ростом он немаленький.

Влад уверенно берет быка известно за что, и прошупывает обстановку насчет жилья ... а я отлучаюсь к пляжу – я никогда не видел такой чистой воды, море тут имеет голубоватый оттенок. Пляж – линия прибрежного песка – большой, по триста метров в обе стороны от меня, как минимум. Справа песчаный пляж ограничен выступающими в море скалами; слева (северный вектор) берег имеет изгиб, за которым ничего не видно, если не пройти немного вперед в том направлении.

Через три минуты к лодке возвращается Влад с группой местных мужиков.

- Все, давай быстрее разгружаться, дождь может снова возобновиться.

- С жильем договорились?

- Да, нам предлагают вот этот самый домик у моря, - Влад махнул в сторону «закрытого мужского клуба». - Но я еще не решил, подойдет ли нам это место, - говорит Влад. *«Надо же, он еще и перебирает!»* – мелькает у меня мысль. - Надо проверить по компасу направление на север, северо-запад.

Это и понятно, ради хорошего сетапа мы и ехали сюда. Мне кажется, что все рыбаки бросились нам помогать с вещами. Рюкзак с аппаратурой Влад вынимает лично. Часть вещей подмокло, и это неудивительно – нас хорошо так забрызгивало, если не сказать "заливало". Все вещи сносим к домику и складываем у деревянного ящика. Общими усилиями и при неоценимой помощи местных жителей снимаем с лодки тяжелый генератор и проносим над водой к берегу. Вещи перенесли быстро. Влад порылся в тюках и выудил из недр рюкзака

Наша лодка у берега поселка Акрема на фоне дождевого неба. В плаще - Ира

Вид в южном направлении с пляжа поселка Акрема

Выгрузка. Влад держит самое дорогое – рюкзак с трансивером

Выгрузка генератора. Добродушные местные жители охотно взялись помочь пришельцам. Акрема, остров Атауро

Ошарашенные рыбаки наблюдают за процессом сборки антенн.

Еще каких-то сорок минут назад они были так далеки от коммуникационных технологий, сейчас же "секретную" конструкцию проволочной направленной антенны разворачивают на их глазах, на поляне у дома...

компас – неперменный атрибут при установке антенн. Рыбаки опять зашли под навес дома, оперлись о металлический "ящик-холодильник" и о чем-то неспешно переговариваются. Цирк приехал! Никто и не думает расходиться. Спектакль начинается! Проездом из Киева в Дили всего на три дня! Спешите увидеть!..

И действительно, к месту нашей высадки из поселка подтягиваются новые люди, откуда-то прибежали ребята, пришло как бы между прочим несколько женщин... Позже я узнал, что мы были первыми европейцами, прибывшими в поселок.

- Давай немного пройдемся вдоль берега и посмотрим обстановку, - предлагает Влад.

- С удовольствием! – соглашаюсь я.

- Ирин, побудь, пожалуйста, с вещами. Вытащи подсушиться, если что-то промокло... – Влад просит свою спутницу не терять зря времени.

Мы вдвоем отходим за домик, двигаясь в северном направлении вдоль обширного пляжа. В стороне от полосы прибоя растут невысокие пляжные сосенки, их иглы мягкие и не колются. Между сосенками, похрюкивая, бегает несколько маленьких домашних поросят, им еще предстоит стать настоящими свиньями. Здоровая свиноматка, привязанная тут же к сосне, мерно похрюкивая, дремлет в яме, вырытой в песке. Когда мы проходим мимо, она с опаской поднимает голову, что-то недовольно хрюкает и опять отваливается на песок: ложная тревога, ЭТИ – без порции еды. Плохо быть большой свиньей – за сытную жизнь придется расплатиться!

Влад открывает крышечку компаса и следит за стрелкой. Северо-запад компас указывает в направлении береговой линии. То, что нужно! Чуть западнее находится невысокая скала высотой метров двадцать у берега, но она относительно близко от домика и, наверняка, будет перекрывать западное направление. Мы проходим еще немного дальше в северном направлении от поселка и останавливаемся. Дальше дороги нет. Пляж заканчивается скалой. Громадные булыжники под действием эрозии начинают осыпаться прямо на песчаный берег. В этом месте море неглубокое, вода прозрачна. Зайдя в воду максимум по грудь, утес можно обойти, но идти надо аккуратно, поскольку песчаное дно усеяно скользкими скальными обломками. Впрочем, это я узнал только на следующий день, когда купался и искал хороший пляж. Так далеко мы не идем. Даже если мы обойдем скалу, это ничего не даст – поселок Акрема территориально здесь заканчивается. К скале и побережью выходят чьи-то огороды с посадками кукурузы. Углубляться в поселок тоже смысла не видно, наиболее открытое и удобное место именно здесь, у пляжа.

- Решено! Останавливаемся в домике, который нам предлагают, - принимает решение Владимир. – Это очень хороший вариант, практически идеальный!

- Вова, а сколько хотят за это «бунгало»?

- Нисколько. О деньгах речи пока не было. И мы такой разговор заводить не будем. По крайней мере, не сегодня.

- Замечательно! Но что это за дом? Почему он стоит отдельно от поселка?

- Там живет сын Бернара, кажется... Почему отдельно – понятия не имею.

Мы возвращаемся той же тропой мимо сосенок, разгоняя в стороны совсем непугливых волосатых поросят, величиной с дворнягу. Они не похожи еще на свиней, потому что питаются подножным кормом и объедками, им не до жиру.

Влад сообщает Бернару через Нико о нашем решении остаться в любезно предложенном домике на берегу моря. Бернар что-то командует, и все приходит в движение. Откуда-то появилась женщина, даже две, с вениками и совком. Они быстро приводят помещение в порядок, выметая мусор к проходу. Несколько мужчин быстро что-то забирают и выносят из помещения. То, что остается, сдвигается к стене, прячется под брезентом в углу или запикивается в мусорное ведро у входа. Вуаля! Готово! Бернар интересуется у Владимира, как ему хатка, все ли устраивает? Влад окидывает взглядом помещение. Домик небольшой по площади, разделен на две, с позволения сказать, комнаты шлакоблочной кладкой высотой с мой рост, не до потолка. Пол – уплотненный грунт, окон нет, но есть

рамы; потолка нет, но есть металлическая крыша. Такое впечатление, что домик находится еще в вялотекущей стадии строительства. Хотя, определенно, тут уже живут. В первой комнате стоит два небольших столика, и три-четыре пластиковых стула. Во второй комнате полумрак, однако, это не смущает – на полу по всей площади простелена циновка и наброшено пара одеял. Здесь спальня, а в таком месте темнота вовсе не помеха. Не книжки же здесь читают?!

- Отлично! – заключает в улыбке Влад. И правильно – улыбки нужны людям.

Бернар удовлетворенно кивает и широко улыбается вместо реплики.

- Можно мы переставим вот этот столик и разместим на нем аппаратуру? – спрашивает мой товарищ.

Никаких возражений! Нам дают понять, что мы вправе распоряжаться помещением на свое усмотрение. Мы перетаскиваем журнальный столик к середине широкой стены комнаты и выставляем аппаратуру на него – трансивер, ноутбук, два телеграфных ключа. Ну вот, пожалуй, и все – стол уже забит. Блок питания, переходник и кабели располагаются на стуле рядом и на полу.

-Так, пока все. Сейчас быстренько идем устанавливать антенны! Ириин, где моя сумочка с завязками?

Ира ищет залежи веревочек в вещах, а мы вытаскиваем аккуратно упакованные антенны...

Тут я должен заметить, что нам несказанно повезло. Для установки всех антенн нужна, по меньшей мере, одна мачта, роль которой неплохо выполнял бамбук. Но на Атауро, находящемся в другом климате, нежели Эрмера в горах, бамбук не растет. Во всяком случае, я не видел этого растения ни во время поездки вдоль берега, ни позднее, гуляя по Акреме. И вот оно чудо, вот удача, которая любит тех, кто рискует, - в десяти метрах от домика Влад сразу обнаружил кучку нарубленных стволов бамбука, причем, довольно внушительной длины. Откуда они тут взялись – осталось для меня загадкой. Мы порадовались своей невероятной удаче. Спросив разрешение и недолго порывшись в куче, Влад вытащил дрючок длиной метров двенадцать. То, что надо! Бревно вытаскиваем на полянку перед домом. Развязываем все антенны по очереди и крепим все к мачте в положении от земли. Кабеля и полотна антенн подвязываем множеством веревочек на нужной высоте мачты. Очень важно, даже жизненно необходимо, чтобы все было подписано по диапазонам. Иначе – мрак... Мы просим никого не помогать, включая Нико, который порывался что-то распутать. Местные жители смотрят на нас со стороны домика. На поляне происходит какая-то магия – двое здоровых мужчин что-то вяжут, что-то измеряют... Ира подает веревочки. Из поселка начинают приходить люди, посмотреть на «цирк у моря». Я вижу детей и женщин, идущих к нам по тропинке из поселка. Женщины долго не задерживаются, а дети не уходят. Приходят и мужчины. Они подходят к кучке тех, кто «видел, как все началось», и те о чем-то рассказывают. К нам никто не подходит. Видно, что мы очень заняты своей «магией». Лишь один раз к нам решились подойти – подошел Бернар с каким-то мужчиной в красной рубахе, мужчина приятно улыбается.

- Разрешите вас познакомить с... управляющим нашего поселка, - обращается Бернар и представляет нам незнакомца.

Мы приветствуем друг друга. Времени на разговор нет, обмениваемся лишь несколькими фразами и обещаем встретиться, когда завершим свои дела. Мужчина в красной рубашке отходит в сторону и наблюдает за нами некоторое время. Затем он как-то незаметно исчезает – тоже мне еще, Мэри Поппинс. Меня как-то смутило, что управляющий приехал на скутере, хотя поселок поперек можно перейти минуты за три. Но это я узнал потом. Сейчас же нам в затылок печет полуденное солнце, а мы растягиваем веревки и полотна антенн перед собравшимися зрителями. Наконец, антенны 40 – 10-метрового диапазонов зафиксированы на длинном шесте. Надо поднимать.

Мы фиксируем первые антенны. За нами внимательно наблюдают местные жители

Управляющий поселка Акрема подъехал на скутере познакомиться с заморскими гостями

Зрители из первого ряда

Нет лучше средства завязать знакомство с местным населением, чем привлечь пассивных наблюдателей к работе. Нечего скучать, мужики, пора заняться научной работой! Влад обращается к сонной кучке местных рыбаков за советом: где бы лучше зафиксировать мачту?

- Мужики, а что это за бревно торчит у вас на пляже? Оно мне нравится! К нему можно прикрепиться? – ненавязчиво намекает Влад на путь решения неожиданно свалившейся задачки.

Бревно вкопано у тропы, ведущей к пляжу-пристани. Я полагаю, что на этот вертикально стоящий «дрын» натягивают сеть во время ремонта. Влад в сопровождении нескольких рыбаков подходит к предполагаемому «месту стыковки». Двухметровое бревно шатается из стороны в сторону, но не выдергивается. Несколько человек берутся его укреплять. Откуда-то приносят несколько дрючков, скрещивают их у вершины бревна и фиксируют. Получается некое подобие «ежа» времен Второй мировой. «Еж» стоит практически мертво. Хорошая работа, парни! Рыбакам приятно оказать услугу, и нам в радость – мы не скупимся на благодарности... А ну-ка, мóлодцы... нет-нет, рано еще расходиться, рано, – есть ли у вас еще силушка богатырская, есть ли азарт молодецкий?! Не с женщиной же нам бревно тягать?! Народ на пляже подобрался понимающий и сочувствующий. Каждый стремится чем-то помочь. Все, кто был в секторе «болельщиков», подходят к бамбуковой мачте, обвитой веревками растяжек, полотнами вибраторов и рефлекторами. Тут главное не поднять – тут важно не запутать, не навредить! Пока это «страшилище» лежит на песке, еще можно понять, что к чему. Когда же конструкцию поднимешь вертикально, все становится похоже на переплетенные стропы парашюта или на телеграфный столб с оборванными и безнадежно спутанными проводами...

Местные рыбаки помогают зафиксировать опору под мачту. Пляж пос. Акрема, остров Атауро

Установка мачты

Мачту в горизонтальном положении аккуратно подносим к только что укрепленному столбу-держателю. Основание мачты упираем в ямку у шеста. Ну, парни, подъем!!! Пять-шесть пар загорелых жилистых рук толкают мачту в вертикальное положение. Есть, стоит! Быстро прихватываем ствол бамбука к бревну. Просто отлично! Бамбук сухой и не тяжелый (еще свежи воспоминания о незабываемой эпопее поднятия “Long John” – мачты НЧ диапазонов – в Эрмере...) Полдела сделано. Осталось разобраться в диком сплетении проводов, перезакрепить питающие кабели антенн, если потребуется, и настроить. Настройка, конечно, будет тонкой, в пределах сотен килогерц. Тут главное все распутать. Занимает этот процесс от тридцати минут до часа при плохом освещении. Однако, результат мне нравится. Все разъемы антенн привязаны к мачте в одном месте. К этому месту из «зала заседаний» – нашей временной резиденции – тянется один кабель, который и нужно переключать у мачты. От домика до мачты – метров двадцать. Мы мечемся на этом отрезке под взгляды любопытных местных жителей. Идет процесс настройки. Влад достал старенький *MFJ, проверяет по нему резонанс антенны и путем несложных вычислений прикидывает длину, на которую тут же укорачиваем или удлиняем полотно «холодного» конца вибратора. Рыбаки заняли привычные места на морозильной камере и на деревянном сундуке, стоящими у крыльца нашего «шэка». Им не приходится заглядывать в щелку двери, наблюдая за нашими манипуляциями с невиданным прибором – нет дверей в доме. Окно, предполагаемое неведомым архитектором прямо возле дверного косяка, тоже не установлено, но деревянная рама уже обозначила место под будущий стеклопакет.

Пока мы возимся с настройкой, постоянно выбегая из дома к мачте, от мачты к оттяжкам и обратно, Бернар подходит к нам и через Нико сообщает, что приглашает нас к

себе в дом на ужин. Как, черт возьми, кстати! И мне на мгновение кажется, что нам следует незамедлительно согласиться, что такое предложение два раза не делают ... Тем более, что дело идет к вечеру, а у нас был только легкий завтрак в Дили... И мы в данной ситуации полностью зависим от гостеприимства местных жителей. Но мы еще возимся с настройкой, хотя и почти на финише. Бернар немного постоял, посмотрел на процесс, поскрипел зубами (как это у него получается? Звук - как от трущейся скорлупы грецких орешков) и куда-то «испарился».

Наконец, все настроено и работает. Вечереет. Влад пристраивается к деревянному столику в центре комнаты. За нами наблюдают с крыльца. Его облегченный «Vencher» (вес рюкзака важен в путешествиях!), в котором массивное металлическое основание заменено на оргстекло, требует некоего груза, чтоб зафиксироваться на столе. Груз укладывается на основание ключа, надежно прижимая его к столу. В Дили мы использовали для этого какое-то каменное изваяние, грубой работы, в виде и в натуральную величину жирного кота, которым офицеры подпирали входные двери (чтобы тараканы боялись!)...

- Можешь поискать какую-нибудь каменюку? – обращается ко мне Владимир за помощью, окинув взглядом интерьер помещения и не найдя ничего подходящего.

Я выбегаю к пляжу – кажется, я видел там пару кирпичей... Но я прохожу с десятков метров по обе стороны от «пристани», а булыжников нет... Наконец, я что-то вижу, торчащее из песка. Выкапываю объемную, размером с дыню, каменюку, но почему она такая... легкая?! Еще меня смущает странный узор на ее поверхности. Приглядевшись, я замечаю подобные «камушки» поменьше, разбросанные вдоль пляжа. Так это же обломки кораллового рифа! Соленая вода вымыла цвета и слегка отполировала осколки рифа, этими мелкими фрагментами, преимущественно белого цвета, устлано дно у линии прибоя... Я беру добытый кусок коралла – до скалы идти две-три сотни метров, да и надо ли?..

Моя добыча понравилась Владимиру, он быстренько приспособил коралл на маленьком столике рядом с трансивером, открыл электронный журнал, и работа в эфире началась. Зрителей не стало меньше. Наоборот, мне даже кажется, что пришли еще люди! Кто-то приходит, кто-то отлучается, возможно, на ужин или по нужде, но публика все время есть. Надо сказать, это не те зрители, что молча смотрят спектакль. На пороге нашего «шека» идет какое-то активное, живое обсуждение, сливающееся в общий гул. Все, кроме Влада, свободны. Я и Ира сели в комнате на пластиковые стулья; Нико, сидевший вначале рядом с нами, вскоре решил пообщаться с местными мужиками у крыльца.

Владимир начал традиционно с работы микрофоном. Я думаю, это делается по двум причинам: во-первых, голос его в эфире многие знают (я так точно узнаю его и без позывного) и это гарантия того, что в эфире работает не «пират», а оригинальная станция; во-вторых... это шоу для местного населения, все происходящее чрезвычайно интересно для людей непосвященных, впервые видящих, как происходит магия радиосвязи. А таких людей в этот вечер собралось немало. Владимир просит меня прокомментировать для местных жителей, что он делает, с кем работает в эфире, какие цели мы ставим. Я призываю Нико в помощь и начинаю краткий рассказ, вводя с десятков зрителей в курс происходящего... Рыбаки внимательно слушают, лишь изредка обмениваясь краткими репликами. Я уж не знаю, что там им плетет Нико, который и с интернетом-то не знаком толком... но надеюсь на его природную интуицию и корректность перевода моих простых фраз... Минут через десять Влад отрывается от микрофона и просит всех зрителей выйти из помещения, потому

что гомон окружающих начинает заглушать слабые станции. Рыбаки послушно выходят на крыльцо, усаживаются на морозильную камеру у крыльца и продолжают «жужжать» уже там. Еще пару раз я прошу их разговаривать потише, этот гул собравшихся перекрывает даже звук генератора, расположенного в пристройке за домом.

Первые часы эфира. Акрема, остров Атауро.
Вечер 3 февраля 2012 г.

Стемнело. На поселок спустилась густая темнота. И только на берегу, в таком удобно расположенном доме «Вдали от жен», горит одинокая, слегка мерцающая электрическая лампочка, на свет которой, словно комары и ночные крылатые насекомые, сошлось несколько любопытных жителей поселка Акрема. Я потерял счет времени: часы у меня давно остановились, а телефон я оставил в Дили ввиду ненужности. Я вышел из дома и прошелся к морю. В негустой траве у тропы что-то зашуршало и отбежало в сторону. Что бы это могло быть?.. На море отлив и берег начал обнажаться. Мокрый песок береговой линии слабо освещает луна, изредка показывающаяся из-за туч, ветра нет. Ночное море красиво по своему, в воде поблескивает месяц, а морская гладь почти неподвижна. Походив туда-сюда, возвращаясь к домику. Эх, где же Бернар? Я думал, что он еще раз придет и пригласит на ужин, но его нет. Нет никаких проблем в том, чтобы забыть о еде до завтра, но мы вроде как проигнорировали приглашение, а это уже нехорошо... Да и не я один с

Владимиром путешествую, нас ведь четверо. А остальные члены команды, наверное, не столь аскетичны, когда выбор стоит между радио и плотскими потребностями... Такие мысли посетили меня, когда я возвращался с прогулки по берегу к нашему временному пристанищу. Говорят, что великие умы мыслят одинаково, но... и о еде часто начинают возникать мысли одновременно. Когда я вернулся, Владимир озвучил идею о том, а не заняться ли нам поисками Бернара в поселке? Он ведь приглашал нас на трапезу... пару часов назад!

- ...Давайте, давайте, делайте что-нибудь, не сидите просто так! Вы же видите - я пока занят!

- Да как же мы пойдем в ночь искать Бернара, если в поселке мы еще не были?! – я, лишь, видел днем, как народ из поселка ходит по узкой тропе, идущей через огород, засаженный низкорослой кукурузой, и скрывающейся где-то за пальмами.

- Вова, надо было оторваться и идти, когда звали, - подхватывает Ира.

- Только вот не надо делать меня крайним! Ничего ведь не мешало проявить самостоятельность и узнать, по крайней мере, куда идти... Берите Нико.... Где этот Нико, черт возьми?! ...и сходите в поселок!

Замечание, конечно, справедливое. Мы все взрослые люди, и нет смысла кого-то обвинять. Да и нет у меня этого в мыслях. Все устали. Я осмотрелся: Нико куда-то исчез. Интересно, куда это он пропал... Идти в поселок ночью, к тому же, без переводчика, кажется плохой идеей. Я посмотрел в направлении поселка – темень, я не вижу таких привычных в наших селах огоньков в окнах домов (домов, правда, не видно даже днем, нужно немного пройти вглубь острова), не слышу звуков телевизора или музыки дискотеки... Да-а-а, наверное, уже все готовятся ко сну. Да что удивляться, электричество – это роскошь, почти напрямую зависящая от наличия излишков топлива, которым управляют свои генераторы жители поселка. Просто так бензин расходовать не любят.

Я возвращаюсь к своему стулу, сажусь и от нечего делать наблюдаю, как пара смекалистых геконов подползли к электрической лампочке, свисающей по стене у трансивера, и ловко приспособились хватать ослепленную светом мошкату. Вот повезло «пацанам» (я почему-то подумал, что это именно парочка продвинутых самцов-добытчиков) – наедятся до отвала, нашли же тут «рыбное место»! Заметно, что пузики у ящериц начали слегка выдаваться за пределы обтекаемого контура их тел. *Скоро начнут трещать, чтобы налили им пива и подали сушеных водорослей!*

Забавную картину нарушает неожиданный приход двух ребят из поселка. Они спрашивают, могут ли запитать свою «хатынку» от нашего генератора, - ну, там, телик посмотреть, музычку послушать, mp3-плееры подзарядить, да и вообще – слегка рассеять мрак и скуку в своем жилище... Кажется мне, что один из них – тот самый парень, кого мы потеснили, поселившись в домике у моря. Кратко говорю о просьбе населения Владу, который продолжает работу в эфире, но уже телеграфом. Возражений нет. Влад в pile-up, и обмен фразами краток, что вполне понятно. Нико, неожиданно вынырнувший из ночи, переводит наш ответ.

- Да, Нико, скажи, что кабель им нужно найти свой, у нас нет лишнего.

Кабель нужен большой, метров семьдесят, не меньше. Я не знаю, к какому дому собираются подвести электричество, но та дистанция вдоль тропы, что мне была видна днем, немаленькая. Ха-ха! Все равно пацаны отстанут – найти такой длинный кабель, да еще и в темноте, выглядит нереальным. Ходоки уходят, а я снова опускаюсь в пластиковый стул и погружаюсь в блаженную нирвану. Спать пока не хочется, чувствуется лишь небольшая усталость. Ира достала свой айпод и разгоняет скуку игрой. Нико опять куда-то исчез. Из зрителей осталось человека два-три, видимо те, кого жены не могут затянуть в дом ни под каким предлогом... Один из рыбаков к моему полнейшему удивлению пристроился на крышке большого деревянного ящика, стоящего у наружной стены дома, подложил руку под голову и «притворился» спящим. Отпад! Может он жил в этом доме? Может нам выделили охрану? Или у моря лучше спится, чем под боком храпящей жены?!

В желудке ощущается сосущая пустота, и я непроизвольно начинаю подумывать, а не сходить ли действительно в поселок? Вялый ход этих мыслей прерывает приход ребят, человека три неловко топчутся у входа. Один из них обращается ко мне – дядь, а дядь, можно, мол, подключиться? В руках у него... ах ты ж ёп... конец невидимого пока для меня кабеля с вилкой на конце. Но, черт возьми, это даже не кабель, это... какой-то провод. Нет,

даже не провод, а «шнурочек» - такие провода применяются китайскими производителями для телефонных наушников-берушей, там провод толщиной 0,2 мм или около того.

Я выхожу на крыльцо и беру в руки чудо-кабель. Телефонный провод состыкован с каким-то двужильным проводом чуть потолще. Место стыка перемотано... обрывками целлофанового кулька черного цвета, в такие кульки принято упаковывать покупки на рынке. Кабель тянется вдоль стены дома и скрывается во мраке где-то в районе начала тропы, ведущей в поселок. Второй конец телефонного шнура состыкован с вилкой. Вилка неразборная, откуда-то отрезана, и вот – пригодилась при случае! Из черной пластиковой вилки торчат коротко обрезанные два провода. Изоляция с них снята. Кто-то состыковал эти обрывки провода с телефонным шнуром и также перемотал кулками. Что за Кулибин делал все это?!

- Парни, через такой кабель, - я показываю на жидкий телефонный шнурок, - нельзя включать ни телевизор, ни магнитофон.

Парни погрустнели. Они надеялись на веселый вечер... может уже пол поселка позвали на вечеринку...

- Ну, может быть, можно подключить м-а-а-а-ленькую лампочку, чтобы осветить крыльцо дома... но не больше того! Понимаете? – я показываю на телефонный шнур. – Через ЭТО вообще ничего нельзя включать!

Ладно, можем попробовать лампочку. Я говорю одному из ребят, чтобы он сходил домой и выключил все, кроме лампочки. Паренек тут же убежал в поселок. В других обстоятельствах, я ни при каких условиях не включил бы это чудо человеческого интеллекта, но... мне хочется чем-то отплатить ребятам за оказанную днем помощь. Когда парень вернулся из поселка и заверил меня, что включена одна лишь лампочка, я еще раз проверил визуально соединение проводов и – Господи, помоги! – включил вилку в переходник. Вдали сквозь заросли кукурузы и пальмы я увидел огонек лампочки. Работает! *Ну, вот и хорошо – идите, веселитесь! Может еды какой отыщете в доме... мы не будем против.*

Я снова плюхнулся в свой стул и начал погружаться в блаженное состояние ничегонеделания. Прошло, может, минут десять или пятнадцать. Из полудрема меня вывел резкий треск – звук шьющей дуги короткого замыкания. Даже Владимир стащил с головы наушники.

- Что это было?

- Вова, кажется, что-то замыкает в переходнике!

Я кинулся к переходнику, через который запитаны все наши аппараты в доме, включая лампочку на стене.

- А ЭТО что?! – Влад показывает на самодельный «кабель» с вилкой и обрывками кулька, которым перемотаны оголенные провода телефонного шнура.

- Да это чудо притащили местные, хотели телик посмотреть... но я предупредил, что втыкать только лампочку!

Я вижу, как у Владимира округляются глаза.

- Какой телик!!! Блин, выдергивай их к черту! Не хватало из-за них спалить аппаратуру! Ты что, не видишь, что тут одни «сопли»!!!

Я отключаю злополучный кабель и бросаю его через оконную раму у двери. Через пять минут снова приходят ребята – свет пропал! - *Конечно, пропал!*

- Ребята, в кабеле где-то замкнуло. Смотрите, этот шнур, - я трясу за тонкий конец кабеля, - нельзя подключать в двести двадцать. Фирштейн? Или найдите кусок нормального провода с вилкой, или «кина не будет»!

Парни о чем-то говорят между собой и, открутив ту часть кабеля, которая заканчивается телефонным шнуром с вилкой, неспешно скрываются в ночи. Недолго господствовала тишина в доме, нарушаемая лишь потрескиванием контактов телеграфного ключа и приглушенными звуками компьютерной клавиатуры. Упорству парней можно позавидовать – они снова появились передо мной минут через пять: «Такой подойдет?» В руках у одного из них – кусок провода приемлемой толщины с вилкой на конце. *От настольной лампы оторвал, что ли?!*

- Да, этот кусок годится.

Тут же один из ребят начинает скручивать добытый кусок к остальному кабелю, лежащему за дверями где-то во мраке.

- Костя, проконтролируй, что они там делают, - просит Влад. – Нельзя включать этот кабель, не убедившись, что нет КЗ.

Я киваю. Времени у меня навалом. Лезу в рюкзак и достаю изоленту и нож. Еще беру светодиодный фонарик со стола. Можно приступать к ревизии.

- Ребята, подождите, ну кто так делает! Что это?! Кулек? Да какого ж черта?!!

Один из парней рвет полиэтиленовый кулек на клочья, а другой, слегка его растянув, наматывает им место скрутки...

- Ну зачем же вы мотаете кульками? Изолента есть? – я показываю им на свою.

Ответ отрицательный. Нечем больше изолировать скрутки. Остается надеяться, что в темноте никто не наступит на это соединение, что никого не взбодрит переменное напряжение... Но нет, не сегодня. Сегодня вам просто повезло, все сделаем по науке, с соблюдением всех правил пожарной безопасности!

Я прошу расстыковать только что скрученные провода. Мне надо убедиться, что та часть, которая будет оставаться за моей спиной, не замыкает. Чувствуешь себя прямо сапером каким-то! Проверяю прибором часть кабеля, идущую в нашу комнату. Нормально! Скручиваю концы проводов и тщательно изолирую. Ну вот, готово! Еще есть?

Еще есть и не в одном месте. Мы двигаемся вперед вдоль тропы в поселок, останавливаясь каждые четыре-пять метров у стыков различных кусков провода. Господи, сколько же их тут?! В поселке, похоже, вытянули провода везде, где только смогли. Проверив и заизолировав лентой штук семь стыков, мы подошли к какому-то сараю, стоящему в окружении кукурузы, в стороне от домов. Ага, генераторная! Один из парней открыл деревянные двери, и свет фонаря выхватил мрачные внутренности сарая, у стен

которого стоят какие-то инструменты, в центре же на кирпичном основании стоит внушительных размеров генератор, весь черный от заливавшего его корпус в течение долгого времени топлива, мазута и просто от налипшей пыли. Крышка у контактной коробки отсутствует, толстые провода подсоединены к контактам генератора. Так, ну сюда я лезть не буду, тут ничего не трогали...

- Так, где стыкуется провод, который идет к нам на переходник? – обращаюсь я к парню, который, похоже, является хозяином этого сарая.

Провод попадает в этот сарай через дверь, а выходит через единственное окошечко. Но в темноте я не сразу замечаю, куда же идет кабель. Мне показывают на «щиток» - это засаленная, замазанная руками в солидоле доска, в которую гвоздями прибито несколько керамических изоляторов. На изоляторах что-то с чем-то соединяется. «Наш» кабель подходит к этому хитрому сплетению толстых проводов и проводов потоньше и где-то с чем-то скручен. Кулечка в этом месте на изоляцию, по-видимому, не хватило. Трудно понять, что заставило протянуть кабель к генератору в сарае, и запитать все это чудовищное сплетение потускневших от времени и масляных осадков проводов... Я выхожу из сарая и прошу показать следующий стык – не хочется мне копаться в сарае. Расстыковав ближайшее за сараем соединение кусков провода, проверяю на КЗ. Черт, замыкает! Выходит, в сарае что-то наплели не так... Опять идем к хибаре с генератором. Я внимательно изучаю ребус из сплетения проводов на «щитке». А ну его в пень!

- Рассоединяй кабель и вытаскивай на улицу! – командуя я молодому хозяину «подстанции». – Зачем нам этот сарай, сейчас сделаем напрямую!

Кабель быстро расстыковывают и выносят к порогу. Делаю соединение. Проверяю. Нормально!

Через тридцать-сорок минут после начала работ, я, наконец, добираюсь до дома, куда и тянется кабель от нашего переходника. Детали дома скрывает от меня полнейшая темнота, лишь луна освещает тропу к дому тусклым светом. Дом стоит на сваях, я понимаю это, потому что его веранда приподнята над землей на метр или около того. На веранду дома ведет с улицы широкая деревянная лестница. Откуда-то из глубины дома я слышу голоса, но не пойму, кто говорит. На веранде никого нет. Наш кабель взбирается с улицы через перила веранды и ныряет под крышу. У стены он заканчивается вилкой, свисающей у свободного гнезда переходника. Переходник на пять ячеек какой-то убогий, с надломанной пластмассой, по которому хорошо изучать анатомию электрических приборов, он прослужил хозяевам не один год.

- Ну и где же лампочка?

- Да вот она, под крышей! – показывает мне молодой хозяин дома лампу, висящую над моей головой, которую я не заметил в темноте.

- О'кей, подключай лампочку!

Тут же вилки от нашего кабеля и от освещения веранды втыкаются в «препарированный» переходник. Я говорю, чтобы подождали немного – остался завершающий штрих – или сейчас все заработает, или не заработает вообще. Сам же возвращаюсь к нашему дому, чтобы запитать кабель от нашего переходника. Через минуту, воткнув вилку в свободное гнездо, я

вглядывался сквозь листву в сторону поселка – где-то в конце тропы загорелся свет, лампочка на веранде дома горит! Наслаждайтесь цивилизацией, парни!..

... Подходя к дому по едва приметной в лунном свете тропе, я заметил какое-то движение у крыльца. Однозначно, к нам кто-то пришел. Будь я проклят – женщины!!! Три женщины – одна, старшая, лет пятидесяти, две другие значительно моложе, лет по двадцать – что-то заносили в дом и расставляли на невысоком журнальном столике. Откуда они взялись?!

- Костя, ты как раз вовремя! Садись за стол – нам еду принесли! – воодушевленно сообщает Ирина.

Владимир на мое предложение подсесть к столу отказывается – он работает телеграфом, его продолжают звать в эфире. Знаю, что в таких случаях он не оставляет pile-up.

- Поешь, и поменяемся, - предлагает он.

На столике появляется пластмассовое ведерко с рисом. Риса много, насыпано под самую крышку. Смуглая стройная девушка из поселка ставит рядом с рисом тарелку, в которой оказывается овощная подлива к рису, и тарелку с жареной рыбой. Рыба небольшая, размером с ладошку, не особо-то рыбешка и жировала в течение своей подводной жизни. От блюда с рыбой потянуло ароматом, и я едва сдерживаюсь, чтоб не накинуться на тарелку с "дарами моря". Другая девушка, с тонкими чертами лица и изящным станом, поднесла к столу пластиковый кувшин с водой и поставила фужеры. Пожилая дама в довершение картины положила салфетки на отдельную тарелочку. Вау! Женщины, справившись с сервировкой стола, отошли в сторону и стали у крыльца. Они разговаривают и украдкой посматривают в нашу сторону, что, впрочем, не заметно, если самому не "стрелять" глазами.

Господи, неужели ужин?! Мы с Ирой садимся за столик, полностью заставленный тарелками с едой и посудой для индивидуального пользования. Ира пододвигает еще один стул к столу для Нико. Где он шарится? Пропускает самое главное! Прежде всего, благодарю женщин, стоящих у «морозильной камеры» в полумраке слабого освещения. Поскольку переводчик наш куда-то испарился, максимально использую небогатый словарный запас тетуна – «Obrigadu, señoras!» (*Спасибо, сеньоры!*) Женщины отвечают что-то, и на их лицах появляются улыбки.

Я беру миски, свою и Ирины, и насыпаю рис. Сыплю побольше – беглый осмотр принесенной провизии вызывает сомнения в ее достаточности. Но такое ощущение всегда появляется на голодный желудок. Поэтому – риса беру раза в два более того, что обычно бывает достаточным мне; его принесли с избытком, он останется. Воды много, она теплая, даже горячая, как для чая. Ее можно пить без ограничений. Рыбы – по две штуки на нас четверых. Ничего – живем! Пока я формирую комплексное блюда у себя в тарелке (рис, подлива из «травы-муравы» по нехитрому рецепту местных кулинеров, пара рыбок спортивного вида, стакан теплой воды с дымком костра), в дом заходит Бернар. Приветствуем друг друга. Он что-то спрашивает, но поскольку переводчик наш куда-то пропал, объясняем всеми доступными средствами. Я догадываюсь, что это он прислал ужин, поскольку интересуется, все ли нам нравится, все ли хорошо? Действительно, все отлично. Я и Ира благодарим его. Улыбка, порой, может сказать больше, чем слова. Мне не жалко, улыбаюсь во все зубы, рот еще едой не занят! Бернар удовлетворенно кивает, как-то довольно прихрюкивает и издает зубами поскрипывающие звуки, как будто перебирая пару

грецких орехов в кулаке. Бернар, покончив с вопросами, и я, воздав должное заботе и вниманию хозяев к нашим скромным персонам, умолкаем: я снова поворачиваюсь к тарелке, а хозяин жилища важно выходит на крыльцо и о чем-то общается с парочкой мужчин, все еще сидящих в сумерках на крышке «морозильника». Поговорив недолго, Бернар незаметно исчезает; женщины же пока никуда не уходят и я порой ловлю их любопытные, хотя и не навязчивые, взгляды. Ну, сегодня у жителей Акрема шоу по полной программе...

Рис, разбавленный подливкой, идет очень хорошо. Рыбка слегка пережарена и весьма соленая. До меня доходит, что рыба взята из запасов солонины, она не сегодняшняя. Да и как может быть иначе – откуда в поселке холодильники?! Свежая рыба – это только что пойманная рыба, а сейчас поздний вечер. Когда случается поймать много, рыбу солят или везут на рынок – думаю я, стараясь неспешно пережевывать пищу, чтобы растянуть удовольствие. Когда половина в тарелке съедена, появляется Нико, и без лишних вопросов поспешно садится к столу. Пустая тарелка уже стоит наготове. Покончив с комплексным блюдом, я подливаю водички и неспешно отпиваю. Чувствуется уже знакомый запах и вкус дыма костра – воду кипятили. Завершив ужин, мы вытираем руки салфетками. Тут же к нам подходят женщины. Одна убирает посуду, другая вытирает стол тряпкой. Ира просит, чтобы не уносили то, что еще не доедено – сейчас я сменю Владимира за трансивером. Нико одна из женщин говорит, что на улице стоит тазик с водой для рук. Ничего себе! Это все для нас?! И действительно – тазик стоит у стены дома недалеко от крыльца. Раз принесен тазик, и нам предоставляют такой невероятный сервис – мою руки и вытираю о ветошь, лежащую рядом на стульчике. Одна из женщин ушла в поселок с грязной посудой, две другие остались дожидаться окончания трапезы.

Владимир встает из-за трансивера. Pile-up в эфире почти сошел на нет, но еще зовут. Прохождение уходит. Я сажусь за аппарат, меняю ключ на свой и продолжаю работу. Через небольшое время меня практически перестают звать, приходится часто давать QRZ 4W0VB/р... Из-за непривычки несколько раз забываю добавлять .../р. Но ситуация вскоре входит в нормальное русло, плохо только, что свернулось прохождение. В Эрмере по времени хватало на дольше...

Когда ужин закончен, женщины прибирают посуду со стола, оставив только кувшин с водой. Правильно! Если пить захочется (скорее, так и будет после соленой рыбы), пресной воды будет взять негде. Все последующие дни в Акреме, вода и чистые стаканы всегда были у нас на столе.

Звать перестали, и я снимаю наушники. Сидеть за небольшим столом неудобно, не сравнить с шикарным местом в Эрмере. Кромка стола почему-то обита деревянной планкой, выступающей над плоскостью стола на сантиметр, и рука все время на нее опирается. Кроме того, нет пространства для ног под столом и стул деревянный, как в коморке Папы Карло... Никакой кожи и поролона. Это сразу ощущаешь одним местом. Тем не менее, о неудобствах забываешь, если хорошо зовут в эфире...

- Костя, мы с Ириной идем спать в дом, Бернар приглашает к себе. Ты и Нико будете здесь.

- ОК, нет проблем.

- Сменимся под утро, часов в пять... Если что – зови.

Это обычное время, когда мы сменяем друг друга. Влад просит меня резвее переходить на другой диапазон, если нет зовущих. Все это понятно. Единственное отличие от ситуации в Эрмере – необходимо относительно далеко идти, чтобы переключить антенну, подсвечивая при этом себе фонариком. У нас два светодиодных фонаря, один из них стоит у меня на столе, другой берет с собой Владимир: наверняка придется подсветить в помещении, осветить дорогу или часы... Мы прощаемся, мои друзья уходят, и я остаюсь на дежурстве в эфире. Нико, немного похаживая за моей спиной, посидев рядом в тишине, решает идти спать. «Спальня» – за стенкой. Там хоть хороводы води – места столько, что можно уложить человек десять. Я имею ввиду – на пол. В спальне нет никакой мебели. На полу циновка, покрытая каким-то одеялом в качестве подстилки, и несколько подушек. В принципе, одеял и не нужно – тепло. Но с одеялом комфортнее... поэтому я достал свой спальный мешок. Пригодится!

Ночные бдения проходят скучновато. В горах было веселее, а тут... проход совсем свернулся и я начинаю пробовать различные диапазоны. Почти безрезультатно. Однако прогулка в сторону моря немного взбадривает. На море отлив, берег обнажился на несколько метров. Постояв немного у спокойного моря, снова возвращаюсь в шэк. Связи в лог идут очень медленно. Попросту никто не зовет. Пробую поочередно все от 80 м до 20-метрового диапазона (антенну 160 м диапазона решили не ставить), но все заметно хуже, чем в Эрмере...

В четвертом часу ночи вдруг перестал работать фонарик. Я разобрал его и прочистил все контакты. Не помогло. Я взял с собой зажигалку и спички и пошел в очередной раз к мачте переключить разъем антенны. Не тут-то было – легкий бриз не позволяет держать пламя зажигалки или спички даже несколько секунд, чтобы успеть рассмотреть наклейки диапазонов, прикрепленные к кабелям антенн, собранным в пучок на мачте. Промучившись некоторое время у мачты и поняв тщетность попыток поддержать пламя, я возвращаюсь в дом. Что делать? Второй фонарик у Владимира и ... где он? Я не знаю наверняка. Будить бы его сейчас не хотелось. Он спит лишь часа четыре.

Еще раз разбираю фонарик и снова перечисаю контакты, не оставляю и батарейки без внимания. Собираю. Кляц-кляц. Мертво! Подумав, я принимаю решение поискать Владимира. По крайней мере, мне известно, в каком он доме – это тот хауз, где я был вечером, подключая лампочку на веранде. Я вышел на улицу и посмотрел в сторону поселка – лампочка в невидимом из-за растительности доме все еще горит! Чудесно! Еще не приходилось мне ходить в гости почти в четыре ночи. В поселке тишина. Я иду по тропе на свет лампочки, как к последней надежде. Тропа проходит через огороды, засаженные низкорослой кукурузой. Дом Бернара стоит на границе поселка, тропа с пляжа приводит прямо к нему. Я вышел на небольшую полянку у дома и остановился. Осмотрелся. В доме тихо. Что дальше? Осторожно, чтобы лишний раз не скрипеть, я поднимаюсь по деревянной лестнице на веранду. Я сам себе напоминаю какого-то Багдадского вора, затеявшего недоброе... Последняя ступенька – и я на веранде. О боже!.. В дальнем конце веранды, прямо на полу, спят какие-то мужики и подростки, человек пять-шесть. Спят у включенной лампочки, свешивающейся с потолочной балки. В ужасе, что мой ночной визит может быть истолкован неверно (а что бы вы подумали, увидев ночью крадущуюся фигуру «бледнолицего»? – Вор или любовник!), я лишь мельком смотрю на лежбище мужиков. Кажется, они крепко спят, подстелив под себя тонкие покрывала. Спят в одежде, разумеется. Ну, да бог с ними, не они интересуют меня. Я как можно тише пересекаю веранду и вхожу в

некое подобие коридора. Свет от лампочки сюда не проникает. Щелкаю зажигалкой, освещая интерьер помещения. Справа стена, слева... что-то подсказывает мне, что это комнаты, две комнаты, а может и три, сказать трудно. Дверей нет, стены-перегородки сделаны из чего-то легкого, типа деревянных плит или решеток. Вместо дверей предполагаемые проходы вовнутрь занавешены неким подобием штор из пестрого материала. Я выключил зажигалку, замер посреди коридора, и прислушался. *Бля... что сейчас будет!*

- Вооовааа! – позвал я тихонько прямо из коридора, очень надеясь, что он с Ирой в одной из этих комнат-кладовых.

Прислушался. Слышно только чье-то сопение. *Во черт - не сработало!*

- Вооооовааааа!!! – я чуть громче повторяю попытку, которая все больше напоминает пытку. Это граничная громкость, немного сильнее – и обитатели дома начнут просыпаться...

Вдруг за ширмочкой что-то скрипнуло и, как мне показалось, «привстало» на локти.

- Костя... это ты??? – раздался сонный шепот Владимира.

Вот радость-то – угадал я с комнатой!

- Та я!!

- Что-то случилось?!

- У меня фонарик перестал работать и не видно, какие антенны переключать. Нужен твой фонарик! – выпаливаю я.

- Хорошо, я сейчас приду!

Я не хотел будить своего товарища, но он сам решил вставать. Не ожидая Владимира, так же тихо я выхожу из коридора и тенью пересекаю веранду, спускаюсь по ступенькам вниз. *Хорошо, хоть собаками не обзавелись! А то ведь этим животным ничего ночью не объяснишь...*

Через минуту-две я уже у крыльца нашего радиощэка. Вскоре, пришел Влад. Рассказываю ему о ситуации с «мертвым» проходом и о проблеме с фонарем. У нас есть второй, поэтому проблема – не проблема! А вот проход действительно ночью хуже, чем в горах. Это показали, впрочем, и последующие ночи.

- Давай, наверное, ложись, поспи, а я посижу, - предлагает Влад.

- Пока не начнет рассвет, ничего все равно не высидишь.

- Ничего, до рассвета какой-нибудь час остался, я пока попробую разные диапазоны. Иди, отдыхай!

Я рад такому предложению. День, начавшийся еще в Дили, был поистине длинным и насыщенным. Иду спать! В комнатке за стенкой отдыхает Нико, развалившись на моем спальном мешке (так помягче, разумеется!). Не в претензии! Я падаю на циновку рядом, подсунув под голову какую-то подушку, и мгновенно засыпаю.

Ах, Акрема, – жемчужина у моря!..

Алиса открыла дверь и обнаружила, что она ведет в маленький коридор, не больше крысиной норы. Она опустилась на колени и увидела в конце его самый прекрасный сад, который только можно себе представить. Как же ей захотелось выбраться из полутемного зала и побродить среди этих клумб ярких цветов, среди этих прохладных фонтанов!

Льюис Кэрролл.
Алиса в Стране Чудес

Утро, восьмой или девятый час. Точно не знаю, посмотреть негде. Нико рядом нет, валяется смятый спальный мешок. Меня почему-то никто не будит. В комнате полумрак, все окна закрыты, защиты деревянными щитами. На полу спать твердо, особенно если до этого вам не приходилось спать на земле. У меня есть кое-какой опыт, но все равно, чувствую, что отлежал руку и левую часть лица... Срочно на воздух!

Я выползаю в «столовую» или в «шэк» - для кого как. Влад до сих пор сидит за трансивером. Кратко обмениваемся приветствиями. Он предлагает немного поработать в эфире, сменить его. Само собой! Вот только схожу умыться, ну и «освежусь». Есть два варианта, чтобы сходить освежиться. Первый – цивилизованный. Свой туалет и душ (!) у дома в поселке вчера предлагал Бернар, Ира ходила знакомиться с обстановкой и ее рассказ смутил меня, я решил отложить знакомство с местным санузелом на потом... Я направляюсь к пляжу (второй и, несомненно, более приятный вариант), надеясь, что там никого нет. Но... пройдя с десяток метров по тропинке к воде, открывается вид на побережье, и становится понятно мне, что, увы, придется порядочно пройти в сторону, чтобы уединиться. На пляже... группа рыбаков, человек десять. Они стоят у лодки и перебирают сеть. *Ну шо, клюет?! Таки так!* Вот и славно – будут сегодня жены накормлены, а дети довольны... или наоборот. Я подхожу поближе и приветствую тружеников моря. Парни попались веселые. Какой-то мужик лет пятидесяти все о чем-то шутит, только я не понимаю его юмора. Он обращается ко мне и что-то лепечет, играя на зрителях. В руках у него мертвый скат размером со сплюснутый футбольный мяч. "Задорнов" из Акрема что-то говорит мне, тыкая пальцем то в морду скату, то таская его за хвост, на конце которого находится шип – костяной вырост. *Что он хочет?* Я протягиваю руку к этому шипу, но «шутник» и еще один рыбак, стоящий рядом, вместе одергивают мою руку. Ого! Жестами оба показывают, что трогать шип нельзя – очень ядовитый! Тут же «ценитель юмора», откуда-то достав катану, демонстративно кладет ската у борта лодки, так, что хвост его перевешивается через край шхуны. Один взмах секиры – и конец хвоста с шипом отлетает на дно лодки. Все, рыба теперь безопасна! Почему-то шип не выбрасывают куда-нибудь в кусты, рыбак бережно заворачивает его в кусок целлофана и отправляет, также бережно, себе за пазуху. Трофей, однако!

Улов затмил мое воображение...

На дне лодки... это что – и все?! – на дне лежит небольшая кучка аквариумных

Субботнее утро. Рыбаки из Акрема перебирают сети после рыбалки.

рыбок – полосатых, похожих чем-то на наших окуней, но полосы идут вдоль тела, а не поперек. Среди этой кучки я замечаю пару рыбок странной каплевидной формы с торчащими из головы и с боков шипами. Это съедобно или... сюрприз жене? Картину дополняет великолепная синего цвета морская звезда с большими, торчащими словно сталагмиты, шипами-наростами. Но звезд, как известно, не едят, ими восхищаются. Один из рыбаков берет пятиконечную красавицу (я вижу, как при этом ее многочисленные нервные окончания вжимаются в створки – звезда на нервах!) и, не задумываясь, размахнувшись хорошенько, отправляет ее на небо. Звезда с шумом шлепается в море... Время загадывать желание!

Единственную крупную рыбу в улове, тунца весом килограмма полтора, сразу хватает Нико и просит сфотографировать его с ней. *Да, парни, если это и все, что вы ловите, вас жены скоро повыгоняют из домов!* На десятерых улова явно мало. Есть еще огородики, на суше и в воде. Они, пожалуй, и смягчают неудачные "рыбные дни".

...Мне приходится долго идти по пляжу в надежде на полное уединение, свернув за небольшой мыс. По дороге постоянно натыкаешься на обломки кораллов, отбеленных и сглаженных из-за долгого контакта с водой и песком. Вода потихоньку начинает прибывать. Море очень чистое, поэтому хорошо видно, что в десятке метров от линии прибоя на дне появляются первые островки, поросшие невысокими водорослями. Пройдя почти в конец пляжа, до утеса, я отмечаю великолепное место для купания: насколько могу видеть – дно абсолютно чистое, без растительности. Надо будет наведаться сюда!

Пока же я, полюбовавшись морем и вобрав в легкие его свежесть, возвращаюсь к домику в совсем другом настроении. Сменяю Влада за трансивером. Осталось работать

совсем немного, прохождение наверняка скоро свернется. Я работаю чуть дольше обычного, лишь потому, что сегодня выходной и зовущих станций больше, чем в будний день. Быстро проверяю лог – мой брат (UR7EZ) еще не сработал... Плохо. В Украине сейчас за полночь. Для него реально QSO будет только на 40- или 30-метровом диапазоне. Поработав на 14Мц «до упора», когда зовущих не осталось, я перехожу на 30 м диапазон, и меня сразу начинают звать станции США и Европы. Не помню, сколько я сидел в pile-up, но и он иссяк. Черт возьми, а Миши до сих пор нет? Я продолжаю долбить QRZ 4W0VB/p и выбираю одиночные станции. И вот, когда меня уже посещают мысли о том, чтоб остановиться и сменить диапазон, слышу, как меня зовет UR7EZ. Наконец-то! Слышно его 200 ват и диполь диапазона на шесть-семь баллов, он же меня, как потом рассказывал, с трудом разбирает... Я довольный, что QSO состоялось, перехожу на другой диапазон и работаю еще полчаса – pile-up больше нет.

Настал черед SSB. Микрофоном работает исключительно Владимир, «чтобы не нарушать конспирации»! Мы меняемся. Я усаживаюсь за стол, где мне оставили завтрак, принесенный из поселка все той же «бригадой» женщин. На этот раз нас не ждут: женщины расставили принесенные блюда на столе, и ушли в поселок. Я с удовольствием поглощаю остатки провизии. Нормально, как для завтрака! Не наелся? – Положи больше риса, выпей больше чая! Хлеба, естественно, нет – стройнее будешь. Вообще, про желудок тут как-то и не вспоминаешь. Залпом осушать чашку чая я не спешу, и слушаю несколько монотонную работу в японском организованном pile-up в SSB, медленно отпивая из стакана. Несколько разнообразит монотонность работы появление VK8NSB из Дарвина – организатора прошлой австралийско-малазийской экспедиции на Атауро... Stuie что-то спрашивает о месте нашего базирования, о генераторе... что позднее живописно было прокомментировано для меня Владимиром. Интересно узнавать об известных вещах с другой стороны. Впрочем, комментарии приводить здесь не буду, поскольку они выходят за рамки повествования.

Покончив с завтраком, выхожу на улицу. Рыбаки перенесли сети из лодок в тень раскидистого дерева у тропы к пляжу. Тут же, у дерева лежит перевернутая шляпка, служащая лавкой для работающих с сетью. Кто-то предпочитает все же комфорт – пара человек перебирают сеть, сидя в тени дерева в пластиковых стульях. Жизнь у пляжа Акрема входит в свой привычный ритм...

За посудой никто пока не приходит.

- Может, отнесем тарелки сами? – предлагаю я Ире сходить в дом Бернара.

Она соглашается.

- Я пойду, заодно, искупнусь у них в душе. А то от соленой воды волосы стали очень жесткие...

Я и сам чувствую, что волосы у меня утратили мягкость, но короткая стрижка делает подобную проблему несущественной. Да и я собираюсь сегодня искупнуться в море, и не раз! Ира быстро собирает кулек для душа, мы берем посуду и направляемся по узкой тропе в поселок.

Идти недолго. Тропинка ведет через огороды. Я вижу «пляжные» огороды впервые. В почве, преимущественно песчаной вперемешку с малым количеством листовенного перегноя, растет кукуруза, которая размером мне максимум по грудь. На стеблях растений немало

дозревающих кукурузных початков. По краям небольшого участка растут невысокие деревья. Вообще, зелень здесь просто лезет из каждого свободного места: теплый и влажный климат благоприятствует произрастанию разнообразных видов деревьев.

Источник пресной воды в поселке – обильные ливни, вода которых бережно собирается в бак

Мы подходим к уже знакомому мне по ночному визиту дому, сейчас я могу рассмотреть детали интерьера. Дом большой, если присесть, видны сваи, на которых стоит основная платформа хижины. Возле дома несколько небольших хозяйственных пристроек. Крыша хижины покрыта пластиковым или металлическим шифером. По контуру ската крыши закреплены водосточные желоба. Вода, стекающая с крыши во время ливня, собирается в большой пластиковый бак, стоящий на небольшом фундаменте у дома. Вот и источник пресной воды! Воду, конечно, необходимо кипятить перед употреблением.

За перебором и ремонтом сети уходит полдня – день, неделя, месяц... Это ритуал, командная работа – один из элементов единения.

Ира подходит к какой-то пристройке. Здесь с одной стороны расположен душ, с другой – сортир. Туалет маленький и узенький. Бак с водой для промыва находится снаружи. При необходимости берешь лежащий рядом черпак и, как выразились бы военные, «производишь смыв».

Мы отдаем посуду – ставим ее на стол в кухне-пристройке – где сейчас работают две-три женщины. Они оживились при нашем появлении и что-то друг другу говорят в приподнятом тоне – не ожидали от нас таких действий. Я здороваюсь и говорю на английском, что немного посижу тут же на лавке, подожду Ирину. Не знаю, поняли ли меня?.. Не думаю... но и не прогнали, конечно. Ира

уходит, а у меня есть возможность понаблюдать за кухонной метушной.

На кухне что-то готовится, в горшке что-то клопочет и пыхтит паром. К кухне, пока я сижу, подходят несколько человек мужчин, кто-то просто общается с женщинами и отходит, пара же человек насыпают себе в тарелки риса и гарнира, садятся рядом со мной на лавку у стены дома и завтракают. Это знакомые мне лица рыбаков, которых я видел сегодня на пляже или вчера у нашей стоянки. Трудно понять, кто тут в доме живет, а кто пришел позавтракать. Мужчины, даже если и из разных семей, работают вместе, и в таком маленьком сообществе, как отдаленный поселок Акрема, вполне могут делить кров и хлеб.

Не могу я и угадать, сидя на лавке и наблюдая за женщинами, кто и кому приходится женой или, может, дочерью. Понятно только, что Бернар в этом доме играет какую-то ключевую роль, такой себе патриарх, решающий, кому на работу, а кому в церковь... (Шутка, конечно!). Еще становится понятно, что наше меню – это и меню местных жителей. В тарелке у парня, присевшего рядом со мной, тот же рис, такая же подливка... Женщины, перемещающиеся в пределах кухонного пространства, стройны, в их одеждах нет никакого изыска, они просто делают свою работу (варят, парят, жарят), и не донимают мужчин суждениями о равноправии или о тяжести женского труда... Мужчины ведь добывают рыбу в этот дом! Мужчины ведь чинят сети в тени пляжных сосен! Мужчины решают!

Что меня очень впечатлило – это собаки. Нет, ничего особенного в поведении псов, они не воют так же славно, как было в Эрмере, но... таких худых животных я в жизни еще не видел. Да это просто ходячие скелеты, знамения Апокалипсиса! Две собаки вертятся у кухни в надежде хоть что-нибудь съесть, и смотреть на них без боли просто невозможно. Да что с вами, люди! Накормите собак! Парень, поглощающий рис возле меня, полностью доел свою порцию и, не обращая никакого внимания на собаку, смотрящую на него голодными глазами и сидящую в метре от него, отнес пустую тарелку на стол для посуды. Все.

Я просидел минут пятнадцать – двадцать. Вернулась Ира, и мы возвращаемся к дому у моря. По дороге я предлагаю чуть позже вернуться и пройтись по поселку. Хочется посмотреть, как живут люди. Я лишь хочу прихватить фотоаппарат с собой. Решено.

К моменту нашего возвращения Влад «созрел» на установку антенны 160-метрового диапазона, которую первоначально мы решили не ставить. Энергию кипучую ведь надо куда-то девать! Да и бамбуковые шесты свалены под боком. Бамбуковую мачту с антенной устанавливаем у стены нашего дома. Все проходит гладко и без призывов о помощи. То-то кого-то порадуем этой ночью QSO на low-band... Днем прохождение практически отсутствует, и из-за нескольких местных связей не разумно жечь бензин. Кстати, приходится купить еще одну канистру горючего у рыбака из поселка. И этого по расчету должно хватить до отъезда. Времени навалом, и я отправляюсь на пляж.

Прибрежная полоса довольно обширна, особенно много песка в северном направлении от точки, где мы причалили. Тут линия песка тянется метров на пятьсот. Где хочешь, там и залазь в море. Но я продолжаю прогулку по пляжу. Со мной Нико. Он говорит, что ему кажется, что у него небольшая температура, чему я немало удивлен. Где это он успел подхватить недуг в столь теплую погоду? Ах да – наверное, замерз в день нашего приезда (вчера), когда нас здорово поливало сначала брызгами, потом ливнем... Мы неспешно добрались до утеса, на котором заканчивалась песчаная полоса пляжа. Я скинул одежды и залез в море. Море тут неглубокое. Проплыв метров двадцать от берега, под собой вижу ковер морских водорослей, похожих на траву. Здесь неглубоко – метра два-три. Не очень мне нравится плавать над водорослями, от которых веет чем-то неизведанным, неприятным, скрытым. С детства не люблю. Впереди, метров через пятнадцать я вижу несколько поплавков-бутылок: что-то стоит в том месте. Может сеть, может ряды с растущими питательными водорослями. Я плыву обратно. Можно вполне комфортно плескаться прямо у берега. Дно там чистое, без растительности. Машу рукой Нико – давай, заходи! Он немного помедлил, потом быстро скинул одежду, также быстро нырнул в воду и, через пару минут, снова вылез на берег. Дрожит почему-то... Ладно, тоже выхожу. К утесу подходит чей-то огородный участок. Там также посадка кукурузы. Участок находится немного в стороне от моря, на возвышенности и отделен легким заборчиком из плетения палок и кукурузных

стеблей. За участком домов не видно, там начинаются подступы к утесу, покрытые растительностью. День жаркий, ветра нет, и мы успеваем уже высохнуть, вернувшись к домику.

У дома все также сидят несколько человек и перебирают сеть в тени дерева. Один из мужчин, пришел из поселка и спросил, не желаем ли мы отведать кокосового молока? *Что за вопрос – тащи сюда свои орешки!* Не успел я переодеться, как шесть штук огромных кокосов уже лежали возле нашей хатки. Это не те кокосы, что продают у нас в супермаркетах. Это кокосы молочной спелости, их уже можно есть, но не хранить. И мякоть такого ореха податливая, ее, как оказалось, можно ложкой сдирать со стенок скорлупы и есть. И по размеру принесенные орехи больше магазинных – имеют они толстую внешнюю оболочку. В общем, размером кокосы, доставленные к крыльцу нашей обители, не меньше, чем трехлитровая банка. Рыбак, принесший эти дары природы, имеет катану на поясом. Он вытаскивает тесак, берет орех и тут же, на «морозильной камере», привычными движениями сначала счесывает два «полюса» ореха а, затем, аккуратно обрабатывает один из срезов до еще не прочной скорлупы. Когда он слегка надрубывает скорлупу, из маленького отверстия брызгает сок, как из пробитой водопроводной трубы. Концом лезвия катаны ловкач вскрывает небольшое отверстие в скорлупе. Излишки сока проливаются на светло зеленую кожуру кокоса. Готово! Мне протягивают орех – отведай, добрый молодец! Передаю орех Ире, Нико следующий... Рыбак готовит второй экземпляр и передает мне. Кокосового молочка много. Вначале, кажется, что выпьешь все, тем более, после купания хочется пить. Однако, глаза хотят, а желудок не резиновый. Я выпиваю, может быть, треть и оставляю на потом.

День тянется медленно, у дерева с сетью по-прежнему сидят несколько человек. Их работа не терпит суеты, там идет какой-то неспешный разговор. Иногда кто-то приходит из поселка просто поболтать.

- Видишь, Кость, вот так и течет тут жизнь – неторопливо, без погони за временем, - говорит Владимир, кивая на мужской "кружок макраме" у дерева. – И не важно, какой у них доход – люди здесь счастливее, чем те, кто живут в «цивилизованном» мире...

Действительно, люди тут часто улыбаются в разговоре и просто при встрече. Их мысли легки, как утренний бриз, а проблемы исчезают с хорошей тарелкой ужина, с лучами тропического заката... Вот он – Эдем, вот они – райские кущи! Без электричества, без ТiВи и джакузи ... но все же это блаженное место, только не все об этом догадываются.

- При встрече, особенно выслушав рассказ о каком-нибудь моем путешествии по Океании, меня часто спрашивают: «А чем занимаются там люди? Что делают?» – продолжает Влад. – Я отвечаю – просто живут! У нас людям тяжело представить, что означает «просто жить». Жить и не бежать на работу с восьми до пяти, не думать о выплате кредита, о политиках, которые «сделают нашу жизнь лучше», жить сегодняшним днем, жить без проблем в сердце... Они (кивает в сторону рыбаков) – просто живут, сидят и плетут сеть, едят рис, ходят в церковь, ловят рыбу, чтобы продать и снова купить риса, купить бензин для лодки или ананасовый сидр... Это простая жизнь со своими маленькими радостями, безусловно. Смотри, Костя, это жизнь в раю...

Для меня же показательно другое – нас поселили в доме, нас кормят, и никто не говорит о плате за это, о размере «благодарности». В поселке поистине живут добрые самаритяне, открытые люди.

Влад собирается немного поспать перед вечерним открытием прохождения. Мне – не хочется. Я вроде выпался, хоть и было у меня часов пять... Я раздумываю над словами Владимира, но не успел я погрузиться в свои мысли, как мимо нас проходит рыбак с подводным самострелом в руке. Внимание переключается на него. Он подходит к группе «макраме», и они о чем-то недолго общаются. Один из рыбаков встает со стула и двое мужчин следуют к морю, берутся за небольшую лодку, лежащую метрах в пятнадцати от воды, и подтаскивают ее к морю. Затем рыбак с подводным оружием еще раз возвращается к группе односельчан у дерева, и что-то им говорит... Пользуюсь моментом и редким случаем присутствия Нико в поле зрения (он все время куда-то пропадает!), и спрашиваю у рыбака с самострелом о его оружии. Я видел пару таких «пистолетов» в доме, где мы находимся, они стояли в углу рядом с полиэтиленовым мешком, наполненным сушеными водорослями (Dutusitasi nea – я ел такие в Эрмере). Из мешка воняло (по крайней мере, непривычный запах вяленых водорослей вызывал именно такие ощущения), я полез заглянуть, что в нем, и увидел за мешком самострелы.

Подводное оружие состоит из планки толщиной 10 миллиметров, к которой прикреплена стальная трубка длиной около 1,2 метра. К планке прикреплен еще жгут в два слоя, играющий роль мощной пружины. Есть еще простой спусковой механизм, устанавливаемый на стопор. В трубку вставляется пика (заточенная стальная проволока толщиной шесть миллиметров и длиной 1,3 – 1,4 метра), оттягивается на жгуте и ставится на спусковой механизм. Оружие готово к работе. Я интересуюсь у рыбака с оружием, далеко ли «летит» стрела. – Да, - отвечает, - с пяти метров можно подбить рыбу...

- Попроси, чтобы тебя взяли на рыбалку! – подкидывает идею Влад. – Давай, попроси, смелее! Когда еще будет такая возможность!

Мысль очевидна, но я не осмелился бы попросить. А раз уж это уже озвучено...

- Возьмите и меня с собой! Я никогда не был на подводной рыбалке! – обращаюсь я к рыбаку.

Мужчина с самострелом улыбается во все зубы и уточняет, правильно ли он понял. – Ты хочешь поехать со мной?

- Да!! – утвердительно киваю я.

Ура! Рыбак не раздумывает и сразу соглашается, он, кажется, даже удивлен моей просьбе.

- Уверен, что тебе это понравится, съезди! – подбадривает Влад.

Я бегу в дом и беру маску, которую перед отъездом Саша сам мне сунул в руки: «Бери, бери! С маской нырять удобно и сможешь хорошенько риф рассмотреть. Посмотреть есть на что!»

У рыбака – смуглого невысокого крепкого мужчины лет сорока пяти – в лодке тоже лежит маска, но без трубки и выглядит она попроще. Ну что ж – ехать, так ехать; я залазаю в небольшую лодку. Рыбак ее придерживает. Три человека для такой лодки было бы уже перебор. Лодка не широкая – двум седам на поперечной перекладине-скамье будет не комфортно. Для устойчивости лодка снабжена боковыми поплавками – деревянными брусками с обеих сторон лодки, скользящими по воде на расстоянии восьмидесяти сантиметров от борта. Я сажусь на нос, капитан – на корму. Второй рыбак отталкивает нашу лодку от берега. Берегись рыбака – мы вышли на промысел!

Капитан берет из лодки короткое весло и неспешно загребает поочередно с каждого борта. Я беру второе весло, оказавшееся в лодке, и прибавляю свои лошадиные силы, загребая в такт с моим лоцманом. Мужчина сзади теперь просто поправляет курс следования лодки, поскольку мы проплываем мимо полей поплавков, разворачиваем лодку и следуем вдоль берега на расстоянии около ста метров от него. С лодки кажется, что мы стоим на месте, движение вдоль берега едва заметно. Мы держим курс в южном направлении. Так мы работаем веслами с полчаса, и я начинаю ощущать, какая это хорошая разминка для рук. Пляж уже закончился и напротив нас к морю спускаются скалы. Капитан жестами и незнакомыми словами дает мне понять, что можно сбрасывать якорь, лежащий рядом со мной. Якорь со звуком «боууль» уходит в толщу прозрачной воды. Под лодкой пестрит необычными красными и зеленовато-голубыми оттенками рельеф дна, искаженный водой. Рыбак быстро собирается на рыбалку. Собственно, собирать-то и нечего: бравый «Папай» как есть – в рубашке и в шортах с ружьем в руке – прыгает за борт. *Во, блин, началось!* Я остаюсь в пустой лодке. Ну нет, я хочу все видеть! Натягиваю на лоб маску. В это время мимо нашего суденышка, метрах в двадцати от борта, проплывают две большие лодки, подобные той, на которой мы приплыли на остров. С лодок мне кричат и машут приветственно. Я тоже что-то выкрикиваю и в ответ потрясаю руками. Лодки сбавили ход и взяли курс на пляж Акрема. Я вспоминаю, что кто-то говорил, что сегодня базарный день, и лодки отправлялись на рынок в Beloí – поселок, куда по выходным ходит паром из Дили...

Через несколько мгновений я свешиваю ноги в теплую воду и соскальзываю с борта. Несмотря на то, что мой рыбак отправился под воду в шортах и в футболке, я решаю рубашку все же снять – так комфортнее нырять. *Надеюсь, рыба не против?*

Быстренько надеваю маску на глаза и прижимаю к лицу, вытесняя избыток воздуха. Заглатываю мундштук дыхательной трубки. Чтобы стекло не запотело, необходимо тут же погрузить маску в воду. Я готов. Смотрю под воду, я впервые вижу коралловый риф. Он разноцветный. Подводный ландшафт просто превосходит мое воображение. То, что я вижу, похоже на пейзаж с другой планеты. Разнообразие форм и цветов кораллов поражает – одни в виде больших сфер голубого оттенка поднимаются высоко над дном, другие, рыжего, бордового, красно-желтого оттенков в виде сказочных растений прикрепились у стенок, поднимающихся к поверхности массивных образований, напоминающих крупную пористую структуру - губку. Между кораллами есть рыба, небольшая, в основном, с ладошку, но разнообразная по окрасу.

Я оглянулся вокруг. Рыбак с самострелом ныряет метрах в пятнадцати от меня. Решаю подплыть ближе. В месте ловли рыбы глубина около шести-восьми метров. «Папай» набирает воздух и ныряет на глубину. На такой глубине рыба не реагирует на то, что там барахтается у поверхности. Вся рыба плавает между кораллов. И вот удивительно, даже у поверхности воды в маске мне прекрасно видно, что за рыба плавает на дне. Я ныряю вместе с рыбаком, в метрах трех от него. Но вскоре я понял, что не могу погрузиться так же глубоко, как этот опытный ныряльщик. И дело не в том, что мне не хватает воздуха или сил – на уши начинает сильно давить давление. Чем глубже, тем сильнее испытываю болевые ощущения. Мне позже рассказали, что надо немного «поддавить» воздухом из легких, чтобы «уши почувствовали», уравновесив давление воды... Но тут нужна практика. Рыбак же, с которым я сейчас ныряю, без проблем опускается почти к самому дну, а я зависаю над ним. Я не скажу, что риф кишит рыбой, но рыбы хватает, чтобы «наметить» подходящий экземпляр чуть ли не с поверхности. Стрелок ныряет с заряженным оружием, подплывает к

рыбе сбоку, недолго прицеливается и спускает дротик. Пожалуй, в половине случаев, если не больше, стрела проскальзывает мимо рыбки, и та, дернув хвостом, быстро скрывается за кораллами. Рыбак тут же подплывает к пике, берет ее и всплывает. Отдышавшись, зарядив самострел и вдохнув поглубже воздуха, снова погружение. Я погружаюсь рядом. Рыбак опускается на глубину, зависнув в двух метрах от дна и метрах в трех от рыбки. Выстрел. Пика молнией метнулась к рыбешке, переливающейся желто-зелеными оттенками и, пробив ее посередине, выходит из нее с другой стороны сантиметров на тридцать. Пробитая стрелой рыба судорожно бьет хвостовым плавником, но эти движения быстро переходят в предсмертную дрожь и добыча с пикой падает на дно. Рыбак подплывает, берет стрелу, снимает рыбу и нанизывает ее на бечевку, закрепленную на поясе, как ремень. По ходу рыбалки у рыбака появляется «ожерелье» из подбитой рыбы. Процесс ловли довольно длителен, я же удовлетворяю свое любопытство и оставляю рыбака в покое. Рыба добывается поистине нелегко!

Выныриваю и снимаю запотевшую маску, сплевываю попавшую в рот соленую воду. Сейчас идет ливень, море «шумит» от звука миллионов разбивающихся о поверхность капель. Оглядываюсь – лодка плавает метрах в тридцати от меня. Решаю подплыть чуть ближе к берегу – хочется доныривать до самого дна морского! Я все еще не могу насытиться видами причудливых форм и цветов кораллов. Никогда не смогу, это красиво! Надеваю маску, ныряю. Подо мной большое шарообразное коралловое образование бирюзового оттенка. Коралл возвышается метра на три от дна. Я подныриваю к его вершине и дотрагиваюсь. На ощупь – твердая губчатая структура с острыми краями. Остроту губчатой структуры ощущаешь сразу, слегка проведя по ее поверхности рукой. Я сильно руку не прижимал, но умудрился поцарапать два пальца. Надо быть аккуратнее! На глубине около пяти метров, где я ныряю, рыбы видно не много, да она и не крупная. Зато у меня прекрасная возможность хорошо рассмотреть кораллы, прикоснуться к ним, дотронуться до дна. Один из кораллов поднимается со дна настолько высоко, образуя у поверхности шляпку гигантского гриба-шампиньона, что я, стоя на ней, по шею высываюсь из воды (на глубине пяти метров и метрах в восьмидесяти от скалы!) Я всматриваюсь в толщу воды вокруг себя – таких высоких кораллов больше не видно. Мимо меня снова проносятся лодки – три небольших суденышка на моторном ходу направляются в Акрему. Сегодня просто какой-то пик активности на море, вчера никто не причаливал к пляжу... В каждой лодке по три-четыре человека – смуглые и веселые ребята, увидев меня торчащим по шею из воды и протирающего маску, громко что-то выкрикивают и смеются. Ну и я тоже что-то выдал... Минуты спустя, причалившие лодки уже разгружаются на пляже, несколько человек выносят что-то из нутра шлюпки и несут вглубь острова. Меня вовсе не занимает это, самое интересное – под ногами. Я многократно погружаюсь ко дну и собираю все, что может заинтересовать такого неискушенного исследователя морских глубин, как я: красивого моллюска было увидеть непросто – пятнистый окрас раковины хорошо маскирует ее на фоне дна, усеянного обломками коралла; я также не удержался от искушения отломить несколько маленьких веточек коралла. Позднее становится понятно – не стоило этого делать: кроме того, что на воздухе коралл теряет сочность цвета, он, умирая, источает запах гниющих водорослей, ведь это же колония морских организмов, а не растение! Моллюсков, вроде того, что я подобрал с глубины пяти метров, рыбаки тоже собирают. Нет, не из эстетических чувств, - раковину проламывают и через отверстие извлекают моллюска. Деликатес! В кустах у пляжа я наткнулся на свалку битых раковин разных размеров и расцветок. У нас, подчищенные и отмытые, такие раковины украшают полки магазинов, торгующих

Суббота, 4 февраля 2012. Пришла лодка с товарами из Велoi.

Это фото сделал Нико, я в это время люблюсь подводным ландшафтом на рыбалке. Наша небольшая лодка - одна из едва заметных точек у горизонта в левой части фотографии.

сувенирами. Тут же – простое потребительское отношение – все равно, что вскрыть консервную банку с деликатесом.

Нанырившись вдоволь, снова подплываю к рыбаку. Он отплыл еще глубже. За поясом бечевка почти уже полностью занята рыбешкой. Еще несколько раз погружаюсь с ловцом аквариумных рыбок и люблюсь подводной охотой. Мастер! Особенно восхищает меня способность «капитана» погружаться на столь большую глубину, я не могу и, зависая в нескольких метрах от дна, наблюдаю сверху. Все и так прекрасно видно.

Мы в воде, пожалуй, часа полтора. Чувствуется легкая усталость, но покидать это подводное царство вовсе не хочется. Кому-то развлечение, а кому-то добыча пропитания! Рыбак подплыл к лодке, значит и мне пора возвращаться. Когда я приблизился к борту, Папай уже снимал ожерелье из рыбы и укладывал его на дно лодки. Сильно накренив посудину, я, словно морской котик, выпрыгиваю по пояс из воды и «укладываюсь» животом на нос судна. Закидываю «ласты» и усаживаюсь на свое место. Со «штанов-попандопулов» мелкими струйками стекает вода, подо мной образуется лужица. Я накидываю на себя рубаху и вытаскиваю якорь. Можно возвращаться! Обратная дорога легче, и кажется, что мы плывем быстрее. Причалив, я помогаю Папаю затащить лодку на берег за черту большой воды. Я по-настоящему благодарен ему за незабываемые впечатления от морской рыбалки, жаль только, что не все слова мои доходят, – он не говорит по-английски.

Я вернулся в «шэк». На стуле сидит Ира с айподом, Влад у трансивера, а на столе... Нам принесли чай и какие-то печенки. Как мило! Это – оставили для меня. Очень кстати, я передеваю мокрые бриджи, усаживаюсь в пластиковый стул, наливаю чай и пью вприкуску

с печеньем. Чувствую приятную усталость. Давно уже я не проводил столь много времени в воде. Попутно узнаю у Иры, не желает ли она сейчас прогуляться в поселок. Прогулкой это можно назвать с натягом. Поселок – вот он, за кустами, за деревьями. Слева и справа поселок обступают горы. Слева гора, подымающаяся резко вверх и покрытая зеленью, уходит к небу метров на пятьдесят. Справа утес с более пологим склоном. Вширь расти некуда, но по крайней мере, поселок неплохо защищен горами от сильного ветра, если такой случается.

Я и Ира идем по тропе к дому Бернара, мимо него – ни как! Проходим уже знакомый дом и сворачиваем налево на широкую улицу. Улица – это ровная дорожка из утрамбованного песка, столь необычно выглядящая для моего глаза: людей – нет, мусора – нет, следов от протекторов машин – нет! Это исключительно пешеходная дорожка. Бордюры у дороги аккуратно выложены диким камнем, взятым у подножия скалы, тут, недалеко. С одной стороны улицы колосятся кукурузные побеги: небольшие огородики выходят прямо к дороге; с другой стороны участки буйной зелени: какие-то специально выращенные кусты выше моего роста и пальмы чередуются с небольшими скромными жилищами. Все очень чисто и зелено.

Улица Акрема

Поселок небольшой и вовсе не перенаселенный. У домов, которые мы проходим, иногда вообще людей не видно. Несколько домов находятся в процессе строительства или расширения. У одного из домов, нестандартного внешнего вида по архитектурному решению и стилю постройки, стоит большой щит. Написано на тетуне. Пробежав глазами по тексту, я понял только, что некая компания взялась восстановить данную постройку. Что это –

памятник истории? Здесь?! На деревянном щите указаны какие-то реквизиты компании с адресом, названием округа и телефонами. Черт возьми, но где же слово «Атауро»?! Для нас чрезвычайно актуально достать доказательства пребывания на острове (требование для активаторов по программе ЮТА). Фото плаката с названием острова подойдет! Но на этом плакате только название округа... Ира все равно берет в кадр плакат и делает снимок. Если такого доказательства недостаточно – остается церковь. Подойдет любая печать, где будут реквизиты храма Господнего. Печать можно попросить поставить прямо в паспорт.

Акрема. Дорога к храму (прямо и направо!)

Протестантская церковь – особое место в поселке, религиозный и культурный центр Акрема

Улица, по которой мы следуем, небольшая. Метров через пятьдесят дорога разветвляется на две: на узкую, в сторону моря, и на широкую дорогу, поворачивающую направо, к церкви. Пойдешь прямо, и вскоре упруешься в довольно крутой горный склон. Конечно, поворачиваем к церкви. К храму ведет ухоженная дорога. Нет в Акреме возвышенного места для святыни - не столь повезло поселку, как Эрмере. Поэтому особое внимание уделено ландшафту. Возле храма посажено несколько магнолий, радующих взгляд распустившимися бело-желтыми соцветиями и насыщенно-зелеными жесткими восковыми листьями; раскидистые пальмовые ветви молодых деревьев нависают над крыльцом культового сооружения при церкви, отбрасывая полосатые тени на дорожку. Края дорожки тут аккуратно вымощены небольшими камнями, а булыжники поменьше рассыпаны по всему пути вместо гравия. Это чтоб избавиться от песка и грязи на подходе к обители. Мы сразу сошли в сторону с этой дороги – острые камни врезаются в ступни даже через резиновые шлепанцы. Церковь не пустовала – изнутри доносились голоса и, иногда, долетали до нас отрывки музыки. Может там служба проходит? Но еще далеко не вечер!.. Заходить не решились.

Полуденный отдых в тени дерева...

...или под навесом собственной веранды одинаково приятен. Просто жить – это здорово!

Смотреть в поселке особо и нечего – две-три дороги вдоль побережья, три-четыре – поперек. Тут надо пожить, и тогда откроется то, что сокрыто от глаз. Это культура и обычаи, это местная кухня и добыча пропитания, воспитание детей и досуг... Ничего этого, конечно, не видно, когда гуляешь по пустынным улочкам поселка, и кажется, что жизнь замерла, люди уснули в тени пальм на тахте или ушли в церковь...

Дорога в сторону моря одинаково пустынна, как и путь к храму, только зелень немного редее, уступая место низкорослым деревцам, песку и траве. Домики заканчиваются, и мы уже проходим мимо построек-сараев, сделанных из кукурузных стеблей на деревянном каркасе. Тут, должно быть, хранят снасти и хоз. инвентарь. Как ни странно, граница поселка у скалы вполне определенная – за домами, которыми заканчивается поселок, стоит невысокий заборчик, сделанный из стеблей и каких-то подручных природных материалов. Эта ограда идет к самому морю. Чтобы ее обойти и пройти дальше по пляжу к обрушившимся камням у скалы, необходимо забраться в воду по колено. Я предполагаю, что изгородь эту поставили, чтоб дети не заходили к подножию горы. Гора сбрасывает камни! У берега лежит много массивных, и не очень, камней – результат эрозии горного массива. Глыбы имеют явно вулканическое происхождение – спекшийся шлак с многочисленными вкраплениями камней более твердой структуры. Валуны сравнительно легко крошатся даже рукой, и я не упустил возможности отковырнуть несколько камушков на память о поездке на Атауро...

Солнце уже вышло из зенита, вторая половина дня – с солнечной и безветренной погодой. Сейчас только купаться, что я и сделал после прогулки по поселку. Я ходил туда, где заканчивается песчаная полоса и начинается утес, в северном направлении. Туда идти далековато, метров, может, четыреста-пятьсот. Но там даже людских следов нет на песке, людей из поселка вообще не видно, поскольку место это скрывает небольшой мыс – изгиб береговой линии. Можно было, конечно, и не ходить никуда. Вот оно море, в двадцати метрах от нашего домика! Но... Всегда есть какое-то «но», которое ставит, скорее, интуитивные ограничители в обычном для привычной тебе обстановке поведении – ведь здесь речь идет о terra incognita. Ведь мы гости на этой земле, и многого не знаем или не воспринимаем. Мы же не туристы, творящие что угодно на огражденном участке бунгало или вынесенном подальше от глаз правозверных отельном комплексе... Культура многих стран не совместима с привычками приезжих гостей, падких на сервис «все включено... плюс русскоязычный гид»... «Гости» едут, чтобы поесть, покупаться, загореть, сфотографировать, купить сувениры и смотреть обратно. Затем – рассказать друзьям, какой плотный завтрак был в отеле, как здорово пристроены дети с аниматором, как смешно араб за баром говорит слово «яичница» - «яицнися», и все понимает по-русски, когда его попросишь сделать «Маргариту»... У нас другой маршрут, подальше от навязчивого сервиса и толп до красноты поджарившихся на солнце представителей цивилизованного мира. Поэтому обычаи местного населения, безусловно, необходимо учитывать. Например, за все время пребывания на острове я ни разу не видел купающихся людей – ни взрослых, ни детей, ни собак-доходяг – никто не лез в воду, чтобы освежиться. Рыбак-Попай, благодаря которому я познакомился с особенностями подводной охоты, нырял в одежде... Не возникнет ли у человека наблюдательного мысли о том, что раздеваться на людях просто не принято или – хуже того – неприлично?! Еще свежо в моей памяти замечание Нико, даже не замечание, а так, оговорка, сказанная им еще в Эрмере, о том, что мне стоит застегнуть рубаху (а я любил носить ее полностью расстегнутой, со связанными в узел полами рубахи на поясе) – «а то люди смеются». Вот и здесь, что-то подсказывает мне, что купаться, особенно раздевшись до плавок, лучше в стороне от выхода из поселка...

Зайдя в домик, я под впечатлением от прекрасного пляжа предлагаю Ирине сходить искупаться со мной, поскольку Влад сидит за аппаратом. Но не суждено было...

- ОК, я только купальник одену, - Ира берет вещи и скрывается в соседней комнате.

Проходит минута-другая и Ирина выходит – готова!

- Ирин, только не вздумай купаться здесь, на выходе из поселка! – бросает Влад, отрываясь от трансивера. – Ирин, слышишь?!

...Бывает так, что, казалось бы, кинутая безобидная фраза каким-то невероятным образом воспринимается враждебно, задевая за что-то живое, поджигает бочку с порохом и тут... БУХ! – кто-то взрывается на ровном месте. Не то настроение, сильно жарко или болит голова, и внутри что-то медленно поднимается вверх, подкатывает под горло, но не выходит: медленно бродит и ждет момента, чтобы выплеснуться и поднять бурю в стакане. Я бы и не обратил внимания на слова Владимира, но Иру они очень задели.

- Почему я не могу здесь искупаться?! – выпаливает Ира, останавливаясь у выхода из домика. Она явно возмущена. У нее свои доводы, чисто женские, конечно (не обижайся, Ира, если это читаешь – это только мое стороннее восприятие), у Влада свои. В словах Иры гнев и обида. Влад аргументирует, и его слова убедительно звучат для меня.

- Ириш, ты не заметила, – здесь никто не купается. Стоит тебе остаться в купальнике, и ты, безусловно, привлечешь к себе нездоровое внимание рыбаков, которые, время от времени появляются у моря. Да они и сейчас сидят за сетями!

- Но ты же обещал, что тут будет чистый песок и пляж, и я смогу купаться вдоволь... А теперь, оказывается, надо спрятаться, чтоб искупаться!..

- Пойми, Ира, для этих людей, - Влад махнул в сторону «группы макраме», - что есть купальник – что нет. Проще говоря, ты будешь для них выглядеть голой! Купальник – слишком незначительная преграда для полета воображения. Их женщины так не ходят!..

...Если что-то пошло не так, если эмоции уже выплеснулись, никакие доводы не воспринимаются адекватно, потому что разум и гнев ходят порознь... Ира купаться не пошла, я тоже передумал, семейный спор еще продолжался, и я вышел из дома, чтоб не мешать взрослым людям прояснить истинную причину конфликта.

...Я прошелся к морю. В голове всплыли слова, только что сказанные Владом, – «...ты будешь для них выглядеть голой!». Мне вспомнилось лето 1999 года. Харьков, кампус института, где я тогда учился. Я сижу на лавочке в тени березок на аллее со своим хорошим другом. Его зовут Бгупи, он из Пенджаба, Индия. Мы просто сидим, о чем-то болтаем и рассматриваем проходящих мимо студенток. Лето было жаркое и девушки просто «выпрыгивали из одежды», одеваясь очень открыто и притягивающе. И вот сидим мы, болтаем и, иногда, обмениваемся впечатлениями типа «Вау! Ай – хороша!», когда кто-то неспеша проходит мимо. Короче, не скучно нам. Недалеко главный вход на территорию ВУЗа, и по аллежке все время кто-то да проходит.

Одна девушка-студентка, одетая в облегающую футболку и юбку мини... ну очень уж мини, подходит к горке арбузов и дынь метрах в пяти от нас и на ощупь что-то пытается выбрать. У друзей моего друга – индийских студентов, сидящих на соседней лавке – аж челюсти поотпадали от потрясающего вида девушки, простукивающей дыни в трех метрах от них. Кто-то из студентов что-то весело и громко прокомментировал на хинди, и группа разразилась заразительным хохотом. Бгупи, как-то среагировал на фразу и что-то сказал в ответ тоном учителя. Товарищи на соседней лавке ответили, но примолкли, хотя, смеяться не перестали.

- Вот дурачки, - Бгупи кивает в сторону земляков, - так могут полдня тут просидеть и будут все тарашиться на студенток. Ты знаешь, такого как здесь, в Индии не увидишь. Девушки одеваются очень открыто... А у них, - Бгупи говорит о земляках, - у нас, мозги немного не так устроены, как у вас. Для нас вот эта девушка – почти как голая.

- Почему? – удивляюсь я, ведь эта девушка даже носит бюстгальтер, чего придерживаются в одежде далеко не все в столь жаркий день (ремешки нижнего белья проступают через плотно сидящую материю футболки).

- Посмотри, одежда ее все облегает. Хорошо угадываются формы ее тела. Юбка... да ее почти нет! Для того, кто привык на женщине видеть сари или хиджаб, такая одежда, как на этой студентке, ничего не прикрывает. Воображение делает невидимым даже то, что надето... Она выглядит как голая!..

Владимир и Ирина на пляже Акрема, остров Атауро

Сейчас спор в домике у моря напомнил мне нечто важное: местные привычки нужно учитывать, чтобы не выглядеть мажорами, людьми, ломающими культурные рамки.

Прошло минут десять-пятнадцать и страсти улеглись. Влад вышел с Ирой из «шэка» с полотенцем на плече. Значит, теперь все нормально!

- Костя, мы пройдемся, а ты поработаешь в эфире?

- Да, конечно! Есть зовущие?

- Есть, но пока еще не много. Надо ходить по диапазонам, ловить проход. Рановато еще до вечернего прохождения, но Азия и Океания зовут и сейчас.

Я сажусь за столик, начинается моя «вахта». Ну, кому надо QSO в телеграфе?.. 4W0VB/p QRZ!

Субботний вечер

Все принялись за угощение. Поднялся страшный шум и переполох. Большие птицы миглом проглотили свои цукаты и начали жаловаться, что и распробовать их не успели. А у птичек поменьше цукаты застряли в горле – пришлось хлопать их по спине. Наконец, все поели, уселись опять в круг и попросили Мышь рассказать им еще что-нибудь.

Льюис Кэрролл.
Алиса в Стране Чудес

Не стоит лишний раз говорить, что работа в эфире – мне в удовольствие, тем более, когда речь идет о pile-up и ты «у руля». Я не долго «разогревал» частоту, кто-то дал спот, и число зовущих резко возросло. Это чувствуется. На фоне слабых станций появляются «big-guns», - те, кто привык пробиваться со своими киловаттами... Работа захватывает, я даже иногда забываю передавать свой позывной, пока кто-нибудь, потеряв терпение и зарядив в антенну пару киловатт, громобойным сигналом пробивается сквозь толпу зовущих с вопросом – «UR CALL?»...

Все бы хорошо, но... полчаса назад до того, как я сел за ключ, Нико сообщил мне, что местные жители нас приглашают «на дегустацию ананасовой наливки», привезенной ими днем с рынка. Идея мне понравилась.

- Да, я с удовольствием. Никогда не приходилось пробовать!.. - говорю ему. - А где будет «дегустация»?

- Тут! – Нико указывает в сторону развесистого дерева, под которым лежит перевернутая вверх дном лодка и уже стоят несколько стульев, сидя на которых несколько рыбаков пока еще перебирают сеть. «Делают вид, что работают! Просто «забили» лучшие места!» – мелькает у меня шальная мысль.

Мне стоило и самому догадаться. Место идеальное. Безусловно, - здесь - под шепот вечернего прибоя! На морском песочке!! В компании своих парней!!! Где жены? Где-то там, за кустами, за пальмами. Отсюда не видно. Женщины на рыбалке не напрягаются, вот и стресс им снимать незачем! У женщин все же, как мне кажется, есть свой «клуб», свои посиделки... конечно, когда дом убран, ужин приготовлен, дети помыты и накормлены, накормлен ее господин (при желании и помыт) и нет трансляции «Шоу Опры»...

Не знаю, долго ли я в pile-up, только краем глаза замечаю, что вечеринка уже началась. А меня, как назло, в эфире не прекращают звать. Эх, значит, работаю дальше!

Вечерние посиделки. Явка почти стопроцентная. «Мужики, кто это б... привел сюда жену и детей?! Убрать немедленно!»

«...А я и говорю ей: «Чай! Только крепкий чай!..»

← Бернар культурно отдыхает...

«Пресучая та журба,
Мене изсушила,
Вона мене молодого
Из ног извалила.

Шинкарочко моя!
Насипь меду й вина,
Да щоб моя головонька
Веселенька була!

А я той журбі
Да й не поддаюся.
Ой поїду я до шинкарки,
Горілки напьюся...

– Коли ти жонатий,
То іди до дому;
А як нежонатий,
То ночуй зо мною.

Ой хто хоче меду пити –
Ходім до жидовки!
А в жидовки чорні бровки,
Високі подковки...

– Ой е в мене й жонка
И деточок двое:
Да не пригортаються,
Серденько мое!»^{*}

И юпочка рябенька,
Й сама молоденька;
Да яка-ж хороша
Яка чепуренька!

«...и крабы там вооот с такими клешнями, да как погонятся за мною!.. Мужики не дадут соврать!»

*- ...Берни, не удивительно, друг мой! Глобальное потепление приводит к истончению озонового слоя над планетой, и космическое гамма-излучение все жестче воздействует на нервную систему морских обитателей, вызывая агрессию и мутации «щипательных» органов у крабов, моллюсков и у других щипунов...
- Все так и есть, приятель! Сам видел!*

А в это время в «шэке»...

«Да ты сиди, сиди!! Ах, Вова, и почему я в тебя такой влюбленный?!»

Нико, которого когда надо, почему-то черта с два найдешь, тоже в тепленькой компании. Смотрю, что туда же присоединился и Владимир. Ну, это правильно, некрасиво бы было игнорировать приглашение! Через какое-то время Нико появляется в «шэке» и спрашивает, можно ли взять фотоаппарат? Бери! Только аккуратнее там! Ну, думаю, пусть хоть он заснимет интересные моменты «встречи без галстуков».

Во время вечеринки под открытым небом в эфире начался проход. Я лишь раз выходил к антенне, чтобы переключить диапазон. Часа через полтора-два зашел Влад. – Ну что, зовут? – А то!

Значит все в порядке, я продолжаю работать еще с час. На дворе начинает вечереть, солнце уже почти закатилось за гору, расположенную с южной стороны поселка, ее перевал охвачен ярко красным свечением от лучей ускользящего светила. Нам принесли ужин. Снова те же три женщины накрывают на стол. Для такого поселка – это обслуживание по высшему уровню!

- Костя, садись поешь, а я тебя заменю, - предлагает Владимир. – Надо найти Нико, пусть он узнает у местных, кто-нибудь едет в понедельник в Дили? Или нам надо искать другие варианты?

- О'кей. Только наш переводчик опять куда-то замылился...

- Да, его нет сейчас. Мне вообще это уже надоело – как только он нужен, его невозможно найти! Мы ему деньги платим, а он, наверное, думает, что его привезли на прогулку, еще и все оплатят... Если он так относится к своей работе, то не заплатим вообще... или только половину. Сразу начнет соображать лучше!

Мне самому не понятно, куда это временами исчезает Нико. Поселок небольшой и изолированный. Тут постараться надо, чтоб скрыться! С другой стороны, никто Нико в поселке не искал, не маленький.

Влад сменяет меня у ключа, и я подсаживаюсь к Ире за столом с ужином. На столе все то же вечернее меню, что и вчера, но только жареная рыба свежая, сегодняшнего улова. Все весьма охотно и неспешно съедается. Пока мы едим, в домик нерешительно заходит один из рыбаков с большой толстой тетрадкой, и на ломаном английском пытается что-то спросить (Нико-то нет поблизости!). Я не сразу понимаю, что он хочет. Тем более досадно, что он подходит к нам уже второй раз. В первый раз, днем, с ним разговаривал Влад. Речь шла то ли о «презентации», то ли о «регистрации»... Черт его знает, что надо этому парню? Неужели мы где-то еще должны регистрироваться? Прямо как в Москве! Ну нет, ерунда какая-то... Здесь же строится демократия, свободная страна! Из обрывков слов и фраз мне представилась такая картина: нам необходимо оставить в каком-то официальном журнале запись о нашем пребывании, указать кто мы и зачем здесь... Ладно, завтра разберемся.

- ОК, got it! Но давай перенесем, может, на завтра? – говорю я парню с тетрадкой. – Мы еще ужинаем, да и завтра мысли будут свежее.

Парень удовлетворенно кивает и доброжелательно улыбается. Ну, вот и хорошо. Напишу ему завтра что-нибудь. Оставляю, так сказать, след в истории Акрема. Ну, правда, наше явление в поселок, без преувеличения, событие неординарное.

- Кстати, нас приглашают завтра на воскресную службу в церковь, - сообщает Ира.

- Нас?! Завтра?! Пригласили?! – мне все больше тут нравится, особенно, когда находишься в качестве почетного гостя. Я никогда до этого не был на службе в церкви.

- Да. Бернар сказал, что завтра утром за нами зайдет.

Надо не проспать, и побриться бы надо. Я беру бритву и иду к морю. Прогулка по вечернему пляжу добавляет ощущение сказки, какой-то нереальности происходящего. Как можно прожить жизнь, и не увидеть всего этого – крабиков, разбегающихся от звука шагов по мокрому песку, скал, рассыпавших камни вдоль всего побережья, не ощутить на лице дуновение легкого теплого экваториального бриза?! Но в том-то и дело, пока ходишь где-то по замкнутому кругу: работа-дом-магазин с небольшими вариациями, обусловленными... сдачей квартального отчета, переходом на летнее время, сменой лунных фаз или еще черт и чем, ничего такого не чувствуешь и не помышляешь. Накормленная собака, сидящая на цепи, не мечтает о свободе. Это чувство утрачивается с годами. В конце концов, она чувствует себя счастливой и на цепи... пусть даже будучи стерилизованной еще щенком, но сытой и с современным ошейником-антисептиком на холке, со знанием команд «лежать-бежать», и, что очень помогает по жизни, умением вовремя принести тапочки хозяину...

Я возвращаюсь к домику практически уже в сумерках, и сажусь на стул за спиной Владимира. За посудой пришли две женщины – молодая тиморийка и женщина постарше, годящаяся первой в матери.

- Bon tardes! – здороваюсь я с обеими.

Мне отвечают на приветствие. Женщины подходят к столику и собирают грязную посуду. Если хочешь познакомиться – это как раз тот момент, решаю я.

- Señora, podía ayudo te? (*исп.* - Я вам могу помочь, сеньора?) – спрашиваю я у стоящей ближе ко мне девушки.

Обе женщины на мгновение замирают, их взгляды устремляются на меня. Не поняли... Одна что-то спрашивает у другой. Не удивительно – это был испанский. В разговорной речи я нахожу похожие слова из этого языка, поэтому еще раз: «Señora, podía ayudo te?», - и показываю на оставшуюся на столе посуду. Уже стало очевидно, что двоим унести всю посуду будет весьма неудобно. Эх, сюда бы разговорник тетун-английский, у Нико был такой в Эрмере... Но его нет, и я демонстрирую вопрос действиями – встаю и собираю со стола третью кучку посуды. Сейчас поймут!

Поняли... и стали весело друг с другом переговариваться. Все взяли тарелки, я свою кучку, женщины – свои, и все трое двинулись в поселок. Идти всего ничего. Впереди показался дом Бернара.

- Ito naran sa? (*тетун* - Как тебя зовут?) – спрашиваю я рядом идущую девушку с посудой. Это единственная фраза, что мне запомнилась после беглого просмотра разговорника тетуна.

Девушка повернула голову в мою сторону, в глазах ее сверкнул едва заметный огонек. *На этот раз ты все поняла, не так ли?* Тиморийка едва уловимо улыбнулась и, слегка ускорив шаг, быстро догнала старшую спутницу, шедшую впереди нас. Они о чем-то перекинулись парой фраз между собой... и вот мы уже заходим на женскую территорию дома – на кухню. Посуду ставим на столик. Я дело сделал, а ответа так и нет...

- Señorita, ito naran sa?

Тут уже девушка не сдерживается и улыбается ослепительной улыбкой. Улыбку тут же прикрывает рукой – стесняется, и скрывается где-то на кухне... У меня на лице легкое разочарование.

- Isa! – произносит женщина, шедшая с нами и наблюдавшая эту сценку. – Isa, – повторяет она.

Я понял – Иса, Исабель значит.

– Es nombre bonito! (исп. – Красивое имя!) Y señorita esta bonita tambien!

У меня нет сомнения, что девушка эта – чья-то жена, а может, и мать одного из ребятшек, которые вертелись днем у «мужского клуба». Нет сомнения, потому что довольно привлекательные девушки (какой она, безусловно, и является), в ее возрасте и при условии «правильного» женского воспитания недолго пребывают в неопределенности. А все, что мне хотелось увидеть: реакцию на свой вопрос, и что за ним последует. Но... диалога не вышло. Может, и воспитание не позволяет ей общаться с незнакомым мужчиной. Акрема – это закрытое сообщество, здесь нельзя делать маленьких глупостей, если вы понимаете, о чем я. Чем не аргумент, чтобы уйти в тень кухонных горшков?

Медленно возвращаюсь к домику у моря. Уже стемнело. Влад обрабатывает pile-up. Нико уже «проявился», от нечего делать сидит на стуле и слушает музыку по mp3-плееру. На деревянном ящике у входа в дом, поджав ноги в позе младенца и отвернувшись лицом к морю, спит местный житель. Уж не его ли своим приездом мы «потеснили» из домика? Да ну, тьфу-тьфу-тьфу, что за мысли?! Просто кому-то нравится свежий воздух (абсолютно не холодно так спать!), вот и все! (Даже и мысли нет, что это, возможно, первый бомж, замеченный нами на Тиморе).

- Костя, я, наверное, сам посижу этой ночью в эфире, - говорит Влад, прервавшись на то, чтоб переключить антенну на другой диапазон.

- Спать не хочешь?

- Да, вроде, днем выспался. Если ничего не будет, выключусь и тоже посплю.

- O'key.

Какое-то время я еще сижу и слушаю, как Влад работает микрофоном. Нико, размяв пальцы на кнопках плеера, положил его на столик и воткнул подзарядку, взял одеяло из соседней комнаты и ушел спать вне дома. Он расстелил одеяло сразу за домом на песке, лег на него, укрывшись еще чем-то сверху, и затих. *Радикально!*

- Костя, а почему бы тебе не лечь прямо у моря? Бери мешок и ложись на свежем воздухе! Так же лучше! – советует Влад, когда я собираюсь уже ложиться в комнатке за стенкой. – К тому же, там, - кивает в сторону спальни, - есть клопы. Меня днем кусали!

- Клопы?! А я прошлой ночью вырубился и ничего не заметил... Ладно, пойду на пляж.

Вот и мешок пригодился. Я бесшумно прохожу мимо Нико, он спит в паре метров от тропы. Рядом с ним на песке прилег еще кто-то, еще один местный любитель «романтики»...

Я немного прошел вдоль берега в сторону, метров сорок от выхода к морю. Вода находится на нижнем уровне – отлив. Выбираю ровный и сухой участок песка. До воды метров восемь-десять. Отлично. Даже в прилив вода сюда не дойдет. Обтрушиваю ноги и забираюсь в мешок. Чертовски комфортно! Сухой песок поддается и распределяется по фигуре. Лучше, чем спать на циновке в доме. И почему я не расположился на пляже в

прошлую ночь?.. Ничто не тревожит больше мои мысли. Тиха экваториальная ночь. Я еще немного смотрю на море, в воде которого тусклым светом отражается луна. Надо мной удивительное звездное небо с миллионами рассыпанных звезд, ярких и едва различимых. Такого неба не увидишь в городе. Такое небо боится света, боится огней цивилизации. Под таким небом мысли только о вечном, о величии окружающего тебя мира. Мысли тяжело удержать в столь поздний час, я отпускаю их, и незаметно для меня реальность переходит в сон.

Воскресная служба

Наконец Мышь, к которой все относились с почтением, закричала:

- Садитесь, все садитесь и слушайте. Вы у меня вмиг высохнете!

Все послушно уселись в круг, а Мышь стала посередине. Алиса не отрывала от нее глаз – она знала, что если тут же не высохнет, ей грозит сильная простуда.

- Гхе-гхе! – откашлялась с важным видом Мышь. – Все готовы? Тогда начнем. Это вас мигом высушит! Тишина!

Льюис Кэрролл.
Алиса в Стране Чудес

- Костиа-а-а! Костиа-а-а!

Я проснулся от голоса Нико, он стоит в метрах тридцати от меня и орет на весь пляж. А пройти чуть-чуть слабо?

- Да здесь я! – кто-то уже, кажется, выпался.

Солнце только всходило. Яркий диск светила висел над самым горизонтом. Теплые лучи солнца играли на воде и слепили глаза. Я зажмурился и привстал на локтях. Чувствую, что лицо загорело, и солнечные ванны, сейчас не уместны, пожалуй.

- Нико, я тут.

Наш спутник подбежал ко мне и сообщил, что Влад меня спрашивает. ОК, сейчас приду!

Еще минутку лежу в мешке. Какое чудесное утро. Погода ясная и безветренная, температура оптимальная, не знобит и жары нет. Встаю, сматываю мешок и следую к домику. Влад за трансивером: «Посидишь?» - Дай еще пару минут, я схожу умоюсь. После взбадривающих процедур я снова в эфире. Влад говорит, что ночью прохода почти не было, и он на несколько часов отключался. Вот-вот, и я почувствовал, что в горах ночью было чуточку веселее на диапазонах. Я работаю в европейском pile-up. На очереди – прохождение на Америку. Обычно Европа умолкает, и через полчаса - час начинают идти Штаты. Нам приносят завтрак. Пока я за ключом, наша компания рассаживается за столиком и делит блюда поровну. Бернар приходит с женщинами, принесшими еду, и напоминает о приглашении на службу в церковь. Сегодня он одет в штаны и светлую рубашку – не похоже, что он собирается сегодня где-либо работать... Вообще, традиции чтут, и раз Бог на седьмой день устроил себе отдых, то почему бы и смертным не последовать Его примеру?! Конечно, предварительно помолившись и очистившись.

Бернар уходит, а ребята наслаждаются завтраком. Сегодня как-то рано принесли... или просто кажется? Влад поел и предлагает смениться за трансивером.

- Вов, похоже, нам скоро идти на службу сам знаешь куда.

- Ой, не нравится мне ЭТО. Сегодня практически последний шанс отработать в американском pile-up. И он начнется как раз минут через сорок... Я не пойду!

- Да что ты! Нас же пригласили! Очень некрасиво будет, если мы явимся не полным составом. Давай, пойдем!

Влад нахмурился, в душе идет борьба «за» и «против». Он ничего не отвечает, садится за столик и устанавливает свой ключ в работу. Пока я ем, он работает. Завтрак съеден. Что одеть? Я не брал с собой никаких вещей, кроме запасного комплекта «бомжа» и плавок. Основной «комплект» сейчас на мне – это безразмерные шорты и выцветшая рубашка. Достоинства этого одеяния – оно быстро сохнет и просторно. Одежда для цивилизации осталась у офицеров в доме. Надо сказать, что никто ничего не брал для «выхода в свет». Так даже лучше – раз выбора нет, нечего и заморачиваться! Беру с собой только фотоаппарат. На крыльце дома снова появляется Бернар. Он снова нас зовет – служба уже началась! Его повторный приход, похоже, и послужил решающим толчком, последним камешком, перевесившим чашу весов в пользу выбора «идти». Ира также подключилась и просит Влада оторваться, и пойти всем вместе. Есть украинская пословица – *«Гуртом і батька легше бити»* (дословно - *«Когда все вместе – отцу не поздоровится»*) - да, такие вот аллегории из семейной жизни). Чашу весов склонили в нужную сторону, Влад принимает правильное решение (а как же иначе?), неохотно гасит трансивер и встает со стула: «Ну, пошли!» Да... Штаты этим утром «в пролете»... Что ж, попробуем компенсировать в другие часы и, особенно завтра утром.

Нас проводит Бернар. Дорога мне уже знакома. На подходе к церкви слышна речь, усиленная динамиками. Бернар поднимается по невысоким ступенькам и открывает перед нами двери. Мы проходим вовнутрь.

Мне открывается просторный зал, пол в котором покрыт красной плиткой с натертой до блеска поверхностью. В плитке, почти как в зеркале, отражаются окна и интерьер зала. Половина площади занимают скамьи, стоящие в три ряда по, приблизительно, восемь скамей в каждом. Мы входим с тыльной стороны зала. С нашим приходом служба не прерывается, прихожане, кажется, не обращают на нас внимания. Бернар, закрыв входную дверь, проводит нас... на почетную вторую скамью в среднем ряду. Скамья свободна. Сидевший на скамье старик тут же покинул ее, переместившись на боковой ряд. Первая скамья, перед нами, также свободна. Почти свободна. На ней сбоку сидит мужчина преклонных лет в помятом костюме, сидит и внемлет, он полностью отдался действию, происходящему на службе. Все (четверо) мы садимся на скамью. Бернар куда-то исчез, он здесь, в храме, но сел отдельно.

Осматриваюсь. Состояние помещения – идеальное. Храм украшен цветами, искусственными. Возможно, есть и живые цветы, они далеко от меня, чтобы сказать наверняка. Иконостаса нет. Икон или образов святых не замечаю, что очень меня удивляет. Если убрать большой, под два с половиной метра, крест на противоположной стене, над которым надпись «JESUS», а по левую и правую стороны начертаны символы «А» и «Ω», если спрятать невысокую кафедру с деревянным крестом на лицевой стороне и убрать

вещающую с кафедры прихожанку... все будет очень похоже на концерт в сельском клубе. И вот почему.

В углах помещения храма стоят два мощных динамика, и все, сказанное мощными децибелами, отдается в ушах присутствующих. Что-то прослушать невозможно. Чтобы народ не засыпал (*отличный ход!*) проповедь прерывается частыми музыкальными проигрышами «на всю катушку», а сама речь звучит под фон легкой мелодии. За музыку отвечает Ди-Джей, регулирующий звук «фанеры». Но не подумайте, фоновая музыка сама собой, а живой звук никто не отменял! По левую сторону от нас, у стены, на отдельной лавочке расположился церковный хор в количестве трех человек. Три человека, и для них три микрофона, и при них три книжечки с необходимыми на сегодня текстами псалмов. Хор - это два парня, одетые весьма опрятно и при галстуках (!), и девушка между ними. Когда приходит время спеть, - встают, когда время проповеди, можно сесть и послушать пастора.

Но и это еще не все. Мог ли я подумать, что в удаленном изолированном горами и морем поселке, есть японская музыкальная аппаратура от «Yamaha»?! А ведь есть! (*Не вдовесок ли к лодочным моторам от той же компании куплена техника?*) Музыкальный инструмент похож на клавесин... За ним сидит ... ну уж точно не рыбак – Творец божественных звуков! Музыкант! – так условно назову его, – и жмет клавиши на инструменте. И таких инструментов аж целых три. Часть зала, где расположилась музыкальная труппа, - клирос, - уставлена инструментами, небольшими динамиками, микрофонами на стойках и без, и обвита цветными проводами. Люди за инструментами жмут клавиши, двигают какие-то рычажки на панелях «Ямах», и включают фонограмму при необходимости. Я понял, без них никак, без музыки будет пресновато. А с музыкой – ну просто вынос мозга! И концерт, и проповедь в одном флаконе!

В помещении много людей. Все места позади нас заняты. Я подозреваю, что собирается здесь практически весь поселок. Мужчины и женщины, приблизительно в равном числе, сидят позади нас. Парадная дверь в церковь открыта, поэтому не душно в храме.

Все, что происходит передо мной, прекрасно видно. А что там, за мной? Но вот, всегда так, – когда хочется почесаться – нельзя, когда обменяться мнением – необходимо хранить молчание. А мне просто необходимо посмотреть на лица людей, сидящих за спиной! Включаю видео и медленно начинаю вести объективом камеры по залу. Так, вот передо мной слева сидят «соловьи» церковного хора. Трио внимательно слушает проповедь, в нашу сторону почти не косятся... За кафедрой выступает женщина – говорит спокойно и, кажется, даже назидательно. Ее речь изобилует многими цитатами из Писания, и публика, время от времени, по неведомой мне команде (из-за языковых трудностей) открывает свои Библии, прихожане глазами отслеживают цитату. Затем речь прерывается для небольшого музыкального проигрыша. Стоп музыка – и снова слово ведущей.

Я медленно оборачиваюсь, продолжая снимать. На что сразу обращаю внимание – странная рассадка прихожан: мужчины и женщины разделились приблизительно на равные половины. Женщины сидят только с женщинами или с детьми юного возраста. Все, – сморщенные старухи, женщины с детьми или ожидающие прибавления (и такие тут есть), девушки школьного возраста или познавшие недавно счастье семейных уз, цветущие или усыхающие, - все одеты презентабельно. В конце зала, на скамьях у торцевой стены, сидят несколько женщин с грудными детьми или с чадами чуть постарше, которые в виду своего юного возраста не могут долго усидеть на одном месте. В той части зала что-то двигается,

что-то копошится, ползает по ногам или, наоборот, просится на руки. Из той дальней части зала постоянно доносятся детские голоса и приглушенные материнские наставления, типа «не лезь», «не тяни», «вот-я-тебе-покажу-негодник-этакий!»... Пока я зуммирую на камеру лица прихожан в зале, какое-то дитя несмышленное разошлось не на шутку, оглушив воплями публику на задних скамьях. Мама не растерялась! Наш человек! Приняла самое естественное решение. Молодая женщина тут же расстегнула платье, и сдвинув с плеча свое одеяние, приложила к открывшейся груди малыша. Естественно, крики смолкли. Женщина встала со скамьи и, легонько покачивая на руках кроху, занятую «делом», стала прохаживаться у стены, продолжая слушать речь. Вот как доклад надо готовить!

С кафедры продолжает вещать «провидица», я отвернулся от нее, как непослушный школяр от учителя, и снимаю прихожан. Женщины внимательно слушают. На их лицах не заметно скуки. Даже те, что сидят прямо за мной, и перед которыми я сейчас вожу камерой, кажется, не обращают на меня никакого внимания. Даже девочка лет шести-семи, сидящая на скамье за нами рядом с мамой, смотрит мимо меня в центр зала. Ну ладно. Не буду испытывать выдержку.

Тем временем ораторша прервала длинную череду наставительной речи, цитат и коротких музыкальных па. Режиссеры у пульта сдвинули рычажки, выкрутили звук на максимум, а хор поднялся со скамьи. «А-а-а-лелу-у-я-я! А-а-а-лелу-у-я-я! Гло-о-ория-я-я Памаро-о-ома!» - запело трио («Алелуя! Слава Господу!») Музыканты за клавиесинами интенсивно перебирают клавиши инструмента, возникший было фон наводки от микрофона быстро подавляется. «Глория Памарома!» - подхватила ораторша с кафедры. Эту же мантру (Алелуя! Глория Памарома!) капелла задорно выводит на распев в течение минуты. Строгая сконцентрированная дама передала микрофон высокому парню, вышедшему откуда-то на сцену... то есть в центр зала. Новый персонаж действия уверенно принимает эстафету, и подхватывает сокровенные слова... Парень – стройный, даже худощавый, настолько, что штаны, кажется, удерживаются в положенном им месте не только благодаря брючному ремню, но и какому-то большому чуду; он в красной рубашке и золотистом галстуке под цвет то ли солнца, то ли микрофона. Важность лицу придает миниатюрная борода как у «Железного Феликса», только немного пожиже. «Артист» принял микрофон от женщины-богослова, но за кафедру не идет. О, да! Он не речь держать собрался. Это солист, юное

Сольное выступление в протестантском храме.
Акрема, Атауро.

дарование! Певец, правда, церковный, но, увидев его на улице, об этом бы и не подумал. Одет он вполне светски. Парень вытащил листок со словами. Сказал что-то коротко от себя. Этот малый явно слабый оратор, речи толкать не его конек: снова заиграла музыка, и он запел. Иногда подсматривает в бумажку, – значит, сочинил не сам! Песня про Иисуса. Поет парень, старается. Что забыл, – в бумажку смотрит. Слова не сложные, текст течет плавно, почти по слогам, без тональных переходов. К концу пятиминутной песни мне уже кажется, что я вот-вот выучу припев: «Дёна ма пакуда патнум бала с ка

си ду, усым ба ка Йесус - сера маньяа...»

Парень поет перед небольшим журнальным столиком. Но только не пресса лежит на столике. Со своего места мне тяжело понять, что же я вижу. Похоже на две пластиковые коробки, в подобной таре у нас торты продают в магазинах. За певцом расположен высокий деревянный табурет, на котором стоит урна, размером с посылку, для пожертвований. Это не единственная емкость для взносов. Справа от нас, у окна, стоят целых три урны. На них надписи, понятные даже без перевода (есть ведь аналогии в языках!) – «Для школы», «Для инвалидов (нетрудоспособных)», «На больницу». Стало быть, в центре зала урна «На нужды прихода» или что-то в этом роде. К ящику пристроен лист бумаги, на котором что-то написано. По его местоположению становится понятно, что это «главный» банкнотоприемник: работает просто – купюры вставлять вот в эту щель, и отходить, не толпиться. Все настоящие блага ведь не материальные! Пока же оставим речи о ящике в стороне, мы сидим и наслаждаемся пением самородка из Акрема. Не знаю, какое должно быть лицо у наслаждающихся: «за подсказкой» я покосился на Влада. По выражению его лица прочесть ничего не удалось (*где ты, Вова?..*) Влад смотрит перед собой без всяких эмоций.

Парень с микрофоном выложился по полной. Мне самому захотелось подхватить незнакомые слова. Ораторша, женщина ростом не более 155–160 сантиметров, севшая было на скамью в зале и затерявшаяся среди прихожан, снова вскочила и пошла к кафедре. Да, за кафедрой и с микрофоном она смотрится гораздо значительнее. А если еще и речь стоящая...

Проповедь устами женщины – это сильно!
Акрема, Атауро.

Внешне неприметная, но сильная в слове, докладчица уверенно приняла обратно микрофон у «Орфея», поблагодарила за прекрасное исполнение (*иди – слова учи!*) и снова взобралась на излюбленное место. Кафедра стоит на помосте, и дама за кафедрой выглядит уже как спикер в парламенте, это, практически, уже не дама, а «Заведующая кафедрой», а еще и микрофон в руке... И говорит «Оракул из Акрема» уверенно, от себя, от сердца. Не смотрит она в бумажки, а только прибегает к цитатам из Святого Письма. Женщина продолжает монолог, прерванный на музыкальную паузу. «Ну, пошла скукотища...» - думаю я в начале ее тирады. Хотя речей ее мне не понять, что-

то меня начинает настораживать... или притягивать к ее словам. Ораторша оперлась локтем о полку на кафедре и, не мигая, смотрит в зал, и мне даже кажется – смотрит на нашу компанию. Если слова ее поначалу звучали тихо и спокойно, то спустя пару минут ее голос начинает звучать все звонче и звонче, речь набирает обороты, как диск циркулярки, с пронзительным визгом вгрызающийся в древесину. В речевом потоке мелькают слова «эстранхерос», «игреха»... Первое в испанском означает «иностранцы», второе на тетуне – «церковь». «Paroma!.. Jesus!.. Igreja!..» - все не успокаивается «врачеватель душ людских». Тетка разошлась не на шутку, ей уже и микрофона не нужно, его можно отключить. Вот только ее отключить сейчас никому не под силу! Эмоциональный подъем речи достигает

своей кульминации, она почти кричит, вещает в каком-то нервном порыве, и незнакомые слова отдаются в моем сердце уже как «Иностранцы – грешны!! Иностранцы – грешны!!!» И при этом, этот «Иоанн Златоуст» в юбке смотрит в нашу сторону, не моргая, произносит весьма увесистые в эмоциональном плане фразы, четко чеканя слова и подавляя сверлящим взглядом. Докладчица даже в лице поменялась, – наверное, такой в преклонном возрасте могла быть Орлеанская Дева, если бы с ней не обошлись так жестоко... «Сейчас будут бить...» - мелькнула у меня шутливая мысль. Но в тот момент тирады, когда, казалось, стоит выкрикнуть что-то вроде: «Хватай этих безбожников! На кол! На кол тащи этих собак!..», и зал кинется к нашей лавке в безумном припадке религиозного фанатизма... речь неожиданно сбавила обороты, с уст докладчицы слетело еще пара фраз и... финиш! Несколько секунд полное молчание. Сила! Я потрясен! Я ничего не понял, но подобные речи не оставляют равнодушным! «Мастер слова» сошла с кафедры, и снова стала обыкновенной женщиной с аккуратно подобранными в узел волосами на затылке, ничем не выделяющаяся в одежде.

Выдержав небольшую паузу, проповедница обратилась к прихожанам. На этот раз мы все поняли, о чем идет речь. Встала мужская половина зала, и тут же выстроилась очередь к «главной» урне, находящейся напротив нас в центре зала. Взносы! Любая партия существует за счет взносов своих членов, и церковь не исключение.

- Костя, у тебя какие-нибудь деньги есть с собой? – спрашивает Влад, когда очередь из мужчин выстроилась в проходе, и они медленно продвигаются к урне мимо нашей лавки.

- Ничего не брал. Я не думал, что тут... - я многозначительно кивнул в сторону очереди.

- И у меня нет ничего. Плохо, ну ладно, переживем.

- Я брал на остров деньги, но зачем мне таскать их по улице?! Блин, неудобно как выходит...

Быстро выясняется, что мы все четверо совсем без денег. Бросив денежки в ящик, верующие возвращаются на свои места. Наступает черед женщин. Встали в очередь абсолютно все присутствующие. Очередь в проходе, но уже с другой стороны нашей лавки. Мы сидим, краснеем... или не краснеем, но испытываем ощущения, далекие от приятных. Надеюсь, народ не подумал, что мы пожадничали?! Эх, диковинное это зрелище, смотреть, как люди делают благотворительные взносы, – весело, радостно, под музыку, стоя в очереди по одному. Включаю камеру на видеозапись.

В одной очереди и стар и млад, но стиль в одежде одинаков почти у всех – длинная цветастая легкая юбка и рубаша или блуза ярких расцветок: розовые, малиновые, зеленоватые оттенки. Женщины бросают в ящик пожертвование, и тут же возвращаются на место. Некоторые отходят еще к урнам, стоящим у стены, и делают пожертвования по другим направлениям. Основная масса средств, конечно, идет в центральную копилку. Это ведь церковь (куда еще пойти на острове?). Храм не должен быть в упадке.

Женщина с микрофоном снова что-то зашебетала, но уже не программную речь о борьбе добра со злом, не пафосно, а, скорее, таким отработанным голосом, как профессиональный диктор новостей выдает что-то вроде: «Ну а теперь перейдем к другим событиям... В Палестине снова неспокойно... На пляжах Лазурного берега французы снова изнывают от необычайно высокой температуры для этого времени года... У фермеров республики Коми - рекордный урожай свеклы...»

...И тут моя камера «вырубается», не зарядил батарейки вчера, ну что за напасть! А вот и артист снова на сцене. Вышел тот же парень и спел песню. Спел вдохновенно, взгляд его, сосредоточенный поначалу на публике, как-то постепенно оторвался от сограждан и уплыл куда-то в бесконечность, поверх голов сидящих слушателей. Капелла хором подхватила припев, музыканты за инструментом делают все, чтобы паства просто утонула в океане звуков... Надо признать, все эти музыкальные вставки, все эти полиелеи под живую музыку, делают воскресную проповедь незаурядным шоу. Да и еще с такими талантами, как эта дама с микрофоно, церкви обеспечено светлое будущее на этом чистом острове.

Парень, покончив с песней, снова исчезает со сцены, и ведущая, промолвив что-то на прощание, приглашает на сцену преподобного... (*извиняюсь, не вспомню имени*). Пастор – это как раз тот самый старик в помятом костюме, кто одиноко сидит на передней скамье перед нами. Для меня удивительно, что он до сих пор отсиживался. «Заведующая кафедрой» мне начала уже казаться персоной «number one».

Старику около шестидесяти пяти, он аккуратно подстрижен, в галстук и, пожалуй, единственный, кто надел костюм в церковь. Он выходит в центр зала, достает из кармана и надевает очки, вытаскивает листок с записями, и берет микрофон. Он говорит ровно, почти без эмоций, и поскольку я не могу понять, о чем это он собственно, то речь его начинает казаться мне скучной. (Сказывается разительный контраст в стиле проповеди по сравнению с предыдущим оратором). Дедушка не торопится, видно, что он тщательно подготовился, может и целую неделю потратил, выписывая нужные цитаты из Святого Писания. Подобрать нужные места из Библии – это тоже труд, несомненно. И речь его изобилует такими цитатами. Причем читают эти цитаты все: весь зал открывает за пастором принесенные личные экземпляры Holy Bible, в зале раздается шелест страничек, но пастор терпеливо ждет несколько секунд. Затем, цитата и разъяснение. Некоторые цитаты паства произносит хором за своим пастором. Не знаю, зачем это делается, но это, должно быть, самые важные места, суть мысли, которую священник поставил себе целью донести до слушателей. Ектения продолжается минут двадцать или больше. За это время два-три раза все присутствующие одновременно встают со скамей и замирают. Это время краткой молитвы, которая произносится священником, и повторяется людьми хором. Мы тоже встаем со скамьи, – культурные традиции необходимо чтить. Во время произнесения молитвы (я опять посмотрел в зал за собой) у многих глаза закрыты, а руки скрещены на груди в смирении. Неожиданно пастор выкинул вот какой трюк. После всех этих цитат и публичных молитв к нему подошел мужчина приблизительно таких же лет, как и он сам, также аккуратно одетый и при галстук, но без пиджака (должен же чем-то пастор выделяться). Духовный отец мимоходом что-то сказал, и старик без пиджака вытащил откуда-то из-за центральной урны... еще одно мобильное средство, мобильный инвентарь для сбора пожертвований. Инвентарь представляет собой матерчатый мешочек, напоминающий чем-то пылесосный фильтр для задержания мусора. Материя закреплена за две рукоятки, которые раздвигаются в стороны, и в мешок можно закинуть хоть пачку денег. Пастор продолжает что-то говорить под легкий музыкальный фон, а вызванный из зала ктитор с портативной «урной» делает обход по залу, подходя к каждой скамье, не пропуская ни единого присутствующего.

- Вот мы попали!.. - замечает Ира, озвучивая наши не самые приятные ощущения от происходящего.

Преклонных лет помощник, обойдя женскую половину и получив дополнительные пожертвования в мешочек, подкрадывается, наконец, и к нашей скамье со стороны

Владимира. Поравнявшись с ним, обносчик урны остановился, улыбнулся и раскрыл мешочек (*если господа стесняются подойти к урне сами, то мы-таки пришли к вам лично!*) Владимир помотал головой и жестом показал – денег нет и, очевидно, не будет! Взгляд человека с мешком скользнул дальше по лавке, он посмотрел на Иру, затем на меня... Я тоже сделал жест руками, подергал за пустой карман, культурно дав понять: нет ничего, давай-иди-гуляй-досвидание! Повторять жест не пришлось, старик быстро миновал нашу компанию, не подойдя даже к Нико, сидящему у края лавки, со стороны другого прохода, и углубился в «мужскую» часть зала. Через минуту-другую мобильная урна была возвращена к столику, на котором установлена главная «копилка». Всё, средства собраны, можно и причаститься. Пастор возносит хвалы Господу за не иссякающую щедрость дающих, истинных верующих, да благословит их Всевышний! Аминь! (Бог свидетель, изречение «Запад нам поможет» еще раз показало свою несостоятельность!)

Старик в костюме подал знак своему помощнику, и они оба распечатали пластиковые коробки на столике в центре зала. Помощник снял крышку, взял одну из коробок, и, начиная с бокового ряда, начал что-то раздавать всем присутствующим. Пастор же в это время вещает под легкую приятную музыку. Мужчина с коробкой подошел к нам и дал каждому маленький кусочек хлеба, нарезанного в форме кубика три на три на три сантиметра, лежащего на тонкой бумажечке-подставке. Это просфора («тело Господне»). Важно не сплеховать по незнанию, и я слежу боковым зрением, что делают остальные. Просфору паства не запихивает в рот, ее держат в руках. Раздав всем хлеб, ктитор возвращает коробку с излишками на стол и берет другую коробку. В ней – плотно стоят друг к другу маленькие стопочки-потирки. Да, это индивидуальная тара – не используют в этой церкви (а может, и в протестантской церкви как таковой) единый потир для таинства евхаристии. Пастор держит речь, потирки расходятся по залу. Никто не прикладывается к стопочкам, не вкушает хлеба. Святой Отец молится, обратив лик свой к прихожанам. Паства хором вставляет: «Слава Господу, Аминь!» Пастор говорит еще и снова все хором – Аминь! Священник заканчивает, и зал оглашается многоголосым «Слава Иисусу! Аминь». Пастор берет в рот хлеб и пригубливает вино. Все следуют его примеру, я тоже не отстаю. *Позвольте, позвольте, - так это же не вино!!!* В стаканчике все, что угодно, только не вино, только не спиртное! Стаканчики-потирки наполнены красным сиропом, разбавленным водой. Это просто сладкая жидкость. Ну, может это и правильно, что отказались здесь от вина. Поминание Господа и алкоголь, пусть и в небольших количествах (для взрослого – в небольших, а для ребенка? Детей на службе много!), не очень-то увязывается с кровью Христовой, которую символизирует вино у православных.

Литургия на этом завершается. Громко играет музыка, поднимающая дух прихожан. Зал встает и неспешно тянется к выходу.

Встреча в тени магнолии

- Ты должна произнести благодарственную речь, - сказала Черная Королева, взглянув исподлобья на Алису.
- Мы тебя поддержим, не беспокойся, - шепнула Белая Королева. Алиса послушно встала, хоть сердце у нее и похолодело.
- Большое спасибо, - ответила она тоже шепотом, - я и сама справлюсь.
- Это будет совсем не то! - решительно заявила Черная Королева.

Льюис Кэрролл.
Алиса в Зазеркалье

- Вов, ну как тебе?

- Нормально. Вот только «окно» утреннего прохода на Штаты мы уже пропустили, - говорит Влад, взглянув на часы.

- Но ЭТО стоило увидеть!

Я уже начинаю делиться с товарищами впечатлениями от увиденного, когда к нам подходит Бернар. Он говорит, что нас просят сделать «презентацию». К нам подходят еще несколько человек, и среди них я узнаю улыбчивого «Администратора» поселка, появившегося на пляже Акрема в день нашего приезда. Здравоваемся. Да, я вспоминаю, что была обещана ему встреча при не стесняющих нас в тот момент обстоятельствах (установка антенн на позиции).

- Что сделать? - переспрашиваю я у Влада, который общается с Берни.

- Презентацию. Просят не уходить сейчас. Хотят, чтобы мы рассказали перед собравшимися о себе: кто мы, откуда мы, чем занимаемся? Короче, готовься выступать!

- Я?! У тебя же «выступление» уже накатано - сам видел это шоу в Эрмере: портфолио с красочными карточками, рассказ об объединяющем людей хобби, о важности этого дела для страны пребывания, и о благородной миссии, выпавшей на долю принимающей нас у себя в доме стороны...

- Все так... но я знаю, у тебя тоже хорошо получится. Не надо влезать в подробности - рассказывай как для детей в школе. Просто и доступно.

Я больше не спорю. Да и действительно, почему бы и не выступить?! Вся большая разноликая толпа вываливает из церкви - мужчины, женщины с детьми на руках или за руку, подростки школьного возраста. Никто и не думает расходиться! Наверное, предупреждены. Нашу компанию сопровождают Бернар, Администратор, и еще двое мужчин. Неспешно перебросившись несколькими фразами, мы следуем к развесистой магнолии у церкви. Дерево создает густую приятную тень. Сейчас магнолия цветет крупными белыми цветами. Под таким деревом и посидеть приятно. Это не только мое мнение: кто-то поставил под магнолией несколько скамей, окружающих ствол полукругом. Народ рассаживается по лавочкам, как перед началом сеанса кино в сельском клубе. Мы с сопровождающими полуофициальными лицами останавливаемся у длинной скамьи, поставленной так, чтобы сидящие на открытой площадке нас хорошо видели. Люди негромко переговариваются, дети щебечут своими звонкими голосами. Несколько пацанов постарше решили променять сеанс

презентации «миссии «пришельцев» под магнолией на веселую дворовую игру чуть в стороне от собрания. До нас доносятся звонкие голоса ребят, засидевшихся на воскресной службе, которая шла по моим ощущениям часа три.

К присутствующим обратился «Председатель». На тетуне, естественно. Он что-то говорит, и кивает при этом в нашу сторону. Мы сидим от него по левую руку. Нико сидит рядом со мной и пытается переводить речь Управляющего Акрема. Его английский шепотом мне в левое ухо почти не понятен (Нико и в полный голос понять бывает трудно), Председатель перекрикивает справа, но на другом языке. Я, однако, киваю, работаю практически на публику, которая со своих лавок наблюдает за нами: *«Да, да... понимаю.... да, да, гости с Европы... приехали с миссией... – конечно, с миссией, не меньше того!.. да, да... Пилигримы, принесли свет прогресса и в ваш поселок...»*. Влад и Ира сидят на скамейке, стоящей перпендикулярно к моей. Им никто ничего не переводит. Влад расслабился и просто наслаждается происходящим. Нико продолжает что-то журчать мне в левое ухо, а я думаю, с чего начну выступление.

Председатель говорит кратко, как для Администратора, – минут пять. Видать, нет у него опыта затяжных производственно-бытовых собраний, депутатской практики, все в поселке решается на уровне: *«Возьмешь здесь – отплывешь туда – закинешь... и выгребай»*. Краснбайства никто бы не понял среди простых людей: либо делай сам, либо веди официальные бумаги в «офисе» и не путайся тут... И скутер к месту Администратору – сказал... и побыстрей смотался.

- А теперь давайте поприветствуем наших гостей, - промолвил жизнерадостный человек с неизменной улыбкой на лице.

Председатель развернулся ко мне и радостно захлопал. Его аплодисменты подхватило все собрание. Я улыбнулся ему в ответ и встал со скамьи. – Thank you! - Все внимательно смотрят на меня. Бог ты мой, я никогда не выступал с лекцией о НАМ-radio, никогда вот так публично не представлял Украину. И именно от меня эти люди впервые услышали, что есть такая страна - Украина (про Россию, гражданами которой являются мои друзья, приходили слухи из-за моря, некоторые уже где-то слышали это неродное слово).

- Нико, переводы, пожалуйста! – я почти не волнуюсь, меня только беспокоит, насколько поверхностно стоит говорить о своем хобби, чтобы сказанное было доступно. Из опыта знаю, что люди непосвященные не понимают смысла увлечения радио, с интересом расспрашивают о том, что это вообще такое. Хобби не представлено публично(ни в прессе, ни на ТВ, не поддерживается городской администрацией...), о нем очень многие даже и не слышали. Поэтому вопросы бывают самые неожиданные... От: *«В чем же смысл?»* (самый безобидный вопрос, когда беседуешь о радиосвязи с обывателем), до еще более странного: *«Так в чем же смысл?»* (когда рассказываешь о путешествиях в экзотические страны с целью, в том числе, активации этой территории в любительском эфире). Общение с людьми из других стран, проведение радиосвязи с далеким «раем на земле», путешествие к черту на кулички, - разве это нуждается в аргументах «за» и «против»? Разве факт выхода человека в космос требует каких-либо оправданий и поиска смысла на бытовом уровне?! Нет, нет никакого смысла лететь к звездам (это не снизит цену на продукты в магазине, не увеличит надоеи молока). Движение прогресса не всегда заметно на уровне рядового гражданина, особенно, если регулярно погружать себя в телевизионные ток-шоу, читать журналы о жизни «звезд» и считать дни до зарплаты. А радио – это хобби технически грамотных людей, это

выход в свой «космос», выезд с программой «прогулки по Луне» в экзотическую страну, в свою Tierra Prometida – Землю Обетованную! Какой смысл еще нужен?

Нико встает, Председатель садится. Я начал. Представляюсь сам и представляю своих друзей: кто из какой страны, кто чем занимается. Затем, немного о стране: про Украину не слышали. Говорю, что она в Европе, по соседству с Россией (так будет понятнее хотя бы для тех, кто немного ориентируется в положении континентов и слушает международные новости). Говорю пару предложений и делаю паузу, даю возможность Нико перевести. Ничего и ожидать от него синхронного перевода – слава Богу, он, вроде, справляется, как может. Для яркости восприятия добавляю, что летел на Тимор на самолете тринадцать часов. Нико перевел, и собрание начало перешептываться. Плавню перехожу к тому, какую цель мы преследуем: мы представляем ВАШУ, слышите, люди, ВАШУ родную страну в международном эфире! Далее следует почти поэтический рассказ о том, как радио помогает сближать людей и страны, как работа по радио из страны нашего пребывания помогает другим людям узнать больше о Восточном Тиморе. Приправляю рассказ некоторыми деталями (в результате радиосвязи люди обмениваются карточками, на которых изображены фото той страны, где находится радиостанция...) Виды работы в эфире – называю основные. Отдельно выделяю, что радиосвязь – это НЕ интернет! Что все, что нам нужно, это передатчик и простые антенны, которые все могут увидеть на пляже, «а некоторые из вас помогали даже их устанавливать!» Меня всегда спрашивают те, кто слышит о радио впервые: «А о чем вы «переговариваетесь» во время «контакта»? Не упускаю этого момента, интересующего обывателя, и докладываю, что говорить можно, практически, обо всем, затрагивать все темы, кроме секса, политики и бизнеса.

- Но... число желающих сделать «контакт» с нами очень велико, - продолжаю я повествование, - и, чтобы связались с нами все страждущие, мы делимся минимумом информации во время «контакта». Всю желаемую информацию мы дадим в интернете, разместим там фото с поездки, расскажем в личных встречах о прекрасных людях, которых нам посчастливилось встретить здесь, о культуре вашей страны и обычаях... Поэтому наша цель – максимум «радио-контактов»....

Я выбираю доступные слова, хотя бы для того, чтобы Нико, сам недавно услышавший о радиосвязи, и даже увидевший впервые работу за трансивером через проем двери в спальню в Эрмере, чтобы он смог хоть что-то вразумительное перевести землякам.

- Мы на Восточном Тиморе около четырех недель и уже сделали около пятнадцати тысяч таких «контактов», - добавляю я мимоходом. – «Контактеры» находятся на всех континентах планеты!

Нико перевел, и по скамьям пробежал легкий гул. «Люди переваривают цифру», - делаю я вывод. Я рассказываю еще о чем-то... Мой монолог, прерываемый лишь необходимыми включениями переводчика, длится минут двадцать - тридцать.

- Ну, что, вопросы есть? – обращаюсь я к публике. – Не стесняйтесь!

После небольшой заминки кто-то поднял руку.

- Прощу!

С лавочки поднялся мужчина средних лет.

- Повторите, пожалуйста, еще раз, как вас зовут? – задает он неожиданный вопрос.

Зря я назвал официальный, полным именем. «Константин» многие даже выговорить не могут с первого раза.

- Друзья меня зовут «Костя». К-о-с-т-и-а, - растягиваю я буквы, чтобы незнакомое имя лучше запомнилось. – Так обращаются неформально, друзья.

- А еще раз скажите, с какой вы страны прилетели? – задает вопрос тот же мужчина.

- Ukraine! U-k-r-a-i-n-e! Got it? – мужчина кивает, он старается запомнить впервые услышанное название страны. – It's neighbour to Russia! – подсказываю я ему.

- Oh, Russia... - представитель Акрема, наконец, услышал что-то знакомое и удовлетворенно кивает.

Да какая там «Раши»! Ну, ладно, все равно не запомнит... думаю я с досадой. Вопросы на этом иссякли. Я присаживаюсь, Администратор снова встает и еще несколько минут что-то говорит собравшимся. Люди смотрят то на бойко говорящего человека, то в нашу сторону. Прозвучали финальные слова, все начинают подниматься с лавочек, а мы благодарим Бернара и людей, подошедших к нам, за теплый прием. На этом – все. Женщины лениво поднимаются с лавок, мужчины также домой не спешат. А куда спешить – вот они, дома, начинаются уже в паре десятков метров от магнолии.

Цветы магнолии

Маленькие открытия

*Ежик все бормотал и пришептывал, лежа рядом в траве.
– Послушай, Ежик, – сказал Медвежонок, – зачем нам эта лягушка, а? Пойдем, наберем грибков, зажарим! А я для тебя яблочко припас.
– Нет, – не открывая глаз, сказал Ежик. – Она запоет.
– Ну и запоет. Толку-то?
– Эх ты! – сказал Ежик. – Грибки! Яблочки!.. Если б ты только знал, какие это – звуки и голоса!*

Сергей Козлов.
Ежик в тумане

Влад спрашивает Бернара, идущего рядом с нами, не едет ли кто завтра из поселка в Дили? Нам нужна лодка назавтра. Ответ его не внушает оптимизма: в понедельник никто, обычно, не ездит на большую землю... но он еще поинтересуется у земляков.

- А знаешь, вечером в церковь придет один рыбак из соседнего поселка на вечернюю службу. У него надо спросить, может быть, он и поможет, - подсказывает Бернар.

Нам называют имя рыбака.

- Нико, мы вечером вдвоем ходим к церкви, – предупреждает Влад. – Нам до завтра нужно найти лодку.

Нико кивает, мы сворачиваем на тропу к пляжу и идем к «шэку». Наступил жаркий воскресный полдень. В воскресенье настоящие христиане не работают ни под каким

Наслаждаться временем – это даже вот так просто спать на тахте в воскресный полдень в тени навеса из пальмовых листьев. Домик на окраине поселка. На заднем плане – склон скалы, покрытый сочной зеленью. Акрема, Атауро.

предлогом. У перевернутой лодки в тени дерева не видно рыбаков, перебирающих сеть, никто не собирается в море. Исключение, пожалуй, женский труд на кухне. Но ведь есть хочется всегда, поэтому небольшое отступление от правила церковь допускает.

Влад заводит генератор и включает трансивер: для очистки совести необходимо пробежаться по диапазонам, проверить прохождение. Пока он делает попытки собрать pile-up, нам приносят кофе с печеньями. Как мило! Допив чашечку взбадривающего напитка, я выхожу из домика.

- А не пройтись ли по поселку еще разок? - предлагаю я Ире, тоже ищущей, чем бы заняться.

- Идем!

Поселок выглядит пустынно. Даже свиньи перестали хрюкать, а дети, которых, впрочем, не так и много в сравнении с Эрмерой, умолкли. Проходя мимо жилищ рыбаков, замечаем немало отдыхающих людей. Правильнее сказать, наслаждающихся временем. Многие сидят на лавочках у стены своего жилища и беседуют, другие спят на этих же лавочках или в тени навеса на тахте из прутьев под шелест пальмовых листьев и сохнувшего на веревке белья.

Семья служителей Храма Господнего

словно старается, чтобы звук печатной машинки не потревожил сон поселка, не навлек гнева праведного Всевидящего за работу в воскресенье. Впрочем, может это набросок вечерней проповеди? Слово Божие имеет немалую силу в устах талантливого оратора, о чем я мог убедиться утром, слушая проповедь удивительной женщины в красном... Бог ты мой! Жена ктитора!.. Да это же... «Заведующая кафедрой»! Женщина-огонь, запомнившаяся мне пламенной речью на утренней, - она сидит на низеньком стульчике прямо на пороге жилища и что-то рассказывает мужу под удары молоточков механической машинки. Я остановился и сделал снимок на память.

Все же не все поддаются почти сакральному единению с природой и следуют плавному течению времени. Следуя размеренным шагом по дороге, ведущей к церкви, из дома у обочины мы слышим уже знакомые звуки печатной машинки. Что же это, кто-то работает?

Поравнявшись с домиком, становится понятно, что церковь работает и в выходной. Перед нами возле крыльца своего дома сидит на стульчике и одним пальцем набирает какой-то текст на печатной машинке помощник пастора (так, во всяком случае, я воспринял этого человека, собиравшего пожертвования в церкви и раздававшего просфору). «Бух, бух, тах-тах-тах, бух...» Неспешно так набирает текст,

Пройдя в конец поселка и обогнув его вдоль скалы, мы выходим к обширному пляжу. Такой большой чистый пляж и никого поблизости! Ради этого стоило сюда приехать.

Разделка кокоса...

...с этим справляется даже девочка!

Свернув с пляжа на знакомую тропу, подходим к нашему домику. В доме один Влад, работает в эфире. Работа микрофоном. Я присаживаюсь на стул и слушаю. Работа с местными станциями – Япония, Австралия... День довольно жаркий, я выхожу на крыльцо, и ко мне подходит парень лет сорока: «Кокосов будете?» - Не откажусь, - отвечаю я на неожиданное предложение. Как раз пить хочется. Парень, поняв наши потребности, тут же уходит в поселок. Через пять минут он возвращается с шестью кокосами и кидает их у стены домика. Он вытаскивает катану из-за пояса и с легкостью профессионала «раздевает» орех у торцов. В стороны летят только зеленые щепки. Первый готов! Я передаю орех Ире, второй беру себе, оставив кофе в сторону. Молочко выплескивается из скорлупы и увлажняет зеленую кожуру ореха. Какая прелесть! Поешь риса, запьешь кокосовым молочком с мякотью и можно не есть до вечера – не хочется.

* * *

Медленно накатывается вечер. Еще солнце не скрылось за высокой скалой у края поселка, но невысокие деревья (пляжные сосны), растущие вдоль берега, уже отбрасывают длинные тени. Нико полез к себе в сумку и достал одеколон. Я не сразу понял, что это такое, но когда он, обмакнув ладонь, протер пахучей жидкостью плечи, шею и даже жесткие, слегка вьющиеся волосы, я поинтересовался: к чему весь этот вечерний маскарад? - На свиданку что ли собрался? - Нико не хочется признаваться в чем-то таком, еще неопределенном, чтобы (тьфу-тьфу) не сглазить. – Нет, я на вечернюю службу иду в церковь, - сообщает он. *Ой, ой, мы вдруг стали «праведным» христианином!* Хулиганистый Нико и смиренность церковной проповеди как-то не очень стыкуются в моем сознании. А тем более, этот «афродизиак», этот «Эйс» - возбудитель женских сердец, от запаха которого «даже ангелы теряют крылья» и

которым Нико только что обильно полил себя, - это говорит о несколько иных намерениях... Нико достал из рюкзака расческу и начал рыться в вещах: где-то еще зеркало должно лежать. *Зеркало! Может, еще и галстук где-нибудь заваялся?!* Чтобы не помять, он вытащил из рюкзака два заламинированных листа стандартного размера, и положил их рядом.

Вид на южную скалу с пляжа Акрема

- Можно взглянуть? – спрашиваю я разрешение посмотреть странные листочки. Это не простые бумажки, раз их заламинировали.

- Да, возьми.

Я беру одну из «ценных бумаг» розово-серого оттенка и пробегаю глазами по тексту. Текст на английском. Когда я дочитал этот «сертификат», я чуть не прослезился, затем меня «накрыло», с большим усилием сдерживаю себя, чтоб не лопнуть со смеху. На бумаге красивым прописным шрифтом начертано:

Данным сертификатом подтверждается,

*что **Nicolas... Babu**, проживающий по адресу... ,*

*прослушал курс по **Microsoft Excel** продолжительностью 20 часов и набрал следующее количество баллов из 100 возможных за навыки:*

- 1. Запуск программы, состав и назначение основного меню программы..... 52*
- 2. Копирование, вставка текста, редактирование.....63*
- 3. Навыки написания формулы в рабочей ячейке, основные вычисления.....39*
- 4. Редактирование формата рабочей ячейки.....29*
- 5.*

Среднее число баллов, набранное по итогам тестирования за курс **Microsoft Excel**, составляет: **38 баллов**.

Курс прочитан (название компании, проводившей тренинг) с... по... апреля 2008, Дили.

В «сертификате» указана некая компания из Сингапура, подготовившая курс. Опять иностранная компания развела на «зелень» местное население!

- А сколько ты заплатил за этот «курс», - интересуюсь я у Нико.

- Двадцать пять долларов.

- Да это «до чертиков» много при невысоких доходах у тебя в стране, ты знаешь это?

Нико задумчиво пожимает плечами. Он, наверняка, считает это хорошим вложением денег! «Сертификат» от зарубежной компании, на английском, на бумажке с водяными знаками, – это же круто! Это же теперь можно сунуть под нос работодателю и потребовать престижную работу и компьютер! «Да, формулы писать умею, – сертифицированный специалист, - вот сертификат, возьмите, убедитесь, со мной вам так повезло сегодня!»

Вторая ламинированная бумага – тоже «сертификат» за «курс» Microsoft Word: аналогичный тип изложения, похожие пункты с навыками... и такой же низкий балл (сорок пять). Стоит «сертификат» такую же сумму.

- Да он, похоже, вообще двоечник, - резюмирует Ирина, взглянув на «сертификаты», которые я принес в «шэк». – С такими «сертификатами» только отпугивать удачу, это как «черная метка» – последний аргумент для получения отказа в работе. Я бы их засунула подальше и никому не показывала!

- Ну, теперь понятно, чего он такой... – Влад дает нелестный, резкий комментарий. За последние дни отсутствие Нико именно в те моменты, когда он нужнее всего, просто «достаёт».

«Сертификаты» возвращены владельцу. Нико уже нашел зеркальце и поправляет причёску. Быстро все покидав обратно в рюкзак, а рюкзак забросив в комнату, Нико поспешно уходит по тропе, ведущей в поселок. Мы остаемся втроем. Влад работает в эфире, а я иду к побережью: прогулка вдоль пляжа в лучах заката навеивает романтические мысли.

Когда я возвращаюсь, в комнате, кроме Владимира и Ирины, находится Бернар и еще один рыбак. Бернар разговаривает с Владимиром, по-прежнему сидящим у трансивера. В день нашего приезда на остров Бернар, узнав, что мы устанавливаем «контакты» со всем миром, попросил связаться с его сыном, который учится где-то в Индонезии, где-то «совсем недалеко» от Атауро. Связаться и дать пообщаться отцу с сыном – такова его наивная просьба! Связаться, как можно раньше. Влад объяснил тогда, что мы не связаны с интернет, что радиосвязь – это связь между такими же, как мы, радиолюбителями. А сын «не использует этот канал связи», его только могут попросить перезвонить отцу, «если с нами будет работать микрофоном радиолюбитель из того же района Индонезии». По другому – ну никак! Очевидно, Бернар подумал, что где-то его «дурят» - мы работаем вот уже третий день,

Вид с пляжа Акрема на индонезийский остров Ветар в лучах заходящего солнца

а с сыном контакт так и не установлен. Бернар написал телефон сына на клочке бумаги, который провалялся все эти дни на столе перед трансивером. Сейчас разговор о том же. Мне понятно волнения отца, но что можно сделать в такой ситуации? Индонезия большая, а вот радиолюбителей, работающих на КВ, не так много. Нам заранее понятна невыполнимость просьбы Бернара, но рубить надежду у человека, давшего нам кров и еду, никто не решается. Говорят: «Кто тебя один раз накормил, тому сорок раз поклонись».

Влад терпеливо объясняет, почему мы до сих пор не установили связь с сыном. Это делать тем более трудно, поскольку Нико опять нет, а рыбак, стоящий рядом с Бернаром, знает лишь несколько слов по-английски (Нико нет на работе, он опять «попал!»). Бернар выслушал Владимира, о чем-то задумался и отошел в сторону, слышно лишь поскрипывание его зубов. Нет, он не «зуб точит», привычка у человека такая, особенность – как молчаливое курение трубки, как перебирание четок у правозверных для подсчета сур, прочитанных в молитве.

Клочок бумаги с номером телефона Aldo Cabral, сына Бернара, так и пролежал у трансивера все дни нашей активности

Беседа Влада отвлекла, совсем «сбила с правильной волны». Мы меняемся, я работаю в эфире на пике вечернего прохождения.

- Где опять пропал этот Нико? – в гневе вопрошает Влад.

- Он собирался пойти на вечернюю службу, - говорю я, вводя очередной позывной в журнал.

- Он добегаются! Мы ему просто не заплатим! Что за отношение к работе?! Почему его все время нужно искать?! Ладно, я схожу к церкви с Бернардом, там будет кто-то из рыбаков, кто может быть нас завтра отвезет в Дили. Переговорить надо...

Что происходит в ближайшие часа два за моей спиной, я уже не замечаю. Pile-up, образовавшийся на частоте, полностью приковывает мое внимание. В это время, когда солнце полностью скрылось за скалой, и ночь опускается на остров, принесли ужин. Владимир с Ирой ужинают, Нико пока не пришел. Поужинав, Влад меня сменяет, и я сажусь за стол. Пока мы меняемся, выясняю, что встречи с «нужным» человеком не состоялось. Он, то ли еще находился на службе, то ли был где-то в поселке.

- Как только объявится Нико, скажи ему, пусть найдет этого рыбака и договорится с ним о лодке на завтра! – просит Влад, надевая наушники.

Я поел и вышел к пляжу, помыл руки и умылся. Я задержался у моря, море притягивает бескрайностью открытого пространства и приятным шелестом накатывающейся и отступающей волны. Очень слабой волны, ветра почти нет. Вдруг на пляже появился Нико в обществе парня лет пятнадцати.

-Нико, ты куда исчез?

- Я был на службе!

- Надо найти рыбака, который должен был прийти из соседнего поселка на вечернюю службу. Мы должны договориться насчет лодки!

- Рыбак уже ушел... Но со мной – его младший брат, - Нико кивает в сторону подростка. - Он сейчас тоже идет к себе домой.

Дальнейший разговор сводится к тому, что мы сейчас лишь можем передать через паренька его брату свою просьбу о лодке, о времени отъезда из Акрема и отдельно подчеркнуть, что про оплату договоримся на месте (чтобы не отпугнуть ценой, если она покажется неприемлемой). Но как мы узнаем ответ? Надеяться или искать другой вариант? Все складывается плохо. Внезапно Нико осеняет.

- Я пойду с ним в поселок!

- Да, отлично, сходи, - обрадовался я внезапно разрешившейся ситуации.

Я повторяю еще раз, что нужно передать, и на какое время необходима лодка. Мы прощаемся, и, уже отойдя метров пятнадцать, Нико, будто вспомнив что-то, кричит мне вслед: «Может быть, я останусь ночевать в поселке, если будет очень поздно!» Тут до меня доходит мотивация столь неожиданно проявленной инициативы. Но за руку хватать уже поздно. Две фигуры сливаются с темным рельефом скалы и растворяются в сумраке. Вдоль берега по склону скалы идет узкая тропа, настолько неприметная, что для меня ее существование было открытием.

Вернувшись в «шэк», я поведал о сложившейся ситуации Владимиру.

- Так он что, решил свалить на ночь?! Невероятно! – Влад пузырится и вскипает.

- По-видимому, есть у него личная мотивация... в лице какой-нибудь местной красавицы, - делаю я предположение.

- Да мне плевать, мы не для этого его взяли! Как сейчас договариваться о лодке?..

Что делать в такой ситуации, без «языка», не ясно. Лучшее решение в подобных обстоятельствах – отдалиться на волю случая. Ненадолго, пока не иссякнет pile-up. Влад натягивает наушники и снова работает в эфире.

Проходит минут десять-пятнадцать и на крыльце появляется худошавый мужчина с большой тетрадкой в руке. Я узнаю его, я обещал ему запись о нашем визите в журнале. Если я правильно понял, в чем нет у меня уверенности. Мужчина на крыльце здоровается и робко спрашивает меня, могу ли я написать в журнале ... презентацию. Снова «презентация»? В этом поселке все помешались на презентациях, что ли? Хотя мне понятно, что ввиду небогатого словарного запаса английских слов – а это очень чувствуется – рыбак из поселка использует слова близкие по смыслу, суть же просьбы мне не ясна до конца.

- О'кеу, давай сюда свой «журнал»!

Я беру «журнал» с белой глянцевой обложкой и раскрываю его. К моему удивлению «журнал» чист. Ни единой записи. Как будто тетрадка только что куплена. Моя робкая надежда на то, что я оставлю запись, ориентируясь на образцы предыдущих «презентаций», рухнула.

- Презентацию, говоришь? Так что писать?

Парень говорит что-то невнятное, его английский слаб, как у троечника советской школы, я никак не могу понять сути. Наконец, я решаю довериться собственной интуиции, беру ручку из рук гостя и делаю первую запись на первой странице.

Дата, Акрема, Атауро.

Я, Константин Никитенко (US5ETV), и мои друзья, Владимир (UA4WHX) и Ирина (WA4WHX) Быковы, являемся представителями стран – Украины и России, – прибыли в поселок Акрема с миссией доброй воли и добрососедства. Мы рады нести на благодатную землю Восточного Тимора, и острова Атауро в частности, идеалы добра, мира и человеколюбия. Эти общечеловеческие ценности близки нам, эти ценности мы готовы разделить с другими людьми посредством как личных контактов, так и используя современные технологии радио-коммуникации.

Цель нашей гуманитарной миссии на Восточный Тимор – распространение правдивой информации о стране, способствование распространению знаний о культурных ценностях Тимора в мире и продвижение современных видов связи на территории страны. Мы видим реализацию этой цели в установлении максимального количества контактов в любительском эфире с радиостанциями всего мира, в представлении страны Восточный Тимор в международном эфире и в демонстрации современных коммуникационных технологий местному населению страны.

Мы ценим тот теплый прием, который оказали нам жители поселка Акрема, о. Атауро, и выражаем глубокую признательность всем людям этой щедрой земли. Мы всегда вас будем помнить!

С наилучшими пожеланиями,

К. Никитенко

Я отложил ручку и перечитал текст. Ух, что-то я написал уж очень официально. Сказывается, наверное, прочитанная в юности книга по дипломатическому этикету и протоколу... Ну ладно, пусть будет так. Я передал журнал рыбаку, который терпеливо ждал рождение «презентации» рядом на стуле. Парень берет текст и читает несколько минут про себя. У него возникли какие-то вопросы, потому что я не вижу такой привычной улыбки удовлетворения на его лице после прочтения «послания доброй воли». Наконец, рыбак обращается ко мне с уточняющими вопросами...

- Вы (ты) можете немножко написать о себе? – спрашивает он меня.

- Что именно тебя (вас) интересует? – спрашиваю я, поскольку, очевидно, речь идет о простых и понятных вещах, а не о «меморандуме о намерениях».

Я переворачиваю страницу в журнале. Итак, пишу свое имя, дату рождения, город, страну, род занятий. Но и это еще не все. Страна – где она? Парень, (он представился *Pablo, ему лет сорок), не слышал про Украину. Для него, что Украина, что Изумрудный Город – практически все из одной сказки, все в одном направлении. Поэтому специально для него рисую тут же, в тетрадке, контуры Европы, помечаю жирным границы Украины на рисунке. Вот отсюда я и прилетел! Pablo счастливо улыбается мне. Я продолжаю. Я пишу о своей семье, имя каждого члена семьи: жены и дочери... Он меня попросил. Зачем ему это? Да просто интересно. Повторюсь, мы первые иностранцы в этом маленьком поселке! Даже сами имена звучат необычно для этой страны, и Pablo повторяет каждое написанное мной имя, а я поправляю его – не «Снезана», а «Снежана» – имя моей малышки... В заключение, он просит написать имена моих товарищей и кто чем занимается. На этом все. Вот какая презентация его интересовала, а я слегка перебрал по части официальности текста...

- Зачем тебе это? – спрашиваю я рыбака, расписавшись под текстом презентации. Я уже понял, что пишу все это лично для него.

- Мне просто интересно, я потом буду читать и рассказывать другим!

Мы сидим рядом на пластиковых стульчиках у крыльца домика, и нас сквозь оконную раму без стекол освещает рассеянный свет единственной лампочки, горящей в комнате. Мы вышли наружу, чтобы не мешать разговорами Владимиру, работающему сейчас в эфире. Pablo рассказывает о себе, называет имя своего ребенка... вот так мы и знакомимся. Единственное препятствие для общения – его слабый английский, но он пытается, а попытки всегда достойны уважения...

Часов в десять неожиданно для всех возвращается Нико. Новости от него не радуют: он сообщает, что «старший брат» (рыбак с лодкой из соседнего поселка) занемог, и что он никак не сможет поправиться до завтрашнего утра. Новость плоха и потому, что на этот момент у нас нет запасных вариантов. Ехать нам надо завтра, в понедельник. В крайнем случае, во вторник, но тогда в Дили все будет спешно и напряженно (мы ограничены во

времени билетами на самолет). А еще есть фактор неопределенности, связанный с погодой и морем: если будет ветрено, лодка не поедет ни при каких уговорах или предложенной плате. Нам не остается сейчас ничего, как воспринять эту информацию в качестве стимула для решительных действий, но... уже поутру.

Нико садится за стол и быстро поглощает оставленный для него ужин, а я сменяю Владимира за аппаратом. Работаю в эфире до полуночи. Ближе к двенадцати ночи Влад снова меня меняет, теперь уже до утра. Сегодня – последний шанс поспать у моря, и я его не упущу. Беру мешок – и к пляжу. Иду на прежнее место ночевки, в лунном свете отыскиваю ровную площадку сухого песка. Море, как и вчера, спокойно, бриза нет вообще. Воздух теплый и приятный. От моих шагов по сырому песку у воды шарахаются мелкие крабы, удивительно быстро перемещающиеся боком. Крабы-отшельники, чуть отбежав, прячутся в ракушку. Крупные крабы, размером с кулак, живут в прибрежных зарослях. Я слышу их поспешное бегство в траве, когда иду к морю по тропе, окутанной мраком. О присутствии ночных жителей поутру говорят лишь свежие норы в траве, в которые легко могла бы пролезть рука.

Я залазаю в мешок, устраиваюсь поудобнее лицом к воде. Море, звезды над головой, тусклый, едва колеблющийся свет луны на морской глади, – и ты один на огромном пляже, на острове у экватора – когда такое еще повторится?! Надеюсь, что еще не раз! А пока, пока мне хватило впечатлений и этого насыщенного дня. Закрываю глаза, и реальность быстро сменяется сладким забытием.

Обманчивые воды

Алиса где-то слышала, что в особенно трудную минуту все великие люди произносили исторические фразы: "Я сделала все, что в моих силах, будь что будет!" а потом добавила жалобно: "А что со мной будет?"

Льюис Кэрролл.
Алиса в Стране Чудес

Не пуля убивает, а судьба.

Арабская поговорка.

Я проснулся, когда диск восходящего солнца лишь слегка приподнялся над горизонтом. Лучи миллионами зайчиков отражаются от поверхности моря, образуя огненную дорожку, слепящую глаза. Я почувствовал утреннее солнце на щеке, повернутой к морю. Было ощущение, что лежишь на кушетке под ультрафиолетовой лампой, повернутой к одной половине лица. Я неохотно открыл глаза. Если бы не риск обгореть, еще, пожалуй, повалился бы в мешке. Я подвожусь на локтях и сажусь. Поблизости никого нет. Пляж пустынен. Вода ушла, обнажив несколько метров мокрого песка, на котором лежат обломки кораллов и ракушек, вынесенных волной. Я умываюсь теплой водой. Правда, от соленой воды кожа загорает сильнее, но волноваться об этом уже поздно. По ощущениям, я и так загорел и довольно неслабо.

Собрав мешок, медленно плетусь к домику. Встретив по дороге парочку рыбаков, здороваюсь. Что они-то делают в столь ранний час? В «шэке» сидит Влад, он, конечно, не упускает момента поработать на утреннем прохождении. Я вскоре сменю его, приняв

наскоро утренние процедуры. Сегодня время для нас идет быстро, сегодня надо, во что бы то ни стало, уехать... Через десять минут я уже работаю в эфире.

* * *

- Костя, я с Бернаром сейчас еду в соседний поселок. Надо найти того рыбака, с которым встречался вчера Нико. Попробую его уговорить, - говорит Влад.

- Думаешь, дело не в болезни? Думаешь, просто надо сделать заманчивое предложение?

- Возможно. Пока ситуация для меня не ясна. Многие вопросы решаются при личном контакте.

- А тут в поселке? Никто не едет?

- Тут – нет. Не хотят даже за деньги, я предлагал.

- А сколько ты намерен предложить?

- Понимаешь, сейчас особо за сумму не поторгуешься. Нам придется, скорее всего, заплатить больше, чем за дорогу сюда. Ведь деньги – единственный стимул, который может подействовать в нашей ситуации.

- Так сколько ты готов предложить?

- Не знаю, посмотрим, - задумчиво говорит Влад.

Задача действительно непростая. Если не найдется рыбак в соседнем поселке, можно попробовать проехаться в следующий и попытаться счастья там... И, как крайний случай, остается вариант «турагенства» (благослови его Боже) под покровительством местного святого отца. Его услуги стоят, если мне память не изменяет, \$35 с человека (в один конец!). Так сказали нам по телефону, когда делались предварительные звонки перед поездкой сюда. Но в лодке должен быть какой-то минимум людей, чтобы предприятие имело выгоду. Достаточно ли четверых или цена будет увеличена, нам не известно. Надо еще добраться до поселка, где работает данный сервис. Это Белои, до него больше десяти километров по воде.

Лодка готова. Влад, Нико и Бернар в длинной деревянной посудине отчаливают вскорости после легкого завтрака. Время тянется долго. Утренний проход уже закрылся, и я выключаю трансивер, а затем и генератор. Настают утомительные минуты ожидания «сватов», устремившихся к упрямому (или действительно больному?) лодочнику в соседний поселок. Согласился или отказал – вот в чем вопрос! Лодки не было около часа или немногим более того.

- Ну что, Вов, рассказывай! – встречаю я вопросом своего товарища, едва он спрыгнул с лодки на берег.

- Договорились! Он будет тут часа через полтора.

- Долго уговаривал?

- Да, уговорить было не просто. В понедельник попросту нечего делать в Дили, поэтому и ехать никто не хочет. Когда мы плыли сюда, нам повезло, что мы сели в попутную лодку – рыбак возвращался домой. Он все равно бы поплыл на Атауро, а мы ему еще и денег

предложили. Сейчас ситуация иная. Сейчас приходится покрывать расходы владельца судна на путь туда и обратно.

- Сколько? – не выдерживаю я.

- Сто двадцать. На троих. По сорок с каждого.

- Неплохо!

- Дешевле не получилось. Я настаивал на \$100, но, чувствую, мужик погрузился и задумался. Пришлось согласиться на его цену, чтобы не отказался. Если прозвучит отказ – переломить ситуацию будет потом почти невозможно...

- Да это вполне приемлемо!

- Считаю: заправка баков по сорок литров в одну и в другую стороны съедает уже около \$90. Ну и остальное – в прибыль. Но ты же видел, какое бывает море... так что, такие затраты оправданы.

Я согласен. У нас и нет другого варианта, и то, что Влад смог договориться, только честь ему делает. В подобных обстоятельствах мы бы могли заплатить и большую сумму, так как самолет ждать не станет, и потеряем мы куда больше. (Впрочем, через пару дней я несколько изменил свою точку зрения насчет аксиомы «самолет ждать не станет»).

Влад заводит генератор – решил еще немного пройтись по диапазонам, дать кому-то, быть может, последний шанс сработать с редкой ЮТА. – А вы с Ирой можете пока опускать антенну 160-метрового диапазона, - просит Владимир, чтобы не терять время впустую. (Работа в эфире, разумеется, не рассматривается как праздное времяпрепровождение). Антенна эта стоит на отдельной мачте возле дома. Мы без особого труда заваливаем сухой десятиметровый бамбук на песок и приступаем к разборке антенны.

Влад сидит недолго. Общими усилиями и при помощи нескольких рыбаков, работавших с сетями у дерева, мы опускаем мачту со всеми антеннами, оттаскиваем ее на полянку, и начинается кропотливая работа по разборке «проволочного монстра». Восемь антенн предстоит аккуратно расстыковать, отвязать от бамбука, оттянуть в сторону и бережно сматывать в бухточки. Ничего не перепутать – это важно. Щепетильность при упаковке значительно экономит время при установке в последующем. Влад отгоняет всех помощников, только он знает, как плотно надо сматывать, как укладывать кабель рядом с полотном антенны... Я только помогаю сматывать рефлекторы и подношу необходимого размера завязочки для перемотки бухточек. Перемотка и упаковка антенн занимает минут сорок. Затем наступает черед аппаратуры, стоящей на столике в доме.

- Ну что, заплатим Бернару? - спрашивает меня Влад, когда мы пакуем антенны в рюкзаки. - Он оказал незаурядное гостеприимство. Вся эта еда, жилье...

- А он денег так и не просил?

- Нет.

- Надо же! Он поступил очень благородно, дал жилье и кормил нас... Относился к нам, как к своим гостям, - я не скрываю своего восхищения этим добрым христианином.

- Все так и есть... Ты же видишь, они тут не жируют, и рыба тоже добывается нелегко.

- Да, видел. Сколько ты предлагаешь?

- Пятьдесят долларов будет вполне хорошей благодарностью с нашей стороны. Как считаешь?

- Согласен.

- Ну, тогда решено.

Очаровательная незнакомка из Атауро

Когда мы еще пакуем антенны и аккуратно укладываем аппаратуру по рюкзакам, бережно заворачивая трансивер, блок питания в какие-то шмотки, чехлы, клеенки (в памяти свежо воспоминание о прелестях морского вояжа на Атауро), к пляжу поселка пристает лодка. За нами приехал лодочник. Якорь бросают так, что лодка находится на плаву, в метре-двух от берега. Лодочник – да это же тот самый парень, который привез нас сюда! С ним еще один рыбак. Мы будем плыть обратно в той же самой лодке! Лодка пришла немного раньше, чем мы собрались, но торопиться лодочнику некуда. Единственная цель поездки – перевезти нас в столицу. Бабу́ (наш лодочник) сходит на берег и ненадолго растворяется среди местных жителей. Относя посуду к дому Бернара после легкого чаепития, и уже последнего для

нас на Атауро, я встречаю Бабу́ посередине тропы, проходящей через кукурузную посадку. Он беседует с девушкой, которую я до этого не видел в поселке. Внешне заметно, что беседа приносит удовольствие обоим. Перед отъездом я не удержался и сделал фото этой незнакомки.

* * *

Приблизительно к часу дня у нас все готово для погрузки. Несколько человек помогли затащить генератор в лодку и установить его посередине судна. Мы аккуратно складываем свои вещи – рюкзаки и канистры от топлива. На этот раз, наученные первым опытом поездки на Атауро, вещи укладываем около генератора, ближе к середине лодки, а не на носу, чтобы они меньше мочились от брызг разбивающихся волн. Разумеется, все сверху дополнительно тщательно укрывается брезентом, оказавшимся в лодке. Помимо своего рюкзака, Нико бережно укладывает на палубе большую ветвь ярко-рыжего коралла. Это подарок от одного из рыбаков. Нико хотел взять в Эрмеру кусок коралла, но поскольку пловец он не очень, а тем более, ныряльщик, кто-то принес ему эту веточку подводной красоты прямо с рыбалки. Коралл был внушительных размеров, с тонкими разветвленными веточками, похожий на какое-то опахало, только без пухового покрова. Для меня осталось загадкой, каким образом Нико собирался доставить это чудо в Эрмеру, следуя домой в переполненном микролете...

Ира, Нико и Бернар. Последние минуты на острове

Вещи занесены на борт. Все готово к отплытию!

Пришло время расставания. Влад вручает Бернару купюру и благодарит за гостеприимство. Мы все благодарим. Деньги, сейчас... для него это полная неожиданность. Он не сделал на нас бизнес и от того его внимание к нашей группе для нас ценнее вдвойне. Бескорыстная помощь, оказанная в нужную минуту, найдет отклик в любом сердце.

Прощаемся со всеми присутствующими. Это человек семь. Кто-то отталкивает лодку, и она плавно удаляется от берега. Рыбаки машут нам руками и еще недолго наблюдают за лодкой. В воду опущен один из моторов, Бабу пару раз дергает за диск стартера и «Ямаха» оживает. Лодка медленно разворачивается кормой к берегу и берет курс на юг, вдоль побережья. Через минуту-другую Акрема почти скрывается из виду.

Мы медленно следуем мимо отвесных, скалистых берегов. Нас обдувает легкий ветерок. Ветерок... от движения лодки или бриз на море? Это легкое, приятное движение воздушных масс в прибрежных водах, защищаемых скалами, может оказаться вполне серьезным ветром на открытом пространстве... Что ж, посмотрим, ждать недолго. Проверим свои ощущения, свои нервы. Наша лодка минует скалу, выдающуюся в море и видную с пляжа Акрема как крайняя точка в южном направлении. Идем вдоль безлюдного берега. Кажется, что продвижение вперед со скоростью черепахи. Но гнать на большой скорости над рифом, поднимающимся близко к поверхности, пожалуй, не разумно. На берегу рассыпаны большие обломки скал. Огромные пространства прибрежной полосы выглядят безлюдными. На одном из склонов вкопан деревянный щит с истертой временем надписью: «Komunidade Biqueli ho ... roman luan. AREA PROTEGIDA» Внизу щита плохо различимая надпись: «При поддержке: Правительства Австралии. AusAID». Выходит – это охраняемая территория. Рисунок на плакате позволяет сделать предположение, что ловля в этом районе запрещена или ограничена.

Через несколько минут показывается небольшое селение. Вернее, окраина поселка. Дома в этом месте скрываются за деревьями. Единственное, что выдавало их присутствие –

это стайка ребятишек разного возраста, бегающих по прибрежному песку. Сам поселок вытянулся вдоль узкой равнинной части берега метров на триста. Наша лодка изменяет курс и направляется к берегу, к пляжу этого поселка. Дети нас встречают веселыми криками. Лодка причаливает.

Небольшое селение у северо-восточного побережья Атауро, где мы сделали краткую остановку, скрыто среди прибрежной растительности

На крики детворы показываются две женщины и тут же исчезают за деревьями. Наш лодочник что-то говорит детворе, и вот, через минутку, две девочки, лет десяти каждая, подносят к лодке кастрюлю, накрытую крышкой, и небольшую тряпочную сумочку. Ага! Нашему капитану передали суточный паек. Нет сомнения, живет он здесь. После недолгих переговоров лодка снова отчаливает, а детвора на берегу еще долго кричит и машет нам. Земляк Бабу, сидящий рядом с ним у моторов, заводит «Ямаху», лодка плавно разворачивается и, пройдя невидимым коридором через участок, отмеченный поплавками, снова устремляется вдоль берега к южной оконечности Атауро. Перед собой мы видим берег не более, чем на пару километров вперед – берег извивается, выступая скалистыми утесами или сменяясь небольшими бухточками.

Солнце хорошо палит в этот полуденный час, но приятный ветерок, обдувающий нас, не позволяет вполне осознать всю опасность обгореть в такой ситуации. Я сижу в шортах типа капри, икры ног, как куриные окорочка на сковородке, постепенно «доходят» на солнце. Я зачерпываю рукой воду за бортом и протираю ноги, умываюсь. Понятно, что такая процедура только поможет коже быстрее «дойти до кондиции», но мгновенные ощущения прохлады побеждают доводы внутреннего голоса. Да и стоит ли сейчас обращать внимание на влияние морской воды на степень «угара» под солнцем – я все сильнее чувствую, что там, в открытом море, мы еще «умоемся» и не раз... Пока же все безмятежно сидят на досках лодочного настила и почти дремлют под монотонный звук мотора и легкие покачивания

судна. Справа по борту проползают невероятной красоты пейзажи. Меня очень радует тот факт, что берег выглядит нетронутым человеком, диким, притягивающим первозданной своей красотой. И никаких туристов!

Через минут двадцать после нашей короткой остановки и пополнения провизией, когда мы проплываем мимо какого-то небольшого рыбацкого поселка, мотор неожиданно глохнет. Его пытаются завести, но все попытки тщетны. Что могло случиться? Нас не заливало волной – волны нет, за управлением сидит все тот же капитан... Может место тут такое – не отпускающее от себя заезжих зевак... Я выбрасываю якорь, чтоб нас не сносило

Пейзаж восточного побережья Атауро

«Поплавковые поля» вдоль берега Атауро

ветерком: лодочник хочет разобраться с мотором. *Капитан, может, стоит попробовать кого-то из пассажиров отдать на откуп Нептуну? И все наладится, все начнет работать? Нет, все же, вначале стоит взглянуть на мотор!* С «Ямахи» снимают крышку, и капитан с «боцманом» всматриваются во внутренности мотора, что-то осторожно прощупывая пальцами, как врачи на первом медосмотре сросшегося перелома у пациента, только снявшего гипс.

От берега недалеко – метров сорок-пятьдесят. Прозрачная вода под лодкой позволяет увидеть очертания рифа, на котором разноцветными размытыми пятнами переливаются солнечные лучи. Глубина небольшая – четыре - шесть метров. Мы терпеливо ждем, пока разберутся с мотором. Есть второй мотор, который, пока мы идем вдоль берега, не в работе, винт его приподнят над водой. На одном моторе пересекать пролив нельзя. Один мотор может не справиться с силой ветра и волн, а что делать при неожиданном отказе?! Ведь было же такое на пути к Атауро! Все это понимают, поэтому молча принимают ситуацию. Через десять минут мне показалось, что неплохо было бы искупнуться... А почему бы и нет – может это последний шанс! Я спрашиваю, желает ли кто-нибудь присоединиться и, не найдя желающих, решаю поплавать сам. Снимаю рубашку и прямо в шортах соскальзываю через борт в теплую приятной прохлады воду. Жаль, что нет маски, спрятал ее в рюкзак. Подо мной – сказочный мир кораллов, но увидеть его не представляется возможным. Просто плаваю минут пятнадцать, наматывая круги вокруг лодки. – Нико, давай сюда! – подбадриваю я приятеля, видя, что он колеблется – «Прыгнуть? Остаться в лодке?» Наконец, он решается – сбрасывает с себя рукавами повязанную на шее футболку и стаскивает штаны. Немного примеряется и «бомбочкой» плюхается за борт, уходя с головой под воду. Тут же выныривает, как-то неловко разгребая воду руками и производя тысячи брызг вокруг себя. «Э, брат, да ты что-то не очень-то и плавать умеешь!» - мелькает у меня мысль при виде такого барахтанья. Так может плавать неопытный щенок, прыгнувший в воду вслед за матерью. Словно читая мои мысли, Нико плывет «по-собачьи», это заметно. По опыту знаю, что этот «стиль» неэффективен, не эргономичен, попросту говоря, человек быстро устает, держась так на воде. Нико улыбается, вместе с тем, как-то отчаянно загребая под собой воду. Нико восторженно что-то кричит, но я вижу, что плывет он напряженно. «Долго не продержится», - понимаю я. Так и есть. Проходит минут пять, и я интересуюсь у нашего смуглокожего спутника, не хочет ли он обратно в лодку? На самом деле для меня уже очевидно, что парню пора вылезать, он теряет силы. Нико соглашается – пора. – Сам сможешь? – спрашиваю его. – Да! Да!! – не теряет присутствия духа мой браваый товарищ.

Нико подплывает к лодке и судорожно хватается обеими руками за ее борт. Но, как ни покажется простой, и даже элементарной, задача взобраться на борт деревянной низко посаженной лодки, на практике надо иметь определенный навык. Нико держится за борт и подтягивается на руках, упираясь ногами в подводную часть борта. Сил его не хватает, (ушло много сил на плавание), и, когда его плавки уже показываются из воды, ноги предательски соскакивают со скользкой доски, и Нико с шумом срывается вниз, уходя с головой под воду. Судорожно работая руками, парень всплывает, жадно хватая воздух и сплевывая воду. Я подплываю к нему, – это уже не шуточки. Он теряет силы. Нико делает еще одну безуспешную попытку взобраться в лодку. - Неу, wait! – останавливаю я его от еще одной пробы. Объясняю ему быстро, что я хочу. Я берусь двумя руками за край борта лодки и упираюсь ногами в его подводную часть. Нико хватается руками за борт над моей головой и сзади взбирается коленками на мои плечи. Под его тяжестью я с головой ухожу под воду. Но, слава богу, Нико недолго мешкает и перекидывает ногу в лодку, всем телом

перевешиваясь через борт и выкатываясь на палубу... Я плаваю еще минут пять-десять, пока не замечаю, что на мотор уже надевают крышку. Чтоб взобраться на лодку, на самом деле нужно совсем немного усилий. Достаточно, ухватившись за борт, резким толчком выпрыгнуть из воды, одновременно подтянувшись на руках. Дело секунды-двух. Я втаскиваю свою задницу в лодку, оставляя мокрую дорожку стекающей с меня струйками воды. Не проблема – на таком солнце все моментально высохнет. И вообще-то, все готовы к принятию морского душа, которого, скорее всего, не избежать при пересечении пролива... Бабу дергает за шнур стартера, и мотор заводится на холостом ходу. Якорь поднят, и лодка снова вступает в борьбу с водной гладью моря, нещадно разрезая и вспенивая воду позади себя.

Нико уже отдохнул и перевел дух. После купания он не стал натягивать на себя одежду. Сохнет! Погода просто идеальная. Туч нет. Вернее, над нами нет. Впереди по курсу следования лодки облака есть, они укрывают всю южную оконечность острова, как будто зацепившись за вершину горы, имеющую максимальную высоту как раз в южной части Атауро. Но до южного мыса, кажется, еще далеко. Нико решил позагорать. (Куда уж тебе загорать, с твоей-то смуглой кожей!) Он перебрался на нос лодки, на ту ее часть, которая отделена от рабочего заглубленного пространства судна, и представляет собой что-то вроде клина, врезающегося в воду и немного защищающего лодку от накатывающейся волны. В общем, это такая треугольная площадка, на которой при тихой погоде и желании можно полежать, свесив нос прямо навстречу набегающей волне. Вот так и Нико разлегся, головой навстречу волне, словно резное, деревянное сказочное чудовище на старинном паруснике, призванное отпугивать морских дьяволов и другую нечисть.

Рассадка на судне отличается от того, как мы располагались в нем на пути к Атауро. Нико, как я уже сказал, развалился на носу лодки – месте, не предназначенном для пассажиров. Я сижу в передней части лодки, там, где ранее сидели Владимир с Ириной. За моей спиной – все наши вещи, включая генератор. Все укрыто брезентом, генератор закреплен веревками. За вещами, во второй половине лодки, ближе к середине ее, сидят Влад и Ира. Ира заранее приготовила плащ-клеенку от дождя или просто для укрытия от брызг. Разумно, молодец! Влад сидит рядом с Ирой, он разделся до пояса и чтобы не сгореть, повязал рубаху на голову, а полами ее немного прикрыл спину. Вид его напоминает начинающего пирата, уже нюхнувшего морского ветра, но, пожалуй, еще не вполне хлебнувшего морской воды. У кормы сидят опытные мореплаватели, два местных рыбака, Бабу и его товарищ. Рулят они по очереди.

Путь вдоль острова, по моим ощущениям, занимает немного больше полутора часа. Обратная дорога вдоль побережья – самый приятный и спокойный отрезок пути. Скалы на берегу чередуются с небольшими равнинами, на которых видны пальмы и домики небольшого хутора. Тыл такого хутора основательно защищен горным склоном, подбирающимся к самым домам. Большая часть береговой линии, конечно, не тронута людьми, не засеяна, не истоптана и не испачкана навеки отбросами цивилизации. На побережье много «диких» мест, где, сколько видно глазу, ни души. В одном месте на каменистом склоне я вижу коз, полтора-два десятка особей. Они каким-то невероятным образом удерживаются за едва видимые неровности рельефа. Ни пастухов, ни поселка поблизости. Неужели дикие животные? Еще немного, и я буду готов увидеть Маугли за очередным поворотом береговой линии...

Один из живописнейших уголков Атауро, у юго-восточного побережья, покрыт мангровыми зарослями. Это заболоченный участок, и домов сквозь эти заросли не видно. Деревья выступают из воды и щетинятся высохшими, пропитанными солью, корявыми корнями и отмершими ветвями. Все равно – прекрасный вид леса, растущего из моря, притягивает взгляд. Это единственный участок с мангровыми деревьями, длиной с километр, который встречается на нашем пути.

Козы на скалистом склоне

Рыбаки у южной оконечности Атауро

Мы у южного мыса Атауро. Впереди – открытое море. Ветер, который в течение всей поездки вдоль береговой линии был приятным легким бризом, вдруг стал набирать силу. Появилась волна, которая, разбиваясь о нос лодки, обдаёт переднюю часть судна мелкими брызгами. Нико, до сих пор нежившийся в лучах солнца на треугольной площадке носовой части, снова покрылся каплями. Пару раз лодку так хорошо потрянуло, что Нико с силой схватился за сходящиеся в клин борта. Лежать более не комфортно и даже опасно. Парень в плавках подвелся и сел, как кот на шухере: остаться на месте или смотаться в заднюю часть лодки, пока не поздно? Нико недолго мучился этой дилеммой. Лодка раз, и второй, и третий вспорола носом непонятно откуда накатившие волны, с головы до ног обдав Нико брызгами. Сообразительный парнишка сразу понял, что у кормы будет комфортнее, и покинул свое индивидуальное лежбище.

Впрочем, мы все еще прикрыты скалой. Лодка только подошла к южной оконечности Атауро. Солнце исчезло за облаками. Облака по цвету грозили перерасти в дождевые. Тут, на южном мысе Дю-Гонг, дождь, похоже, явление перманентное. Наша лодка делает резкий поворот влево на шестьдесят градусов. Мы удаляемся от берега. Впереди – пролив Ветар, разделяющий Атауро и «mainland» - остров Тимор. Нас порывами захватывает ветер, вырывающийся из-под скал. Впереди, метров через сто, видна четкая линия беспокойной воды. За этой условной границей ничто более не препятствует ветру, скалы остались за нашими спинами, и он гонит волну, заметно превышающую ту, по которой мы идем. Вот она, обманчивость погоды. Солнце скрылось за густой пеленой облаков; ветер, хоть и не ураганный, но и слабым его никак не назовешь. Для нашего судна – это уж точно. Мы пересекаем водораздел и входим в открытое море. Дальше... дальше начинается настоящая борьба со стихией, ежесекундная, напряженная, за право остаться на плаву, за возможность продвигаться вперед, несмотря на волны и ветер. Тревожно делается даже мне. Отдельные волны, когда мы находимся уже на середине пролива, достигают двух с половиной и даже трех метров. Когда я вижу приближение такой волны с белой пеной на ее вершине, волны, которая встает почти отвесной слегка вогнутой стеной, захватывающей все на своем пути и больше не отпускающей... волны, которая с легкостью может накрыть всю лодку целиком, – начинаешь уповать только на опыт наших рыбаков и на милость Божию. Как только мы вошли в беспокойные воды пролива, одежда наша сделалась полностью мокрой. Впрочем, это даже не та степень сырости одежды, как у человека, попавшего под ливень. Меня обдаёт мощным потоком брызг каждые две-три секунды, и пару раз в минуту просто окатывает водой – теплой соленой водой пролива. Водяная атака не прекращается ни на секунду. Я перестал вытирать лицо рукой – в этом уже нет смысла. Взглядам я лишь отыскиваю особо крупные волны, подкатывающие к нашему борту. Чтобы лодку не перевернуло, жизненно важно встречать волну носом лодки, не давая ударить в борт – случись это и нас моментально опрокинет. Поэтому капитан у ручки мотора быстро поворачивает лодку вбок на 30 – 60 градусов навстречу волне-гиганту. Лодка носом врывается в воду, дав и мне попробовать на вкус воду с этого водяного вала, тут же выныривает, орошая всех пассажиров обильным потоком крупных брызг, подхваченных ветром, и, наконец, взбирается на вершину. Лодка тут же носом наклоняется вниз, и мы быстро скользим по водному склону, как со спины морского чудовища, в водяную расселину – промежуток между волнами.

Пару раз лодка сильно вгрызается в набежавшую волну, и мне кажется, что работающие два мотора вот-вот заглохнут. Я слышу, как падают обороты винтов. Не знаю, так ли это на самом деле, только когда волны усилились, и лодка все чаще стала зарываться носом в воду, обдавая меня просто нескончаемым потоком брызг, рыбаки сбросили газ, и мы пошли на меньшей скорости, немного поддаваясь силе волн.

Когда мы находимся почти на середине пролива, и борьба с волной вступила в самую агрессивную фазу, возникла другая проблема – нас начало сносить ветром в сторону от намеченного маршрута. Я уже вижу контуры противоположного берега, вижу монументальный памятник Христу высоко на утесе, на мысе Фатукама возле бухты Дили. И по положению этого памятника однозначно видно, что нас сдувает в восточном направлении. Работают два мотора, и когда позволяет обстановка, капитан поддает газу, но вырваться из власти ветра и волн пока не удается. Памятник, являющийся ориентиром восточной границы Дили, медленно смещается относительно нашей лодки вправо. Нам приходится лавировать между набегающими волнами, поэтому лодка то и дело отклоняется навстречу ветру и волне, избегая бокового удара. Я снова вижу летающих рыб, выпрыгивающих из воды недалеко от судна. Их не так много, как я видел раньше, да и зрелище громадных накатывающих на нас волн куда более захватывает внимание и впечатляет, чем рыбешка, кинувшая вызов пернатым...

Я оглядываюсь назад на своих друзей. Ира, съездившись, сидит в плаще, открыто только лицо, по которому струятся ручейки соленой воды. Она спокойна, и это впечатляет. Очень спокойна, как для человека, практически не умеющего плавать. Недалеко от нее на мокром настиле лежит пустая пластиковая канистра, в которой мы брали топливо для генератора. *«В наихудшем случае... ты ведь догадываешься, что эта пустая канистра может помочь удержаться на воде какое-то время? Не упускай ее из виду, Ира!»* - думаю я, и тут же отгоняю дурные мысли. Все будет нормально! Владимир сидит рядом с Ирой, он мужественно и спокойно принимает сложные обстоятельства морского приключения. Нико... его плохо видно за спинами Ирины и Владимира. Он сидит с рыбаками, надеюсь, его не так заливают, как тут, на переднем крае.

...Возле меня лежит кучка, объемом с ведро, переплетенных между собой водорослей. Эта питательная морская «травка» похожа на зеленые, слегка даже прозрачные, веточки кроны подводного куста. Такие, только помельче и, несомненно, помягче, я впервые попробовал в Эрмере. Приятно соленые и сочные на вкус, они сразу мне понравились. Сейчас это добро почему-то оказалось в лодке – то ли рыбак взял с собой их в качестве салата, то ли не успел вынуть после «чистки» подводного огорода. Я неспешно начал грызть эти соленые веточки уже на подходе к южной оконечности острова. Это как грызть чипсы перед телевизором – любишься красотами моря и грызешь, грызешь. А потом начало штормить, и стало даже немного зябковато, хотя, скорее это нервное напряжение, а не погода... И я уже не замечаю, что подъел почти треть кучки. Я опомнился, когда перестал различать соленый вкус водорослей и морской воды, стекающей по волосам, ресницам, губам, щиплющей глаза и попадающей в рот... Нет, хватит жевать этот корм, как рыба! Я выбрасываю за борт оставшийся в руке толстый, но, в общем-то, съедобный черенок морского куста. Наелся! Я с восторгом наблюдаю за борьбой со стихией, тем более, мне ничего более и не остается. Уже начинают вырисовываться детали береговой линии. Совсем скоро будет вход в бухту. Капитан пока справился с ветром, и нас более не сносит. Лодка идет под углом к берегу, компенсируя смещение с курса.

Невероятно, но мы выбрались! Судно входит в зону, частично защищенную от ветра с западной стороны выдающимся в пролив скалистым берегом в километрах семи от нас. Слабая защита, но волна немного спадает. Еще через минут двадцать море почти успокаивается – мы вошли в бухту Дили. Лодка проходит мимо кораблей, ржавых и потрепанных морем, мертво стоящих на якоре. Все эти корабли как будто уснули в этой бухте, растеряв все силы на борьбу с ветром и волнами, найдя долгожданный покой от вечно беспокойного моря.

Лодка причаливает к песчаному пляжу, точно в том же месте, откуда мы и отправились в путешествие. Теперь – выгрузка. Все вещи распаковываются и выносятся на грязноватый песок городской пристани. (Хотя, честное слово, песок-то не грязнее, чем у нас на городском пляже!)

- У тебя есть мелкие купюры с собой? – спрашивает меня Владимир. – Я хочу дать купюрами помельче.

- Да, есть двадцатки, но они еще мокрые! – показываю я четыре-пять купюр, еще влажных от морской воды. Деньги пролежали в нагрудном кармане рубахи. Я уже знаю, что доллар морская вода не берет, поэтому не беспокоился на этот счет.

- Ладно, я достану сухие... - поморщился Влад.

Лодочники получают оговоренную плату, а мы переносим все вещи на асфальт, за парапет, отделяющий пляж от набережной.

- Смотри, Костя, - обращается Влад, оглядывая песчаную полоску пристани, - мы вернулись с Атауро, а нас даже и полиция не осматривает! Кто знает, чем мы там занимались?

Я посмотрел по сторонам – никого в полицейской форме рядом нет и в помине.

- А ведь мы были на севере острова, до Индонезии – километров десять... А вдруг мы туда смотрелись за контрабандой, наркотиками, оружием?... Привезли все это добро в рюкзаках и стоим вот тут с тобой на набережной!

- Не очень-то мы похожи на террористов... в компании с женщиной.

- ...Да, вот они – прелести жизни, вот она – настоящая свобода! – воодушевленно выводит Влад.

Действительно, только что с моря прибыла группа иностранцев, а до этого никому и дела нет...

- У нас все равно нет с собой паспортов! – я даже не раздумывал, брать ли документы. Конечно, нет!

Ира набирает номер Саши и сообщает о нашем приезде. – Заберу вас... но минут через пятнадцать, - обещает Саша. Мы садимся у вещей и ждем. Влад, глянув на часы, - сейчас пятый час, - отметил, что вся поездка по морю заняла четыре с половиной часа. Ого! Дорога туда была быстрее почти на час...

Опять выглянуло солнце, опять дует слабый, приятный ветерок, и мы делимся впечатлениями от поездки.

- Лодочник вел лодку очень профессионально, - отмечает Влад. – Когда надо сбрасывал скорость, вовремя реагировал на накатывающиеся волны. Практически все опасные ситуации он сумел избежать! Нам с ним очень повезло. Свои деньги он полностью отработал!

- А как ты оцениваешь состояние моря? Мне кажется, сегодня прилично штормило!

- Да, мы шли на пределе. Это максимальная волна, при которой еще можно плавать на таких лодках. Я лишь раз плывал на лодке на такое расстояние, как сейчас. Это было на Соломоновых островах...* Расстояние тоже около предельного для лодки такого типа...

Погода в Дили – самая обыкновенная: солнце, тучи, зацепившиеся за гору у южной окраины города, небольшой бриз у моря... Даже и не подумаешь, что на открытом морском пространстве все по иному, что спокойствие воды в заливе – обманчиво, и опасность морского путешествия не стоит недооценивать...

- Послушай, - говорит Влад после небольшой паузы, - надо побыстрее отделаться от Нико. Подвезем его к автобусу, рассчитаемся и... пока-пока. Иначе, он еще и на ночь напросится.

- Его и в дом впускать нельзя...правила.

- Мы сами – гости. А этот Нико... он будет все время ходить хвостом, и потом от него черта с два избавишься. У нас свои планы на вечер, и в них не входит нянчиться с Нико.

Справедливо. Вечером мы наконец-то пообщаемся за ужином, выпьем какого-нибудь алкоголя, послушаем рассказы друг друга. Нико свою работу худо-бедно выполнил. Расчет согласно договору, и можно спать спокойно. Единственное, что смущает меня, - Нико просил фото сбросить на флэшку, которую он с собой взял, а я не могу сделать этого, пока не переписал все фото на компьютер.

- Согласен – киваю я. - Четыре дня с нами плюс дорога – двадцать пять долларов выходит. Это то, что обещали.

- Нет. Пятнадцать долларов. Еще десять он получит, когда отдаст канистры сеньору Абилю.

- Ах да, канистры...

- А если не отдаст – то уже его проблема.

Как и было обещано, к нам подъезжает Саша на бело-красном ООНовском джипе минут через пятнадцать после звонка. Он радостно нас приветствует, крепко пожимая каждому руку. Приятно видеть вот такого бодрого и жизнерадостного офицера полиции! У самого поднимается настроение! От встреч с такими вот людьми, что-то зажигающих в душах окружающих, самому хочется пойти и записаться на работу в полицию... Делимся с Сашей впечатлениями от поездки. Разумеется, коротко, – вечером еще будет время!

- Ну а у нас, - говорит Саша, помогая уложить вещи в багажник джипа, - у нас все как обычно. Обычная работа, и дни похожи один на другой. Через месяц-другой на службе экзотики уже и не замечаешь! Восход-заход всегда в одно и то же время, каждый день одинаковая погода – одно сплошное лето...

Все так...но и Саша отмечает, что здесь, на Тиморе, просто курорт по сравнению с Африкой. Военному, конечно, виднее... Он-то на работе.

Мы садимся в машину и быстро мчимся по набережной. Машина сворачивает с шоссе на боковую улочку, мы проезжаем несколько городских кварталов и останавливаемся возле какого-то перекрестка. Здесь высаживаем Нико. Когда он узнал о наших намерениях разделить «здесь и сейчас», то попытался уговорить оставить его до завтра в нашей компании. Влад непреклонен... Нико назвал место, где его можно посадить, недалеко от требуемого маршрута автобуса. По потерянному виду его заметно, что он не рассчитывал на столь скорое расставание... Я и Влад выходим из машины, прощаемся. Я даю Нико \$15, а Влад вручает две канистры и еще раз напоминает, что за них ему должны отдать еще \$10.

– Мы в расчете? – спрашивает Влад.

– Вы можете дать мне еще десять долларов? – просит Нико, посмотрев на купюры и на канистры.

- Нет. Мы уже договорились о сумме перед поездкой. Здесь все остается неизменным.

Нико всем видом пытается дать понять, что этого ему недостаточно. А кому бывает денег достаточно? Только тем, у кого не хватает воображения!

- Послушай, ты согласился ехать за эту сумму, и ничего сейчас мы менять не станем. К тому же, вспомни, как ты постоянно пропадавал на Атауро по своим делам, когда ты был нужен, - напоминает Влад суровую правду жизни.

- Костиа, а фото ты мне перепишешь? – меняет тему Нико, почувствовав твердость позиции Владимира.

- Фото? – я уже махнул на это рукой. – Может быть, завтра... если будешь еще в Дили и подъедешь к нам, - обещаю я неохотно.

- Хорошо, я подъеду.

Мы еще раз жмем руку Нико, и окончательно прощаемся. Машина трогается, и через мгновение Нико исчезает из виду.

Важные люди

По ночному Дили в поисках «коки»

...На ЭТОМ пузырьке не было надписи "Яд", и Алиса отважилась попробовать его содержимое. Оно было очень вкусное (еще бы, ведь у него был смешанный вкус вишневого торта, заварного крема, ананаса, жареной индейки, ириски и хлеба с маслом) и очень скоро закончилось.

- Какое интересное ощущение! - сказала Алиса. - Кажется, я складываюсь как подзорная труба.

Льюис Кэрролл.
Алиса в Стране Чудес

- Какие планы на вечер? – спрашивает Саша, направляя джип по хорошо знакомому маршруту малолюдными улицами Дили.

- Да все как обычно – помыться, побриться, сготовить что-то поесть... - отвечаю я за всех.

За четыре прошедших дня было много воды. Чистой теплой воды, но только морской. Из-за морской соли волосы у меня сделались жесткими, и кожу немного тянет. Подсохшая быстро одежда стала «деревянной» от соли и удивительно чистой, как будто весь день провела в стиральной машинке – даже краска поблекла.

- Я думаю, что мы еще сегодня успеем установить несколько антенн во дворе, - добавляет Влад. – У нас в распоряжении вечер, целый завтрашний день и утро! Успеем сделать еще пару тысяч QSO.

- O'key! Делайте, что считаете нужным. И вообще, чувствуйте себя как дома! Я сейчас отвезу вас и съезжу на пробежку. Это на часок, я быстро. Потом, если куда смотаться надо – я в вашем распоряжении!

- Саш, без проблем! Действуй по своему плану!

Вещи быстро выгружаем во дворе. Все вместе вытаскиваем генератор из багажника джипа и ставим у крыльца. Рюкзаки, пакеты – все переносим в просторный холл и сваливаем вдоль стены: потом надо будет все разобрать и перепаковать. Саша быстро снимает «доспехи» – камуфляжную форму с ремнем и «портупей», разоружаясь, быстро принимает душ, переодевается в спортивный костюм, ботинки сменяет на кроссовки и, не перекусывая ничего из холодильника, прыгает в джип. Привратник с шумом отворяет ворота, огромный джип выкатывается со двора задним ходом, втискивается в узкую улочку и, замерев на секунду, рвет вперед.

... Через полчаса я в душе. На стене ванной комнаты висит зеркало. Я заглядываю в него. Мать твою!!! И это я?.. На меня смотрит отражение какого-то человека с выветренным лицом, обгоревшим до серо-красного оттенка. В сеточке морщин, расходящихся с уголков глаз при сощуривании от ослепительного солнца, кожа осталась еще белой. Да, солнце оставило свой особый отпечаток на лице... Сейчас, когда я не жмурюсь, эти белые нити морщин «раскрылись», и каждая бороздочка на лице проявилась, подчеркивая не заметные в обычной обстановке «возрастные тенденции». Щетина на лице и торчащие в разные стороны

волосы усугубляют картину. Брат, откуда ты вылез?! Срочно мыться! Я с удовольствием становлюсь под прохладную воду, смывая с себя соль пролива и обильно поливая голову чудодейственным шампунем.

Я мылся последним. Пока я принимал водные процедуры, Влад достал диполи из рюкзака и привязывает их к водопроводной трубе, брошенной во дворе у стены. Вот это «аматор»! Сразу в бой! ОК, сейчас помогу! Времени немного, где-то час до сумерек. Устанавливаем антенны на прежнем месте. Пока распутываем полотна антенн, закрепленных одним концом у вершины трубы, да растягиваем рефлекторы, наступают сумерки, а за ними и ночь. Сумерки на экваторе короткие. Закрепляем оттяжки антенн, и все настраиваем уже ночью, под светом лампы, освещающей крыльцо. Несмотря на лимит времени, комплект антенн 40 – 10м диапазонов растянут по двору, и можно работать в эфире. К этому моменту на узкой площадке перед домом стоят уже два джипа – оба Александра вернулись кто с работы, кто с пробежки. В кухне нас ждет Ира. Готовить особо и нечего. Офицеры не заморачиваются закупками продуктов впрок на случай ядерного удара (на неделю вперед), не готовят что-нибудь сложнее, чем каша с молоком, картошка или спагетти... Нам надо в магазин! Нас много сегодня (нас не спасет овсянка – классическое блюдо сэров из Туманного Альбиона!). Нам покалорийнее бы что-то, пожирнее! Надо как-то компенсировать отсутствие обеда сегодня.

Через пятнадцать минут мы уже у магазина. Когда есть друзья, машина и деньги, почти все проблемы решаемы. Мы трое – я, Саша и Ира – что-то набираем съестное в корзинки. Есть много товаров, надписи на которых не понятны, продукты выглядят странно, как с другой планеты. Это китайские и малазийские специи, какие-то подливы цвета дегтя или горчицы. Чтобы разбираться в них, надо, если не родиться китайцем, то хотя бы разговаривать на языке Мандарин. Эх, надо было захватить Влада, но он уже включился в работу в эфире. Саша выбирает вино, разнообразие бутылок на полках делает вопрос выбора мучительной дилеммой. Я беру что-то из знакомых специй. Берем еще шоколад – его тут большой выбор, но... он оказывается довольно дорогим. Причем, весь. Саша рекомендует шоколад для выпечки – брусок шоколада стоит столько же, как и у нас обыкновенная плитка в пересчете на вес.

В этом большом супермаркете очень мало покупателей. Для местных жителей он дороговат. Но выбор товаров здесь на уровне европейских магазинов. Расплачиваемся. Выходим на улицу, все бросаем на заднее сиденье.

- А хотите попробовать настоящих кокосов? – внезапно предлагает Саша.

- Конечно, еще спрашиваешь!

- Хорошо, сейчас поедem по набережной! Там допоздна торгуют кокосами, бананами, рыбой...

Саша проводит магнитной карточкой вдоль щели блокировщика и заводит машину. Джип вырывается со стоянки перед торговым центром, и мы снова мчимся по темным улицам Дили, освещаемым лишь редкими фонарями. В темноте я плохо ориентируюсь. Машина сворачивает то в одну улочку, то вырывается на другую. На дворе ночь, а Саша ведет машину, как опытный таксист. Довольно быстро мы оказываемся на набережной. Тут Саша сбавляет скорость, за окном джипа мелькают возики, набитые всякой всячиной. Уличные торговцы и их товары на колесах вытянулись на сотни метров. Торгуют и взрослые

и дети. Последних вижу немало. По какой-то причине Саша не тормозит, хотя мы уже проехали несколько тележек, до верху набитых кокосами в зеленой кожуре. Наконец, мы останавливаемся.

- Kollega, два «коконат'а», сколько стоит? - на тетуне спрашивает Саша через открытое окно у старика.

- Два доллара, сеньор, - последовал ответ.

- Два коконата – один доллар! O'key? – начинает торг Саша.

- Нет, нет! Полтора доллара, сеньор! – сбрасывает цену старик.

- Один доллар – два коконата! – настаивает Саша.

Старик качает головой. Больше не торгуемся. Саша жмет газ и проезжает метров двадцать, останавливаясь у очередной тележки с кокосами. К нам подходит мальчик лет десяти.

- Покупайте кокосы, сеньор! Хорошие кокосы! – предлагает товар паренек, очевидно, помогающий родителям.

Здесь, на стихийном рынке вдоль набережной, хорошо покупать кокосы, ананасы, бананы – здесь ночью очень мало покупателей и до чертиков торговцев. Все хотят что-то заработать, каждый борется за покупателя.

- O'key, два кокоса за один доллар! Идет? – Саша знает, что это нормальная цена для кокосов, что нам пытаются цену накинуть, потому что мы чужеземцы. Это понятно, и людей за это винить нельзя. Подсознательно для них мы – богачи, разъезжающие на джипе и сорящие деньгами. Но закон рынка – при низком спросе цена падает – действует и тут.

- Полтора доллара – два кокоса, сеньор!

- Нет, нет. Два кокоса и один доллар! – Саша дублирует произнесенные цифры пальцами. - Я знаю реальную цену! – неумолим Саша.

- Хорошо, сеньор!

Парень выбирает два кокоса из кучи и тут же на траве срубывает катаной шляпки у торцов ореха, ловко делает отверстие, подковыривая молодую, некрепкую скорлупу. На поверхность свежего среза проступает молочко. «Пожалуйста, сеньор!» - передает паренек первый орех в окно джипа. Тут же приступает за разделку второго ореха. Ловко у него это получается. Вот и второй орех готов. Проворный паренек дает нам две пластиковые трубочки для удобства дегустации чудесной влаги, а я передаю доллар. Сок – эта чудесная сладковатая «кока» только начавшего созреть свежесрубленного «коконата» - прекрасно утоляет жажду и даже на время насыщает.

- Я люблю здесь покупать кокосы или ананасы. Один не соглашается с ценой – обязательно найдется другой, который продаст!

Не сомневаюсь. Со временем, наверное, даже начинаешь получать удовольствие от процесса езды по ночному городу к набережной за коконатом на своей машине, от процесса торговли за цену, от ночной прохлады и дыхания моря... Едем дальше по набережной и вскоре сворачиваем на темную улицу, и еще на одну, и еще... Впрочем, дороги в Дили, по

большой части, ровные, не петляют, будто бы стараясь запутать врагов в городских дебрях. И покрытие дорог почти идеальное, без выбоин. Поэтому на хорошо управляемой машине можно и хорошо разогнаться. А какой русский не любит представить себя Шумахером?!

Очень скоро добираемся домой. Выносим пакеты в кухню и приступаем к приготовлению ужина. Саша уходит в свою комнату. Влад работает в pile-up, я помогаю Ире на кухне что-то порезать, почистить ... но, в основном, развлекаю разговорами. Совместными усилиями вскоре намечаются два блюда - суп и спагетти с жареным стейком. От исходящих ароматов я начинаю захлебываться слюнями – воспоминания о легком завтраке на Атауро уже давно улетучились.

Все за стол! «Вова – есть готово!» - объявляю я в рифму. Он кивает – сейчас подойдет. Я стучусь по комнатам, приглашая офицеров к столу. Все выходят в кухню в воодушевленном настроении. Никто еще не ужинал! Редко за столом собирается так много людей. Поэтому сразу возникает проблема со стульями. Подполковники вернулись в свои комнаты за vip-стульями. Наконец, места есть, тарелок хватило, чашки нашлись и рюмки тоже, ложек и вилок – в избытке. Я откупориваю бутылку купленного сегодня португальского красного вина. Что за чудесный вечер! Столько впечатлений иной раз и за год не наберется, сколько было за сегодняшний день, да и не только за сегодняшний...

Произносится тост за успешное завершение экспедиции на Атауро, потом – за то, «чтоб не в последний раз!»... Наконец, вино и сытный ужин делают свое дело, и после небольшого балагана за столом, обмена впечатлениями об увиденном в свое время, Влад начинает «вещать». Вот! Вот, что мне интересно! Вот, что давно хотелось знать, когда еще просто работал с ним в эфире несколько лет назад, – как он дошел до жизни такой?! С удовольствием слушаю рассказ Владимира о путешествии в... в те места, куда редкая птица с берегов Днепра долететь сможет ... (Да-да, чувствую себя такой птицей!) Неожиданно рассказ Влад прерывает.

- Костя, можешь посидеть за трансивером? Сейчас должен быть проход на Европу! На «тридцатке» и на «сороковке»! Не хочется пропускать вечерний проход!

Поработать в эфире мне и хочется, и колется. Пожалуй, даже больше хочется послушать рассказы Владимира, но я успокаиваю себя тем, что это – «не в последний раз!» Я иду за трансивер, вставляю свой ключ в разъем на корпусе аппарата и втыкаю наушники в уши. Ну что ж, понеслась! CQ 4W0VB! QRZ! Весь вечер я работаю за ключом. Через полчаса, как я сел за трансивер, подошел ко мне Саша – тот, который снабдил меня баллончиком перед Атауро – и поставил передо мной бокал с вином: «Пей, а то больше ничего не останется!» Я поблагодарил его за заботу. Вино хорошее, я отпиваю и продолжаю разгребать pile-up европейских станций.

На кухне ребята сидели долго, до меня доносился фон разговоров, и я по-доброму завидовал этой дружной тепленькой компании. Поздним вечером, когда прохождение начало сворачиваться, а я чаще стал перебегать с диапазона на диапазон в поисках станций, трапеза закончилась, и все веселые и довольные разошлись по комнатам. Владимир попросил разбудить его «через несколько часов» и тоже ушел спать. В доме настала тишина, с улицы доносится лишь слабый потрескивающий звук цикад. В половине пятого утра долгий «день» закончился и для меня. Я растянулся на кожаном диване в холле и отключился.

Tais Mercado – рынок ткачей

*Я дал ей семь, ему же десять,
Он ей – четыре или пять.
Мы не успели дело взвесить,
Как все вернулись к нам опять.*

*Она же высказалась даже
(Пред тем, как в обморок упасть)
За то, что надо до продажи
Ей выдать целое, нас часть.*

*Не говорите ей об этом
Во избежанье худших бед.
Я намекнул вам по секрету,
Что это, знаете, секрет.*

Льюис Кэрролл.
Алиса в Стране Чудес

Ночью – не знаю, сколько уж было времени, но рассвет еще не начался – сквозь сон я услышал рокот генератора. «Вова, ты ничего не перепутал?» – подумал я сквозь сон и снова отключился. Но Владимир ничего не попутал – ночью закончилось электричество, закончилось как раз в тот момент, когда начинался утренний проход и времени терять нельзя. Влад решил воспользоваться генератором в последний раз. Вот только плохо, что стоит агрегат на крыльце дома, и его неумолимый грохот под окнами раздается все утро. Правда, того, кто хочет по-настоящему спать, такие пустяки ведь не разбудят?! Но... Когда я проснулся и выполз из дома, чтоб вдохнуть свежего утреннего воздуха, шум генератора и выхлопы угарного газа не оказали на меня того чудесного воздействия, на которое я рассчитывал от утреннего дыхания природы. ... *Позвольте, а что это за пятно?! Черт возьми!* Газы, с ревом вырывающиеся с выхлопной трубы генератора, разбиваются о кирпичную поштукатуренную и побеленную стенку, ограждающую крыльцо, и о кафельный пол. В этом месте образовалось огромное черное пятно от копоты и сажи. Понятно, ну кто ж это мог заметить в утренней мгле?! Зато сейчас это безобразие производит впечатление такое же сильное, как и «Черный квадрат» Малевича на белой стене выставочного зала.

- Вов, почему ты включил генератор? – интересуюсь я у Владимира. Он работает микрофоном, а значит, утренний проход сворачивается.

- Электричество закончилось!

...Очевидный ответ, но с трудом верится, что питание дома могло «вырубиться». Тут надо заметить, что подача электричества к дому контролируется по специальному счетчику, установленному на стене за домом. Когда выходит купленный лимит киловатт-часов, счетчик автоматически вырубает подачу электричества. Чтобы возобновить подачу энергии в дом, необходимо съездить в контору типа «Горэнерго» и заплатить любую сумму денег, там тебе пробьют чек, в котором указана уплаченная сумма, количество киловатт-часов, эквивалентное ей, и цифровой код, который необходимо ввести прямо на своем счетчике. Система подобна пополнению счета на мобильном телефоне по скрэтч-карте... «Все просто, и должников нет», - резюмирует Саша, как-то раскрывший мне «секрет» борьбы тиморийских энергетиков с долгами по оплате. «А что делать с теми, кто решит кинуть ветку в обход счетчика?» - предлагаю я очевидное решение взлома принятого порядка... На это Саша не знал, что ответить.

Пока я рассматриваю пятно, на крыльце появляется заспанный подполковник. Саша тоже замечает некоторые изменения в привычной для него чистоте крыльца, выложенного кафелем, на котором всегда стояла только рабочая обувь или обувь для дома. Пятно приковывает его взгляд, как черная дыра астронома. На его молчаливый вопрос: «*Что за нах...?*», я сообщаю, что электричество-де в доме иссякло, а пятно – пятно мы вытрем! Дело-то житейское!

- Кончилось электричество? – Саша немного поморщился. Пожалуй, лишь воспитание и звание офицера не позволяют ему адекватно выражать эмоции словами в это мгновение. – Ах, черт возьми, я просто забыл ввести код на счетчике! Специально заплатил за электричество перед вашим приездом, а чек... он должен лежать где-то на холодильнике!

Саша снова зашел в дом и подошел к холодильнику, нашарил на нем среди других бумажек чек за оплату электричества и тут же пошел вместе со мной на задний двор «пополнять счет». Через минуту подача электричества возобновилась. Я сообщил эту радостную новость Владимиру, и мы быстро перекоммутировали питание аппаратуры на сетевое. Генератор я тут же вырубил. Во дворе воцарилась привычная тишина. Я пальцем мазнул черный теплый еще нагар на кафеле. На пальце остался ядерный жирный след осевших продуктов сгорания. Fuck!

Мы готовимся завтракать. Саша извиняется, что не ждет нас – ему на работу надо к девяти часам. Он готовит привычные для него мюсли с молоком длительного хранения из пачки. Хлеб с ананасовым джемом добавляет разнообразия в нехитрое меню. К нему несколько позже присоединяется и второй офицер.

- Что будете сегодня делать? – интересуется Саша, готовя себе завтрак.

- Я бы хотел купить каких-нибудь сувениров на память о Тиморе, ну и просто хотелось бы пройтись по городу.

Я вспоминаю, что видел фото на компьютере с другой поездки Владимира и Ирины в Дили. Там были кадры, сделанные на фоне дворца президента и на территории грандиозного памятника Спасителю. Вот куда я хочу еще попасть! Мои пожелания воспроизвожу Саше.

- Да без проблем. Я после работы бегаю в том районе. Вот и захвачу тебя и Ирину! Идет?

- Конечно!

- На счет сувениров... я отвезу вас на рынок Tais. Этот район Дили называется Matadouro. Там есть, что выбрать. Но, конечно, придется поторговаться. Есть еще Alola Foundation, это в Кайколи (район Дили). Там тоже можно, что-то выбрать.

Мне эти названия ни о чем не говорят. А вот Ира почему-то в них ориентируется. По крайней мере, их уже слышала. Договариваемся так: Саша едет сейчас на работу, к его возвращению в дом на обед мы постираем свое белье и приготовим поесть. Будем готовы к выезду вместе с ним, он подбросит нас на рынок по дороге на работу, а потом и заберет нас где-то из города (о месте созвонимся), когда поедет на пробежку. Отличный план! Я предвкушаю новые впечатления от похода по неизведанному.

- Ну... и вы, наверно, уже в курсе, чем займетесь в ближайшее время? – Саша в шутливом тоне намекает на проблемку, кивая в сторону черного пятна у входа в дом.

- Конечно! Сейчас им займемся!

- Будет неприятно, если вдруг придет хозяин дома и увидит ЭТО.

Мы все поняли. Саша заводит машину и уезжает. Мы садимся за стол и делим время за общим завтраком... На оттирку пятна с кафеля и штукатурки ушло с полчаса... Этот нелегкий труд лег, в основном, на плечи Ирины, за что ей огромное спасибо.

Близится обеденное время. Я успел поработать в эфире, позавтракать и принять душ. Теперь вот еще стирка. Стирают прямо во дворе, у боковой стены дома. Сюда выведен кран с водопроводной водой. Я подставляю тазик и поворачиваю вентиль. Льется горячая вода! Несколько мгновений я в недоумении: откуда горячая-то? Вскоре все становится понятно – труба проходит по поверхности у стены дома, и на солнце хорошо прогревается. Заметно нагревается, обжигая руки! За спиной у бетонного забора – растяжка веревок. Половина веревок занята сохнувшим бельем моих друзей. Белье уже почти сухое – на таком солнце все сохнет моментально. Развешиваюсь. Оставляю сохнуть тазики и забираю мыло в дом, дабы его не украли. В мою первую стирку, три недели назад, кусок только что купленного китайского мыла бесследно исчез. В это с трудом верилось: я оставил его на час во дворе, там, где стирал, – зачем его прятать, если дом под охраной и по периметру защищен двухметровой бетонной стеной с присыпкой из битого стекла? На этот супер-забор взбирались лишь соседская бесхвостая кошка, кем-то очищенная от злого духа путем усекновения хвоста, и решившая, что ей более нечего терять; парочка шестилетних соседских ребятишек, да сам Владимир, выбравшийся раз туда при сборке антенн, рискуя здоровьем и целостностью штанов...

В оговоренное время, к часу дня, вернулся Саша: «Ну что, готовы ехать? Я сейчас перекушу что-нибудь, немного отдохну и едем!»

Ира согласилась составить мне компанию в маленьком путешествии по городу. Я даже был готов просить ее об этом. Вдвоем веселее – ее участие в планируемой вылазке снимает всякие волнения на счет правильности выбора сувениров, которыми я просто обязан «одарить» всех сочувствующих и проявивших участие к моему предприятию. Ира уже была в этих местах, и в ее компании меня не особо заботит мысль о необходимости постоянного ориентирования на местности. Я не ориентируюсь вообще. Если идти на север – выйдешь к набережной. Этого знания вполне хватит, чтоб чувствовать себя раскованно.

Саша выходит из своей комнаты: «Готовы? Едем?» Мы садимся в джип, воздух внутри салона успел уже прогреться, жарковато. Саша чиркает именной карточкой, система распознает водителя, и он поворачивает ключ в замке зажигания. Двигатель оживает. Мы закрываем окна – включен кондиционер. Саша пару раз давит на клаксон – результат нулевой: охранника как языком слизало. У Саши еще один повод помянуть доблестную охрану «не злым тихим словом»: *«Я бы их всех уволил, но охрана положена по правилам безопасности».*

- Костя, извини, что приходится просить... Можешь отворить ворота?

- Конечно!

Я выпрыгиваю с машины, хватаюсь за ручку и передвигаю увесистые ворота по полозьям в сторону. Снова возвращаю ворота на место, когда джип оказывается в проулке, и ныряю в салон машины, где воздух уже начал приобретать нормальную температуру. Саша уверенно

ведет машину, лавируя между легковушками, скутерами и людьми, переходящими улицу или идущими вдоль дороги. Мы двигаемся в западную часть города.

- Саша, куда мы едем? – спрашиваю я, еще не четко определившись, что же мне хочется – пройтись по достопримечательностям или посмотреть сувениры.

- Я везу вас на рынок Таис – Tais Mercado. Туда все едут, если хотят купить что-то эдакое. Или везут своих гостей...

- А что там такого «эдакого»? - я представления не имею, что искать в качестве сувенира.

- На мой взгляд, хороший сувенир – картинка традиционного тиморийского дома – Fataluku house – это дом традиционной постройки с очень высокой соломенной крышей. Это даже не картинка, а аппликация, сделанная из пластинок серебра на фоне черного бархата. И это все в рамке под стеклом... красивая, но дорогая штука.

- Сколько стоит?

- Долларов тридцать, что ли ... Я себе не покупал.

Ого, немало. Мне бы хотелось статуэтку какую-нибудь...

- Там продают много тканых изделий, – продолжает Саша, – ручная работа! Да и много всяких традиционных вещей – украшений, сумок... Сами увидите.

Мы уже свернули с Rua Colmera на ведущую к набережной Estrada de Balide, через сотню метров делаем еще один или два поворота, и машина останавливается. Приехали. Уговариваемся с Сашей созвониться к условленному часу и прощаемся до вечера.

Необычно спокойно у стен рынка в этот дневной час. Нет наплыва покупателей или машин у входа в рынок. Вход – условное название. Передние ряды рынка выходят прямо на небольшую улочку. Мы стоим у входа в крайний ряд рынка Таис. Я оглядываюсь по сторонам, стараясь запомнить местность. «Ну, пойдём?» – предлагает Ира, и мы входим в промежуток между крайним и вторым рядами.

На рынке не торгуют продуктами. Нет там и обычных бытовых товаров. Основная продукция – тканая продукция. Много товаров ручной работы. Мы проходим первые места. На языке наших базаров – эти места отдаленно можно назвать «контейнерами». Но, на мой взгляд, правильнее сказать «павильон» выставки-продажи собственной продукции. «Павильон» представляет собой открытое помещение с фанерными стенками и деревянным настилом, с крышей, но без передней стенки... Лицевая сторона, может, на половину, завешена образцами продукции – всевозможными традиционными нашейными лентами-шарфами, юбками, блузами. Заходим во второй «павильон». Для покупателей есть площадка размером два на полтора метра, по периметру которой развешана продукция. В павильоне никого не было. Как только мы зашли, негромко обсуждая понравившиеся образцы на вешалке, где-то в недрах «сарайчика» что-то зашевелилось, и к нам вышла старуха неопределенного возраста со смуглым обветренным лицом. Увидев иностранцев в своем «царстве», бабулька оживилась. Мы поприветствовали друг друга. Старуха стала чуть в стороне, и наблюдает за нами со спины. Цены нужно узнавать, но торговаться только тогда, когда готов что-то купить. Я спрашиваю цену, но старушка отвечает на тетуне. Я не могу ее понять, - все ни как не привыкну к языку (помню не все цифры). Ира помогает, и цифра

становится понятна. Цена немного выше ожидаемой мною, но поэтому и надо торговаться. Мы решаем, что потом вернемся к понравившейся вещи – обойти надо все и сложить представление о ценах. Идем к следующему «павильону». Идти, собственно, два метра. Вот он, за фанерной стенкой начинается. Наверное, хозяева уже слышат приближающихся покупателей, и нас встречают приветствием. Заходим вовнутрь, чтобы рассмотреть, потрогать, поперебирать, спросить цену, полюбоваться. Чем дальше мы продвигаемся вглубь рынка, тем я все тверже укрепляюсь во мнении, что китайцев сюда еще не пустили, не дали им завалить своим ширпотребом этот уникальный рынок, испортить аутентичность и неповторимость изделий местных мастеров. Чем уникален рынок? Во многих «павильонах» стоят ткацкие станки! Такие станки, на которых работали, быть может, еще сто лет назад. Сидя на полу, женщина перебирает нити, формируя традиционный, и вместе с тем, неповторимый узор – результат ее фантазии, что-то закрепляет, натягивает... Потом – щелк – перемещает деревянную планку, вниз и вверх. С одной стороны этой планки формируется, медленно растет ткань с узором, получающимся сплетением разноцветных нитей. Когда мы заходим в некоторые «павильоны», мастерицы работают за этими станками, а их дочери (школьницы по возрасту) обслуживают покупателей. Людей покупающих совсем немного, поэтому есть время для всего.

В нескольких «павильонах» никого не было. По каким-то неуловимым признакам понимаешь, что люди находятся за «стенкой», сформированной висящими юбками, шарфами, полотенцами... Там, в чреве сарая, готовится пища, ее аромат долетает и до нас. Слышен голос женщины, еще не прожевавшей еду, голос веселый, какой бывает в приятные минуты долгожданной трапезы. Услышав голоса снаружи, женщина высунула голову «в приемные покои». Увидев на пороге потенциальных покупателей, голова хозяйки на мгновение исчезает, и появляется сама женщина, поспешно вытирая руки о ветошь и здороваясь. Аж неудобно себя чувствуешь, что кого-то оторвал от стола ради вопроса: «А сколько стоит эта юбка?»

Заходим в следующий «сарайчик-мастерскую». Вот неожиданность: женщина сидит на подстилке у фанерной стены и... кормит младенца. Я здороваюсь, с трудом (скорее, от неожиданности, чем от любопытства) отводя взгляд от кормящей. Малыша приход чужих людей в лавку явно не беспокоит: он занят нужным делом. Женщина что-то крикнула, и к нам из тыльной части лавки вышла девочка лет шестнадцати. Юная помощница так и общалась с нами все время, пока ее мать кормила дитя.

В другой лавке ситуация показалась мне не менее интимной. Мы зашли в «прихожую», застав на полу спящими на какой-то утлой подстилке женщину в обнимку с ребенком лет трех-четырёх... Если б они еще были прикрыты каким-то одеялом... Ребенок совершенно голый. Мы решили не тревожить сон хозяйки своим праздным любопытством. Благо, выбор, где что посмотреть, более чем достаточен.

Несколько раз Ира, да и я, порывались поторговаться за понравившуюся вещь, но к нашему общему удивлению, цену продавцы сбрасывали очень неохотно. И это при том, что покупателей на рынке мало. Мы могли быть в тот или иной момент единственными покупателями в ряду лавок, растянувшимся на метров тридцать. С другой стороны – большинство товаров производится тут же, производится этими самыми людьми, встречающими нас у своих лавок. Эти ремесленники здесь работают, едят, спят, растят детей, и – не знаю наверняка, но очень даже вероятно – живут в этих лавках. Любой отвоєванный доллар – награда за нелегкий труд ремесленника.

Мы с Ирой решили обойти все ряды, весь базар осмотреть. Здесь ходить интересно, нет толпы покупателей, тебя с радостью встречают в лавке и стараются что-то предложить. Кроме тканых изделий, можно выбрать самодельные украшения из кости и меди на шею, и особенно, всевозможные браслеты для рук. Мне они представляются грубоватыми или простоватыми. К тому же, цена кажется мне неадекватной тому, что вижу. Надо, все же, делать скидку на то, что это ручная работа, а значит, уникальная. Во многих местах есть выбор старинных монет и банкнот, как периода оккупации, так и колониальных. Фигурок, на что я настроен был изначально, вижу немного. Это преимущественно грубоватые фигурки крокодилов из дерева. В одном месте я увидел фигурку птицы, выточенную из рога буйвола. Местная разновидность удода – сказали мне позже. Пожилой тиморец, продавший ее мне, клялся, что сам вырезал птичку. Второго такого экземпляра у него не оказалось, а то бы я купил и его. Во истину, единичная работа... Ира выбирала сумочку, что-то вроде вместительной косметички. Такого добра на рынке хватало с излишком, но... – Посмотри, они берут обычную косметичку и нашивают тканый узор, - Ира демонстрирует мне детали декора косметички. - С этим узором цена вырастает раза в два – два с половиной по сравнению с китайским аналогом! – делится Ира подробностями женской бижутерии. Цену на сумочки почти не сбрасывают, и мы проходим мимо.

Рынок Таис небольшой, но когда мы добираемся до последнего ряда, оба чувствуем усталость. Пора бы закругляться. Уже намечены места, куда мы намерены вернуться и поторговаться как следует, и это... первый ряд, с которого мы начали обход. Мне – к старухе из второго «павильона». У нее висели красивые ручной работы традиционные юбки в комплекте с шарфами. Бабулька сразу нас признает. Я еще раз рассматриваю «изделия» и узнаю цену (двадцать пять долларов).

- Ну что, начинаем торговаться? – говорю я Ире.

- Давай уже «сделаем это». А то уже голова начинает побаливать, - безразлично говорит моя спутница. Солнце хорошо припекает, и немного хочется пить.

- Пятнадцать долларов, сеньорита! – начинаю я торги, произнося свою цену на английском и тыча пальцем в понравившийся комплект женской одежды.

Старуха не поняла. *Что-то там такое неприличное ей предлагают? Что-что??* Я повторяю. Снова не понимает. Подключается Ира, произнося цифру на тетуне (Ира произвела на меня впечатление!), а я дублирую ее, показывая одной рукой указательный палец и другой – всю пятерню. Дошло до старой! Ее лицо перекошилось в испуге.

- Что ты, милоч!!! Совсем о Боге позабыл?! – бабка извергает какие-то фразы, теребя одной рукой заветную юбку на вешалке, качая головой и демонстрируя нам свои жилистые старческие руки. – Смотри, сынок, вот этими ручками да целую неделю работала, глаз не смыкала... а ты так обижаешь старую... Ладно уж, для тебя и только для тебя – двадцать три доллара!

- Сеньора, я знаю что это – «hand made». Поэтому... пусть будет шестнадцать долларов!

Ира снова перевела цифру на тетун, а я продублировал на пальцах... Бабка, верно, подумала, что имеет дело с сумасшедшими. Благоговейное выражение лица ее исчезло, вместо него появилось выражение обиженной и униженной женщины. Пожилая сеньора что-то доказывает на тетуне, разговаривая, практически, сама с собой. Она сняла выставленные

экземпляры своих изделий и что-то нам показывает, прикладывает к себе, выворачивает на изнанку, демонстрируя шов... но цену снижать не хочет. Повторяет прежнюю цифру.

- Сеньора, я все вижу, - говорю я на английском простыми фразами, - но «двадцать три» для меня дорого. Моя последняя цена – семнадцать долларов. Семнадцать, сеньора! – повторяю я и показываю на пальцах. – Если не согласны – мы уходим!

Старуха недовольно умолкла и на мгновение задумалась.

- Двадцать два! Давай двадцать два!

- Нет, много! – качаю я головой и тоже делаю недовольный вид. Обиженный вид. Оскорбленный вид.

Пауза. Сеньора не знает, как поступить.

- Ира, уходим. Цена не сбрасывается!

Мы разворачиваемся и выходим из лавки. Когда мы уже отошли метра на три от места словесных баталий, старуха высунулась из лавки и стала звать нас обратно.

- Так! Кажется, лед тронулся! – говорит Ира.

Мы возвращаемся. Старуха вдруг заговорила обрывками английского вперемешку с тетуном.

- Сынок, я сама сделала эти юбки, и шарфы... Это тяжелый труд. Посмотри на мои руки – все ими сделано... - Я еще раз созерцаю костлявые руки с проступающими венами. - Назовите вашу максимальную цену, чтобы не обижать старую женщину!..

Мне становится жаль эту бабушку, ведущую упорное сражение за покупателя. Она – стойкий боец.

- Сеньора, я все вижу, но ваша цена для меня высока! Я не миллионер и не рисую деньги. Только из уважения – последняя цена восемнадцать долларов! Это максимум, что могу предложить! – я действительно предлагаю максимум, выше которого готов отказаться от покупки.

Женщина думает несколько секунд и произносит: «Diak» – хорошо!» Наконец, на ее недовольном лице проскальзывает улыбка. Легкая и едва уловимая, но, все же, это была улыбка. Юбка с шарфиком снимаются с вешалки, старуха достает кулек и аккуратно вкладывает в него покупку.

- Сеньор, добавьте еще хотя бы доллар! – просит старуха, показывая костлявый палец, видя, как я из пачки засаленных мелких купюр отсчитываю восемнадцать долларов.

Я качаю головой.

- Ну, хотя бы пятьдесят центов! – взмолилась старуха, не выпуская кулек с покупкой из своих костлявых рук.

- Сеньора, мы уже договорились о цене. Восемнадцать. Больше не будет! - я держу в руках оговоренную сумму. – Не согласны – и ничего не получите!

Деньги притягивают взгляд ремесленницы. Она отпускает кулек и берет деньги. Я жду, пока она пересчитает и кивнет головой - все верно, сумма правильная. Дело сделано, и мы выходим в проход между рядами.

- Давай уже выбирать, - предлагает Ира. Я вижу, что она устала.

Мы проходим между рядами. По дороге нам попадается торговец водой и бананами. Берем у него увесистую связку красных бананов – необходимо восстановить силы и расслабиться. Торговаться мне не понравилось – а еще говорят, что на Востоке люди от этого получают удовольствие! Может я чего-то не понял? Тогда стоит повторить! Но уже не сегодня.

У ног Спасителя

*...Так на вершине голой, может быть,
Огромный камень привлечет внимание –
И смотрим мы и пробуем решить.
Как он попал туда: его молчанье
Нам кажется исполненным сознанья,
Одушевленным: он, как зверь морской,
Что выполз на песок, расставшись с глубиной...*

Уильям Вордсворт.
«Решимость и независимость»

Мы проходим тенистыми улочками, выбираясь из территории, прилегающей к рынку. По дороге встречаются несколько SmallBoard-ов с рекламой рынка, говорящей об аутентичности товаров, реализуемых там. Спешить нам некуда, и нет у нас определенного маршрута. Заходим в придорожный небольшой супермаркет, выходящий лицевой стороной на улицу с оживленным трафиком. Стены с лицевой стороны магазина практически нет. Внутри, в стороне от входа, стоит небольшое количество металлических боксов для сумок, но, похоже, ими не очень-то пользуются. С другой стороны входа стоит охранник с уставшим, безразличным лицом. В магазине – уличная температура, единственное отличие – у потолка медленно вращаются лопасти больших вентиляторов, разгоняя пыльный уличный воздух по помещению и создавая хоть какую-то имитацию прохлады. Из-за того, что помещение не защищено от улицы, пыль понемногу оседает на полках с товарами. Очевидно, что ее протирают, иначе слой «сажи» был бы толще. Однако, «пороха» на пачках фаст-фуда, которые не пользуются особой популярностью, и так хватает...

Ира выбирает бутылку воды, еще что-то «похрустеть», мы оплачиваем покупки и снова выходим на улицу.

- Куда пойдем? – спрашивает моя спутница. – Время еще есть.

- Ну, не знаю. Пока – вперед... А президентский дворец далеко отсюда?

- Не очень. Идем туда?

Станным образом, Ирина ориентируется на местности, по крайней мере (и мне это импонирует), она не выуживает ежеминутно карту, отыскивая на ней замеченные на местности ориентиры. А, может, у нее и карты нет?! Я не поинтересовался. Это не важно, в общем. Где бы мы ни очутились, в час «Ч» нас заберут на машине.

Мы сворачиваем в переулочек и проходим возле какого-то сооружения, похожего на барак с пристроенным сараем из шлакоблока. Двери в сарай открыты, а на пороге стоит много поношенных пар сандалий и вьетнамок. Размашистая, сделанная от руки надпись краской на стене у входа в сарай – «Estudiante» - однозначно говорит о том, что проживают там студенты. Оконные проемы в барাকে на две трети забиты деревянными щитами – стекло нет. Безусловно, быть студентом нелегко, учеба непросто дается, даже в таком комфортном столичном общежитии.

Протест одиночки: что заставило его выйти с такими резкими плакатами?

Монумент «Они наступают!»

Проходим возле какого-то официального учреждения. Примечательно не само это учреждение, а тот, кто стоит возле него! На бордюре у мостовой топчется странного вида мужчина. По его виду не скажешь, что он из местных – слишком бела его кожа. Гражданин не просто так здесь, он протестует! Судя по многочисленным плакатам, которые каким-то чудом он удерживает в руках, недоволен гражданин самой, прости Господи, миссией ООН! Размер надписей на плакатах рассчитан практически на незрячих, да еще – на эффектную картинку по ТВ, или хотя бы на фото в колонке городских новостей. Я остановился, чтобы рассмотреть надписи. Мужчина на противоположной стороне улицы развернулся ко мне всей своей красотой. Ладно смотрится, но любопытно все же, чем это тебе так ООН допекла?! Я вскидываю камеру и делаю снимок борца за справедливость...

Мы с Ирой медленно плетемся вдоль какой-то улицы. Слева от нас – сквер, посередине которого стоит безыскусный памятник борцам за свободу. Подходить близко к нему, чтобы рассмотреть надпись, не хочется, потому что у монумента сидят с пивом, замаскированным в непрозрачный пакет (выглядывает только горлышко бутылки), трое подростков. Памятник посвящен не кому-то конкретно. Это фигуры молодых мужчины и женщины на постаменте, крепко держащих... нет, не друг друга, а внушительные древки с развивающимися флагами. Выглядят уж очень собирательно – их лица напоминают людей-гибридов, появившихся путем скрещивания землянина и пришельца...

Восточный Тимор – так вот, где на самом деле произошла высадка колонистов из космоса!

Сквер остался позади, его сменила масштабная детская площадка. Видно, что большие дяди позаботились о подрастающем поколении! С двух противоположных сторон площадку окаймляет дорога. (*Детишки должны знать правила дорожного движения!*) Все бы хорошо, детям есть, где поиграть: вот качельки, вот горка, вот лесенки для маленьких непосед, но... площадка полностью затоплена свежей дождевой водой (что-то я, однако, не припомню сегодня дождя!). Если не хочешь обмочиться, с горки лучше не съезжать. Впрочем, ребяташки не унывают – веселой толпой они гасают по водной глади «водоема», словно уже изрядно перепачкавшиеся птицы в постановке «Лебединого озера»... Я люблю эту милую картину детского веселья (ведь умеют же иногда взрослые сделать ребяташкам праздник!), и случайно замечаю на противоположной стороне площадки, через дорогу, крупную вывеску «Timor Post». Почта! Класс!! Я бы хотел купить несколько марок на память. Обходить, правда, много, – озеро оно и есть озеро! Уговорил Иру отклониться от маршрута, и мы обходим детскую площадку по периметру. Наконец, мы у дверей почты, заходим вовнутрь. В небольшом холле на стульчике одиноко сидит... охранник в воензированной форме. От неожиданности я даже и не остановился, а мужчина в форме молчаливо провел меня взглядом, видимо, потеряв дар речи от такой беспардонности визитера. Странно, но я не вижу привычных для почтового отделения окошек, стеклянной стенки, коробок с посылками. Передо мной небольшой коридорчик. Я вхожу в первую открытую дверь. В тесной комнатке находится несколько человек.

- А... это почта? – спрашиваю я, потому что моя уверенность в этом уже пошатнулась.

- No! No! It's Timor Post – newspaper, production office! – отвечает на английском ближняя ко мне женщина.

Я обескуражен. Мы попали в редакцию газеты. Тимор Пост – ну, конечно, газета... У меня на шее фотоаппарат, и, возможно, поэтому охранник не остановил нас – принял за журналистов... Жаль, а так хотелось купить марок (вопрос: а выпускают ли в стране марки? – остался для меня открытым)...

Мы снова обогнули площадку, годную скорее для игры в водное поло, чем для детской тусовки в песочнице, и оказались в той точке улицы, откуда прервали свой мини-маршрут. Не успели мы пройти и ста метров, как у Иры зазвонил мобильный. Звонит Саша (а кому еще звонить?!), и спрашивает о нашем местонахождении. Ира выдала название улицы, чем крайне меня потрясла. Я-то думал, что мы почти уже затерялись в дебрях городских, и ориентируемся исключительно по солнцу...

Саша уже выехал. Он едет на пробежку, и как договаривались, должен нас забрать на следующий «уровень» «разгульного маршрута». Нам бы только добежать к следующему кварталу, по которому он едет. Добежали мы поздно, Саша позвонил еще раз, и оказалось, что место, куда мы вышли, он уже проехал. – Не беда, сейчас вернусь, – бодро сообщает подполковник Ире по телефону. Джип возвращается. Я замечаю красно-белую машину ООН издалека. Машина останавливается возле нас, но с противоположной стороны улицы. Саша бежит не один! В машине на соседнем с ним сиденье сидит Shu. Приятная встреча! Эх, бегал бы со мной такой компаньон, кто знает, может, и не забросил бы я так быстро свои вечерние пробежки по стадиону в институте... Саша и второй офицер полиции, Shu, выходят из джипа. Мы здороваемся, обмениваясь крепкими рукопожатиями с девушкой.

- Куда едем? – спрашивает Саша.

- Саша, мы можем заехать куда-нибудь купить торт? – просит Ира.

Тортом мы решили выразить свою благодарность за отданный в безвозмездное пользование генератор. Генератор принадлежит Сашиному сослуживцу, таджику, о котором Саша отзывался как о «простом, отзывчивом и хорошем парне», который еще и свою семью с детьми-школьниками привез на Тимор. Торт для солдата – очень уж сладковато, а для семьи – то, что надо!

Саша недолго думает, куда же поехать, – он хорошо ориентируется в обстановке. Мы садимся в джип, и уже за несколько минут останавливаемся перед каким-то кондитерским магазином. Не повезло, в магазине торты уже закончились. Как ни как, дело клонится к вечеру. В магазине рекомендуют другую торговую точку. Снова в машину, и вот мы уже на новом месте. Все покидаем машину и заходим... то ли в магазин, то ли в кафе. У стены стоят камеры со стеклянными дверцами, через которые можно увидеть расставленные на полках пирожные, кексики, мини-тортики. Большого, килограммового торта на полках не видно. Саша с Ириной берут инициативу на себя, и начинают общаться с персоналом кафе-магазина. Я не вмешиваюсь. Рядом со мной стоит очаровательная кореянка: когда знакомиться, как не сейчас?! Мы обмениваемся несколькими фразами общего характера. Я начинаю чувствовать себя неловко из-за того, что не помню ее настоящего имени. «Лучше спросить напрямую», - решаю я.

- Tsin Hua, - говорит девушка.

- Очень приятно, Син Хуа. Извини, что не запомнил с первого раза. Было мало времени на знакомство.

- И ты скажи еще раз свое имя, пожалуйста! – просит девушка. – Я боюсь, я тоже забыла его...

Мы знакомимся еще раз, из-за взаимной забывчивости обоим становится весело. Shu – это коротко и специально для забывчивых, для европейцев, которые считают восточное имя слишком сложным, чтобы постараться его удержать в памяти. Мне, однако, хочется обращаться к ней по настоящему имени. Человеку нравится, когда звучит его имя, не так ли?

- Чем ты занимаешься тут, Син Хуа? – я получаю какое-то загадочное, почти эстетическое удовольствие от произнесения такого милозвучного имени.

- Я работаю в Миссии инспектором полиции по вопросам прав и свобод граждан, миграции, по гендерным проблемам... Читаю лекции офицерам Миссии, провожу инструктажи как с персоналом, так и с местными организациями, работающими в области соблюдения прав человека, прав женщин и защиты детей. А что вы делаете на Тиморе?

- Мы... По большому счету, мы туристы. Ну, не просто туристы, мы проводим радиосвязи из Тимора со всем миром... - я стараюсь в нескольких фразах пояснить суть нашей поездки сюда.

В глазах собеседницы я вижу неподдельный интерес, но слишком долго эксплуатировать тему не решаюсь: людей это обычно быстро утомляет.

- ...Wow! А кто ты по образованию?

Даю биографическую справку.

- Син Хуа, а какое у тебя образование? Как ты сюда попала? Долго ли уже тут? – у меня миллион вопросов.

- Я училась в Сеульском... Университете, затем два года училась в США, и получила диплом магистра... Вернулась в Корею... С моим образованием я должна была работать преподавателем, но захотелось попробовать чего-то большего, и я поступила на работу в полицию, а вскоре подала заявку-анкету на работу в Миссию... Тут нахожусь уже восемь месяцев.

- И что, вот так легко тут и очутилась? – я понимаю, что это только на словах легко. Хорошая работа легко не дается.

- Костиа, не легко! Происходил конкурсный отбор внутри страны. Было много претендентов...

В разговоре выясняется, что Син Хуа свободно владеет английским (еще бы, я это сразу понимаю из общения!), имеет навыки рукопашного боя (какой-то там пояс по боевым искусствам, об этом я узнал позже), у нее высокие баллы по профильным дисциплинам и опыт работы в полиции в области, в которой она служит и в Миссии. И еще: чем дольше мы общаемся, тем сильнее у меня складывается впечатление о ней, как о целеустремленном человеке. Не гулять сюда приезжают, случайные люди в Миссию едва ли попадут! Все это интересно настолько, что очень хочется продолжить общение. Передо мной стоит стройная, симпатичная девушка в спортивном костюме, разговор с которой просто затягивает. Она – и полиция, Миссия, боевые искусства, дисциплина, риск... У меня все это как-то в голове не укладывается! Да... Уж поверьте, иногда очень полезно сменить свой круг общения, чтобы взглянуть на жизнь под другим углом, увидеть новые ее краски, ощутить движение воздуха!.. Где-то назойливо витает эта мысль в то время, пока я стою в каком-то кафе и общаюсь с этой симпатичной девушкой из Кореи...

- Извините, что перебиваю... - прерывает разговор Саша, только что общавшийся с кем-то из персонала кафе. - Кость, нам предлагают только торт за двадцать семь долларов! Другого килограммового у них нет! Будете брать?

Это дороговато. Это должен быть какой-то, мать его, чудо-торт за такие деньги, ну да какое это имеет значение, когда тебе открывается (тут и сейчас) другой взгляд на мир, когда ты беседуешь с человеком, не похожим на всех тех, кого ты встречал до сих пор в своей жизни?!

- Саш, берем! – одобряю я выбор не глядя, и отдаю деньги. Больше не хочется мотаться в поисках торта: нас ожидает кое-что гораздо интереснее.

Покупка совершена. Мы выходим из кафе, аккуратно кладем торт на заднее сиденье, и едем дальше. Наш маршрут проходит по длинной набережной, мы объезжаем бухту Дили по длиннющей Av dos Dereitos Humanos. Транспорта на дороге мало, и Саша ведет лихо. Машина выезжает за восточную часть города. Мы пересекаем мост через Santana River. Прямо за мостом нам навстречу движется колонна из семи-восьми грузовиков. Идущие впереди нас машины сбрасывают скорость. Грузовики желтого цвета в колонне похожи на игрушечные: борта и лобовые стекла не запыленные, машины выглядят, будто только сошли с конвейера. В кузове каждой машины битком набито демонстрантов – мужчин двадцати-

сорока лет. Они что-то скандируют. В каждом грузовике, в руках у одного из пассажиров, развивается флаг Восточного Тимора.

- Закрой окно, пожалуйста, - просит меня Саша, когда мы подъезжаем к первому грузовику.

Я быстро выполняю просьбу.

- А почему надо закрыть окно? – недоумеваю я.

- Знаешь, очень легко заработать камнем по лицу. С грузовика ничего не стоит запустить каменюкой в открытое окно. Просто потому, что ты едешь в ООНовской машине. А тем более, они сейчас едут с демонстрации и уже порядком разогреты (Саша имеет в виду вовсе не алкоголь). У нас были случаи, когда машину ООН забрасывали камнями... Так что... лучше обезопасить себя от случайностей. Это, по сути, дикий народ! Повыступать, покричать, требовать что-то желающих хоть отбавляй, а мозгов у них, как у обезьяны...

Я понимаю сейчас, что спокойствие в стране только кажущееся, не везде тихо, не везде принимают заморских гостей с распростертыми объятиями; понимаю, что мир в этой молодой демократии поддерживается благодаря упорной работе и усилиям вот таких парней и бесстрашных девушек, с которыми я еду сейчас в машине. До ввода сил ООН, в сентябре 1999, в стране начались массовые беспорядки. Что будет на Тиморе, когда закончится мандат UNMIT – Интегрированной Миссии ООН на Восточном Тиморе, никто не знает... Я

Грузовики с демонстрантами возвращаются в Дили

вспомнил слова Нико, сказанные им в ответ на мою реплику о том, что поездка на Атауро может быть сопряжена с некой долей опасности, связанной с путешествием по морю. Он сказал: «Это для меня не опасность! Вот если бы я попал в район Боукау (Ваусау), мне бы точно не поздоровилось, узнай кто-то, что я из Эрмера... Они ненавидят нас!..» Страну населяет несколько этнических групп: в Эрмере и в Боукау разговаривают на разных наречиях... и это не единственное отличие, разделяющее народ. Мир в стране хрупок, быть ему или снова разгорится пламя этнической вражды, скоро будет зависеть только от мудрости властей.

Мы проезжаем колонну демонстрантов – сквозь стекло доносятся воинственные (так мне кажется) речевки...

- Сегодня была демонстрация в Манатуто (Manatuto). Выступления в поддержку одной из партий. Мы ездили сегодня туда, наблюдали за происходящим...

- Как впечатления от поездки?

- Мы не вмешиваемся в происходящее, если все проходит мирно. Сейчас вступает в работу местная полиция, мы же консультируем и направляем.

От моста мы проезжаем несколько километров, и наша машина сворачивает в сторону от набережной. Тут же дорога идет на холм, но машина, кажется, не чувствует подъема: мы все также резво несемся по почти безлюдной проселочной трассе. Ехать не скучно. Я испытываю какой-то приступ болтливости, и наш разговор с Син Хуа, прерванный в кафе, продолжается уже в машине. Благо девушка, сидящая рядом, тоже общительная. Разговор не «про...» и ни «о...», а просто треп с шутками и прибаутками – так бывает, когда в компании все чувствуют себя хорошо и на равных. Саша не отстает, хохмит и прикалывается, просто удивительно, как он еще и машину может вести на немаленькой скорости по постоянно петляющей дороге, ведущей на холм.

- Син Хуа, - весело говорю я, почти напевая ее имя, - а ты знаешь, что есть такое информгентство в Китае – «Sin Jua». Крупное агентство новостей!

Девушка удивленно смотрит на меня.

- Правда? Я не знала!..

- Костя, ну что ты такое ей говоришь! – негромко по-русски отзывается Саша.

- Это правда! – оправдываюсь я. – И что тут такого? - мне кажется названный мною факт совпадения звучания имени и названия агентства комичным.

- Ну при чем тут агентство к имени! Давай, пригласи лучше ее в гости! Сегодня!

- Я?? Я же гость у тебя! Ты хозяин, тебе приглашать! – я несколько удивлен такому предложению. Нет, я не против продолжить вечером, но я же не хозяин дома!

- Да что за ерунда! Хозяин, – не хозяин! Тебе она не откажет, ты, кажется, неплохо нашел с ней общий язык. Пригласи!

Я могу. «Правила!» – может, скажет кто-то. Да ну! Мы сами придумываем правила своей жизни! И хоть мы и в гостях, я приглашаю.

- Син Хуа, я и мои друзья сегодня находимся последнюю ночь на Тиморе. Мы провели здесь месяц, а завтра мы улетаем. Очень жаль, что мы с тобой познакомились только в последний день, я действительно очень рад встрече. согласишься ли ты прийти сегодня вечером к нам в гости? Я и мои друзья были бы счастливы провести вечер в компании с тобой!

- Ты хочешь, чтобы я пришла в гости? – уточняет моя собеседница. – Сегодня? – Ей, наверное, мое предложение показалось неожиданным. Она задумалась. Саша молча ведет джип в ожидании ответа.

- Син Хуа, подумай, пожалуйста. Твое согласие было бы весьма важно для нас, и вечер стал бы отличным финалом нашей поездки на Тимор.

... Пауза длится еще несколько секунд.

- O'key! I agree! – произносит девушка решительно, чем просто радует мой слух.

Саша за рулем тоже воспрянул. Мне показалось, что ехать мы стали еще быстрее. Большой джип несется по грунтовой горной дороге, прижатой к склону утеса, оставляя за собой облако пыли. С одной стороны открывается вид на море, на прибрежную линию с полоской песка. Мы продолжаем болтать и нам весело. Меня бросает из стороны в сторону

на частых поворотах. Можно было бы и скорость сбросить. Но... пусть Она оценит, как круто Ее сослуживец водит машину на горном склоне! Я не замечаю трудностей вождения по горному серпантину: я поглощен бла-бла-общением, меня распирает от предвкушения скорого путешествия на мысе Фатукама, от мыслей о предстоящем вечере, и... рот не закрывается. Вот они, минуты счастья!

Мы подъезжаем к подножию холмов, заканчивающихся утесом, на котором стоит монумент Спасителю. Мы заехали с северной стороны, а не с южной (с южной стороны подходит к утесу широкая асфальтированная дорога, тянущаяся вдоль побережья и через несколько километров переходящая в городскую набережную). С северной же стороны – большой безлюдный пляж, линия песка шириной метров двадцать-тридцать и длиной метров четыреста, окаймленная высокими холмами. Впереди – горный склон спускается прямо к морю.

Джип съезжает с горной дороги к пляжу и останавливается. Выходим. Здесь очень красиво! С одной стороны море, безлюдный и чистый песчаный пляж. С другой – склон поросшего травой холма. От места нашей остановки к утесу идет тропа, уходящая чуть дальше на утес, к подножию грандиозного монумента.

- Вот тут мы и бегаем! – Саша показывает на дорогу, по которой мы только что проехали. –

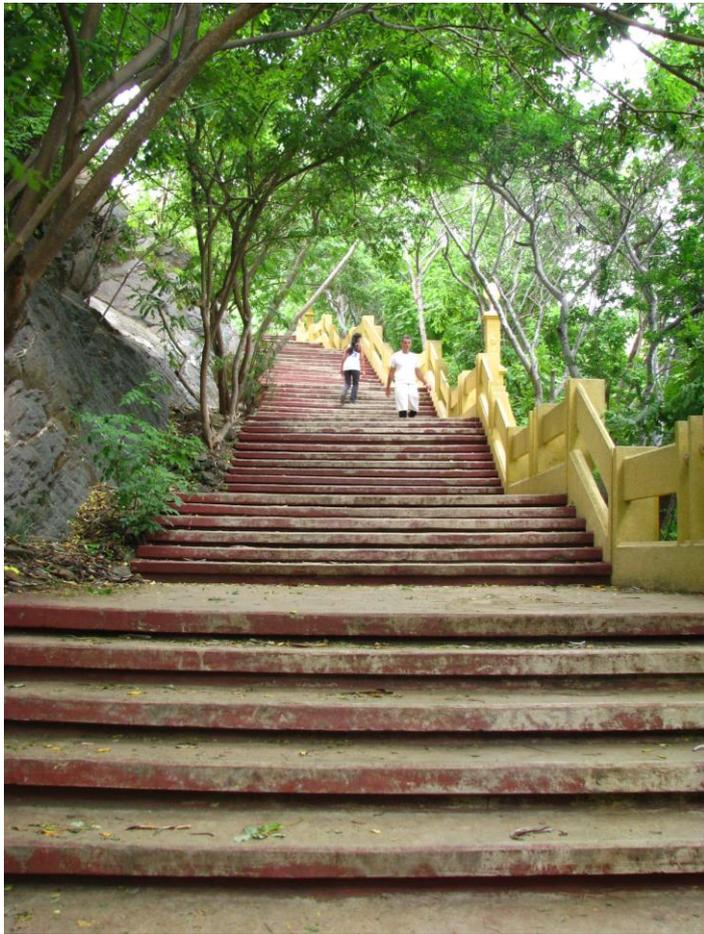
Вы осмотрите пока тут все, - обращается Саша ко мне и Ире, - а встретимся снова на этом месте приблизительно через час.

- Прекрасно!

Саша Х., Син Хуа и Ирина на мысе Фатукама

Саша и Син Хуа отправляются на пробежку, а мы с Ирой – осматривать окрестности. Ориентир (Монумент Христу) виден не только с места нашей стоянки, но и с набережной Дили, за много километров отсюда. С пляжа в сторону мыса ведет неширокая дорожка. Никаких указателей нет. Мы с Ирой прошли метров сорок: тут стоит знак, указывающий на подъем по склону утеса. Подниматься не спешим. Прошли в конец тропы. Она заканчивается небольшой площадкой, которую у воды окаймляет полуразрушенная кладка из дикого камня: берег частично размыл. На горизонте в пелене облаков проступают нечеткие контуры южного берега Атауро. Полюбовавшись морем, возвращаемся к месту, где начинается подъем на утес. Тропа эта проходит меж кустов и невысоких редких деревьев. Тропа не обустроенная, никаких ограждений или покрытия. Идем осторожно, под ногами

Путь к Спасителю

Монумент Христу. Высота только «Земного шара» около семи метров.

грунт вперемешку с щебнем, в метре или менее того от тропы крутой склон холма. Это «неофициальная» дорога на утес. Вполне комфортная дорога с асфальтовым покрытием находится с другой стороны утеса.

Мы взобрались приблизительно на середину горы. Тропа вывела на небольшое плато, огражденное невысоким заборчиком. Площадка полностью обустроена – стоят лавочки, урны, стоит стенд с картой комплекса Христа и поясняющим текстом на незнакомом языке. С площадки вверх ведет широкая лестница, скрывающаяся из виду за утесом на высоте метров двадцать. Продолжаем подъем. Мимо нас вниз по ступенькам спускаются праздного вида люди, с фотоаппаратами или без. Многие с нами здороваются на английском. (Думаю, все, кто нам встречаются, иностранцы.) Те же, кто не здороваются, пробегают мимо. Да-да, именно пробегают: в моде, как оказывается, совершать пробежки по ступеням, ведущим к Христу, буквально к ногам Его. Есть неплохой шанс еще при жизни предстать перед ликом Его, чем неизменно пользуются многочисленные поклонники здорового образа жизни, кого судьба забросила на этот остров. Бегают как мужчины, так и женщины. Бегут на подъем, бегут и вниз по ступеням... Это самый простой и прямой путь к Христу, который доступен даже иноверцу.

Лестница приводит на еще одно плато. Оно шире, чем предыдущая площадка. Покрытие плато и окаймляющий его бруствер, высотой с метр, выложены из шлифованного дикого камня. По периметру площадки, в специальных нишах, установлены фрески в рост человека на известные библейские темы. На площадке есть где посидеть, отдохнуть, подумать о вечном.

С этого места – последний этап подъема непосредственно к монументу. К вершине утеса, откуда Господь в вечной молитве благословляет город у моря, нужно подняться еще метров на двадцать пять...

На площадке возле подножия немало людей. Кроме спортсменов (здесь кто разминается, кто отжимается от пола, а кто и просто переводит дух перед спуском), хватает и туристов. Шумная и веселая группа молодых китайцев (или корейцев) активно и шумно фотографируется перед монументом. Монумент такого размера, что если стать у его подножия, а фотографирующему отойти на максимально возможное на площадке расстояние, то все равно не будет видно даже ног Спасителя. Поэтому гости из Азии стараются залезть на нижнюю часть постамента высотой около четырех метров.

Вид со смотровой площадки у монумента Христу на дорогу вдоль побережья, южное направление. Дили находится немного правее, вне кадра

С площадки открывается прекрасный вид на бухту Дили, усеянную кораблями и корабличками, стоящими на якоре. Город с такого расстояния сливается с береговой линией. С противоположной стороны площадки – вид на пустынный пляж. Пестрой точкой на фоне желтого песка едва угадывается наш джип. На огромном пространстве пляжа ни одного человека! Я бы тоже выбрал это место для вечерних пробежек!

Можно теперь и спускаться! Наверху мы пробыли минут пятнадцать. Спуск займет почти столько же. Увиденное впечатляет: как размеры монумента, так и открывающийся для обзора вид на многие километры вокруг. Такой монумент может вполне соперничать с широко известным памятником близ Рио. И главное, вот он, Христос, Спаситель душ людских, – всегда рядом, все видит и всегда готов принять. Помните об этом, люди!

Вид на безлюдный пляж с другой стороны мыса (найди на фото джип!)

Важные люди

– Как хорошо, что они пришли сами, без приглашения, – подумала Алиса. – Я бы не знала, кого приглашать, а кого нет.

Во главе стола стояли три кресла; в одном сидела Белая Королева, в другом – Черная, а кресло между ними было свободно. Алиса уселась в него, смущенная всеобщим молчанием; ей так хотелось, чтобы кто-нибудь заговорил.

Льюис Кэрролл.
Алиса в Зазеркалье

Спускаться легче. Внимательности требует лишь прохождение финального участка – «дикой» тропы с безлюдной стороны мыса. После дождя я не рекомендовал бы идти по этой дорожке...

Мы пришли к машине рано, наши товарищи еще не вернулись с пробежки. Минут десять мы делимся впечатлениями от увиденного. Снизу монумент выглядит не столь грандиозно, сказывается немаленькое расстояние до него. Я всматриваюсь через объектив фотоаппарата на дорогу, огибающую скалу. Наконец, замечаю движение по дороге. Это наши спортсмены...

После пробежки, конечно, водные процедуры! На этот случай в багажнике машины всегда есть маска.

- Кто хочет искупаться? – спрашивает Саша, снимая одежду и разбуваясь.

В это вечернее время солнце уже склонилось к горизонту, да еще и спряталось за тучами. Дует небольшой приятный ветерок. Не жарко, но мне кажется, что лучше составить компанию, чем ждать на пляже, и я решительно стаскиваю шорты и снимаю рубашу. Плавок нет, я не предвидел такого развития событий... но ведь и на пляже нет никого из местных. Наши спутницы – не в счет: Ира – врач, а врачей смутить возможно ли? Син Хуа – офицер из миссии, а женщины на службе наравне с мужчинами выполняют свою работу, носят такую же форму, оружие и живут в одинаковых с мужчинами условиях...

Девушки купаться отказались. Мы заходим в воду. Саша сразу надевает маску и, не углубившись даже по пояс, сразу начинает плыть. По другому – никак. Риф подходит к самому берегу, приходится все время смотреть под ноги, чтобы не пораниться. Вскоре обойти острые подводные островки разросшихся кораллов становится невозможно, и я, следуя примеру Саши, поплыл, едва ли не цепляя верхушки рифа коленями. Плаваем минут пять. «Набарахтавшись» в воде и смыв усталость, Саша возвращается к берегу. Маску он отдает мне: «Бери-бери, под водой прекрасный вид рифа, на это стоит посмотреть! И не спеши вылезать, мы не торопимся!» Я принимаю от него маску, и отплываю метров на сорок от берега. Да, под водой очень красиво: риф живет своей сказочной жизнью. Даже удивительно, что от города близко, а тут такая сказка... Минут через пятнадцать я все же вышел, скоро будет вечереть.

Ира на пляже мыса Фатукама

...Наш джип медленно выползает на грунтовку, и там уже набирает скорость. Мы огибаем прибрежные скалы и сворачиваем на холм. Едем километра три по пустынной местности. Вскоре дорога уже идет через небольшой поселок.

- Кстати, вот в этом поселке, - Саша показывает в сторону группы домиков, стоящих поодаль от дороги, - бразильский контингент отстроил коттеджный городок для своего персонала...

- Так что, они тут живут отдельно от других?

- Да. Кто хочет. Так живут только бразильцы. Для остальных есть выбор: жить в снимаемом жилье или в специально построенном комплексе для служащих миссии.

Мы уже заезжали в этот комплекс, он находится в городе: въезд в жилые помещения охраняется; комплекс для служащих построен так, что все двери однокомнатных квартир выходят в один

большой двор. Син Хуа живет там. Это простое комфортное жилье с необходимым минимумом удобств: с кухней, спальным местом, душем, телевизором и интернетом. Ничего лишнего. Жилье, естественно, бесплатное. Так же, как бесплатно для сотрудника и съемное жилье, Организация покрывает эти расходы. Так что – выбирай, что больше по душе.

Мы подвозим Син Хуа к ее жилью на территории комплекса.

- Может сразу к нам, а? – спрашиваю я кореянку по дороге обратно, чувствуя, что барьеров, которые обычно возникают между людьми из разных культур, уже более нет.

- Нет, - улыбается девушка, - надо привести себя в порядок.

Ну, кто ж будет настаивать! Я вспоминаю, что у нас еще есть «сладкая миссия»: необходимо доставить торт по назначению и купить что-то к прощальному ужину... Прощальный ужин... Мне даже не верится, что прошел уже месяц с начала моего путешествия. А ведь я только начал входить во вкус! Первый стресс прошел, и жизнь начала блеснуть всеми красками. А что говорить о тех, кто едет куда-то на отдых на пять-десять дней на территорию закрытого «заповедника для туристов»! Теперь, кажется, я никогда не смогу понять смысла поездок в «анклавы для приезжих»...

Мы приехали. Владимир кого-то «обрабатывает» в эфире. Я принимаю душ и сменяю Влада за трансивером. Поехать и вернуть генератор, поблагодарить доброго малого – щедрого таджика, вручить торт – дело чести! Владимир и Саша отправляются с миссией, а мне достается вечерний проход на Европу. Я отрабатываю pile-up и втайне надеюсь, что когда в доме будет гостя, у нас все же хватит мужества оставить этот «ящик» и пообщаться за общим столом. Тем более, это первый визит... Саша удивил меня сегодня: служить вместе (пусть и в разных подразделениях), бегать на одном дыхании по горным тропам, и до сих пор не пригласить в гости... Наверное, время пришло только сейчас... Сколько раз я убеждался, что потраченное время в сомнениях, в оценке «за» и «против», не вернуть, – стоит довериться своей интуиции и действовать. Конечно, писать тут об этом легче, чем встать и сделать что-то значительное... или хотя бы вымыть посуду.

Наступил вечер. Мы снова сменились с Владимиром. Я, Саша и Ира едем за Син Хуа. Забираем ее у въезда в жилой комплекс. Затем в магазин, надо еще купить вина. Саша везет всех в португальский магазинчик, нравится он ему. Магазин средних размеров, в нем масса продуктов и мало покупателей. Я долго рассматриваю ряды бутылок с вином. Что поделать, я не могу сориентироваться в этом богатом выборе. По нашим меркам вино не дешевое, средний диапазон цен 16 – 38 долларов за бутылку, но есть и за 50\$ и за 60\$. Я выбираю белое, Саша – красное. Нам нужно две, нас много. Остальное все есть, уже готовый стараниями Ирины ужин ждет нас дома.

Когда покупки сделаны, и мы уже выходим из магазина, в помещение заходят два или три корейца. Я, пожалуй, не отличу корейца от китайца, но... вошедшие сказали что-то Син Хуа, девушка ответила. Она на расстоянии обменялась с ними несколькими фразами, и в заключение... простилась с земляками, сделав легкий поклон. Как мне это нравится в восточных женщинах, эта непринужденная, даже обыденная, демонстрация вежливого отношения, эта кротость! На такие мелочи всегда обращаешь внимание, когда впервые встречаешь представителя другой страны.

С появлением восточной гостьи в нашем доме обстановка оживилась: разговоры стали веселее, шуточки острее... Второй офицер, Саша, также вышел из комнаты. Он не был знаком с Син Хуа, и его сослуживец представляет гостью. Разговор идет на русско-английском, чтобы девушка не чувствовала языковой изоляции. В кухню снесли все стулья, расставили блюда, даже разложили салфетки, неизвестно откуда появившиеся в доме. Мне досталось почетное место возле гостьи, чем я очень доволен. Вызвали Владимира из холла – Влад не стал звать меня, а выключил трансивер, когда стало ясно, что ждут лишь его. Кто знает, какого усилия над собой стоил такой широкий жест: потушить трансивер на пике вечернего прохода?! Влад сел по правую руку от меня, чему я тоже обрадовался, место возле искусственного рассказчика – почетное место. Итак, почти невероятная ситуация: вечер, за столом все в полном составе, трансивер выключен, на столе ужин из двух блюд, в чашках, стаканах и стопках разлито вино, и главное, есть компания, которая так приятна сердцу, компания, которая дарит позитивные эмоции.

Разговор за столом только на английском – дань уважения гостье из Страны Утренней Свежести. Я изрядно проголодался за этот насыщенный день, и первое блюдо лишь слегка приглушает аппетит. Вот когда уместно сказать: он и барана может съесть! Син Хуа, напротив, ест неспешно, размеренно. Если пьет – не до дна, если говорит – не льет словами в неиссякаемом потоке... Да простите меня за излишнюю наблюдательность за столом, когда смотреть надо, прежде всего, себе в тарелку! Это лишь боковое зрение выхватывает детали. Немного взбодрившись ужином и вознеся несколько тостов за встречу, за столом оживилась беседа. Как-то постепенно, но довольно быстро, инициативу за столом взял на себя Влад. То, что он рассказывает, гостья наша слушает чуть ли не с открытым ртом. Это надо уметь так рассказывать! А разговор – о поездке в Северную Корею. Нет, не разговор это скорее, а все больше монолог. Кореянка впитывает буквально каждое слово, смотрит на Влада и боится оторваться. Я рядом, я вижу... и немного завидую! Задает вопрос, и снова вся превращается во внимание. Син Хуа, гражданка Южной Кореи, ничего не знает о Северной Корее. И не она одна. Между двумя Кореями существует информационный вакуум.

Влад рассказывает о жизни на Севере, о впечатлениях от поездки, о том, что обстановка в стране, пожалуй, напоминает СССР времен сталинской эпохи, и что будучи там, чувствуешь себя путешественником во времени... Син Хуа говорит, что после корейской войны у нее остались родственники на Севере, но о них она ничего не слышала, о поддержании каких-либо связей говорить вообще не приходится. Эта беседа – то небольшое, что ей посчастливилось узнать о жизни на северной территории некогда единого народа. Я думаю, что уже только это сделает ее первый визит в этот дом запоминающимся...

- А спустя два года я приехал в Южную Корею (*прим.*: 15 октября 2010 года у меня с Владимиром состоялось QSO, когда он был в Южной Корее и работал позывным HL4/UA4WHX), - говорит Влад. - Южане сначала не обратили внимание на Северокорейскую визу, а потом долго проверяли мои документы и задавали вопросы о цели поездки на Север, о том, что собираюсь делать на Юге... Не шпион ли?

Судя по тому, что рассказал Влад, существенен именно такой порядок: сначала Северная, а затем Южная Корея. Иначе, дорога на Север, и без того непрямая и требующая особого подхода и тактики, будет закрыта...

Не хочется заканчивать ужин, разговором оттягиваем момент прощания, но все доброе отнюдь не вечно. Все встают из-за стола. Каждый из нас жмет руку девушке на

прощание. Я еще раз благодарю Син Хуа за то, что согласилась разделить с нами ужин – наш последний ужин на Тиморе... Да что и говорить, не хочется мне уезжать! У нас рейс завтра в Денпасар в районе двух часов дня, а хотелось бы, чтоб месяца через три... За весь месяц не было ни одного дня, когда бы у меня возникло ощущение скуки или, ни дай бог, сожаления. О таких мгновениях вспоминаешь потом очень долго, как о времени счастливом и почти сказочном, чтобы казаться правдой... И только фотографии по-прежнему продолжают убеждать тебя, что все это действительно было. Что всех, кого встретил ты здесь, встретил вовсе не случайно. Каждый из них оставил свой след в душе, оказал влияние на восприятие мира, помог разобраться в себе, сделать правильные выводы. Приходит понимание, что все люди, которые вошли в твою жизнь, встретились на пути по провидению свыше, встретились потому, что ты когда-то принял решение, что захотел узнать, пожелал увидеть, сделал нужный выбор... Что все эти люди – важные для тебя люди, потому что позволили почувствовать вкус и краски жизни, такой разнообразной и удивительной в своем проявлении...

* * *

Утро началось в привычном ритме. Я очнулся на кожаном диване и заставил себя сесть, потому что по коридору, соединяющему два небольших холла, то и дело ходит Саша, хлопая дверью в свою комнату. Диван стоит у двери в эту комнату, и у меня сразу возникает ощущение, что я последний «соня» в доме. Более же всего делает дискомфортным дальнейшую лежку на диване усиливающаяся жара, проникающая в дом через открытую входную дверь. Эта дверь на ночь не запирается, она вообще распахнута (чем с удовольствием пользуются огромные тараканы, забредающие в холл на ночь). Закрывают лишь дверь-решетку на щеколду – так, на всякий случай.

Я встаю и отлепляю прилипшую к телу рубашку: спать голым телом на кожаной обивке дивана еще менее приятное дело. Влад на вахте за столом в соседнем холле. Иры еще не видно. Офицеры собираются на работу и уже садятся завтракать.

Принимаю душ. С прохладой воды налаживаются мысли. На кухне еще раз проговариваем детали нашей договоренности с Сашей, пока он моет посуду, а затем и обувается. Все просто: Саша приедет домой чуть раньше его обеда, мы должны быть уже готовы; грузимся, едем в аэропорт.

Саша заводит джип и уезжает на работу, а я возвращаюсь в холл к Владимиру. Моя «смена»! Финальный аккорд телеграфом! Скорость выставлена на тридцать одну, ну, понеслась!!! 4W0VB QRZ! Сейчас проходит Европа, но проход вскоре сворачивается, и начинают идти Штаты и немного Южная Америка! Я оживляю pile-up брошенным в кластер спотом с дразнящей подписью «Last minutes of dxpedition!». Очень скоро на частоте (кажется, это был 15-метровый диапазон), собирается неплохой pile-up. Работают со мной станции Восточного побережья и Центра США! Только благодаря организованности зовущих американских радиолюбителей, удастся выхватывать очень слабые станции из третьего, четвертого, восьмого районов... Наверное, сто-ваттники... как и мы. На фоне станций, зовущих с громкостью четыре – семь баллов, иногда появляются громобойные станции западного побережья и, порой, с пятого района США. Такие станции знают, что на другом конце света просто «уши вянут» от громкости их сигнала – позывной дают один раз и получают мгновенное QSO.

Последние минуты экспедиции 4W0VB.
Утро 8 февраля 2012 г

Я работаю часа полтора. Влад и Ира в это время за моей спиной тасуют вещи по рюкзакам. Мне кажется, что пока есть проход, Влад и не подумает сворачивать станцию. Когда вещи более-менее собраны, а pile-up почти «сошел на нет», Влад предлагает смениться снова, чтобы я собрал свои пожитки. Несколько спотов в кластер, и быстрая смена диапазонов позволяют поддержать активность зовущих еще непродолжительное время. Все, проход «умер»! Влад гасит аппарат. *Поздравляю, коллега, с финалом экспедиции – в логе почти 23400 QSO!*

До приезда Саши осталось менее часа, а нам еще антенны снимать, перематывать и укладывать. Успеем! И тут мы начинаем быстро бегать из холла на улицу, развязывать все оттяжки, сматывать, укладывать, выкручивать, валить трубу с полотнами антенн, подвязанных у ее вершины... Началась обычная рабочая метушня. Саша приехал, но мы еще в пене – раскладываем провода по местам. Готово! Быстро перекусываем тем, что осталось в холодильнике или на кухонном столе. Следующий прием пищи – в самолете. Переодеваемся. Забрасываем рюкзаки в багажник джипа. Есть! Мы готовы. Что ж, тут в доме мы жили, словно в гостинице: все удобства, отличная компания. Но теперь надо ехать.

Через пять минут мы мчим по дороге, ведущей в аэропорт Николау Лобато через западные кварталы города. Позади осталось много светлых и ярких переживаний, людей, ставших близкими... Впереди дорога домой. Чтобы как-то развеять грустные мысли, связанные с расставанием, я сменяю тему.

- Саша, а пистолет у тебя настоящий? – я нарочито вопрошаю с тенью сомнений в голосе у нашего товарища, сидящего за рулем. – А патроны боевые или холостые? – не унимаюсь я.

Саша в форме, на груди и на рукавах – нашивки с символикой Организации и Российской миссии. В такой форме какую-то газовую «пукалку» носить просто не прилично!

- Конечно, боевые! – отвечает Саша без тени сомнений. - ...Пистолет? Сейчас...

Саша молча достает оружие с кобуры, отработанным движением извлекает магазин и передергивает затвор. Берет пистолет за дульную часть и передает мне: «Держи!»

Ого! Я беру боевое оружие – прохладное, приятно отсвечивающее серым цветом, имеющее «неигрушечный» вес в руке... В руку приятно ложится рукоять пистолета, и я ощущаю бороздки рифления на ней. Настоящий – нет сомнений! Возвращаю оружие с некоторой долей зависти. Тип пистолета не запомнил, только выяснил, что оружие российского производства. Вооружение офицеров в Миссии сделано в той стране, которая направила свой контингент в миротворческие силы. Таков порядок.

* * *

Аэропорт Николау Лобато. До нашего рейса около часа с небольшим. Мы выходим из машины, припарковавшись на стоянке в непосредственной близости от терминала. (Кстати, никто мзды за стоянку машин не берет!). Саша несет вещи Ирины, мы с Владимиром – свои рюкзаки и все следуем в небольшое здание международного аэропорта. За компактным холлом терминала небольшая дверь в зал регистрации и приема багажа. У двери стоит полицейский, и у всех проходящих проверяет наличие паспорта и билета. Саша с Ирой и ее вещами в руках решительно идет к этой двери. Саша в форме офицера Миссии и, естественно, с оружием. Местный полицейский не посмел его остановить или что-то там спросить. Даже и не дернулся. Он, было, попытался остановить Иру, следующую сразу за Сашей, с привычным вопросом о документах, но Саша сделал знак – она со мной; полицейский кивнул и молча пропустил и Ирину.

Мне и Владимиру повезло меньше. Мы немного замешкались и отстали на несколько метров от Саши с Ирой. Полицейский бдит: «Ваши документы, пожалуйста!» Я ставлю тяжелый рюкзак на пол и лезу в боковой карман рюкзака поменьше (ручная кладь). Выуживаю оттуда помятую распечатку электронного авиабилета и показываю паспорт. Коп удовлетворенно кивает и пропускает меня в зал. Немного поодаль от входа стоит Саша и Ирина, ждут нас.

- Представляешь, а меня полицейский не пропустил! Документы потребовал! А у тебя он даже ничего не спросил...

Саша ухмыляется.

- Попробовал бы он меня остановить, завтра бы тут уже не стоял.. где-нибудь штрафы бы выписывал! А вначале написал бы рапорт-объяснительную. Полиция тут в подчинении сил ООН!

Комментарии излишни. ООН во многих случаях сейчас выполняет функции поддержания порядка и стимулирует процесс установления гос. структур в стране.

Мы стали в небольшую очередь пассажиров рейса «Дили – Джакарта», идет регистрация. Клерки за стойкой то ли «спят», то ли это стажеры. Ага, все таки – стажеры. Возле девушки у компьютера стоит парень, и все время ей что-то разъясняет, тыкая пальцем то в паспорт пассажира, то в монитор. Между двумя служащими идет активный диалог. Пассажиры при этом «отдыхают» в очереди. Ну что поделать, страна молодая, аэропорт с малым потоком пассажиров, персонал «зеленый». Ну, покрылось лицо дамы за компьютером испариной, ну, пусть идет все медленно, но система работает – и это уже хороший знак! После получасового наблюдения из очереди эпической картины общения наставника и «блондинки» - несомненно, лучшей из тех, кто есть на рынке труда - мы все сдаем багаж на рейс, и с облегченными рюкзачками отходим в сторону. Саша нас ждет у стойки перед прохождением таможенного досмотра. Не хочется прощаться, без его помощи поездка была бы не столь насыщенной, без его компании было бы не столь весело. В эту поездку я кое-что узнал о деятельности ООН «изнутри», о чем давно мечтал... Благодаря его активному участию город открывался для нас быстрее, а в его доме мы жили почти на полном пансионе. Может кто-то скажет, что жизнь такая не для него, а для меня вот такая полуциганская жизнь и есть воплощение детских еще представлений о романтике и приключениях...

Я жму Саше руку в надежде на то, что мы еще встретимся. Если не в этой стране, то где-нибудь еще... Он ушел, ему на работу – спасти мир от хаоса...

Мы же подходим к таможенникам на контроль. Спешки нет, и все идет без лишних вопросов. Наверное, к ним еще не прикрепили «блондинку»...

Зал ожидания, в сущности, небольшое помещение, наполовину заполнено людьми. Тут не разгуляешься, не потеряешься среди магазинов, как в аэропорту Амстердама или в Шереметьево... Тут все скромно. Напротив стеклянной стены с видом на взлетную полосу расположены магазины «Duty Free». Ну нет, «магазин» - уж очень роскошное слово для этих торговых лавок, словно скопированных по типу ремесленных боксов из рынка в Дили... От нечего делать (до рейса еще минут сорок), я медленно обошел свою половину зала и, конечно, зашел в эти «лавки». Пассажиры, присутствующие в зале, почему-то не проявляют никакого внимания к этим магазинчикам, торгующим без налогов. Абсолютно все товары, кроме спиртного, находятся под стеклом на стеллажах. Это солнцезащитные очки, фотоаппараты, часы странного дизайна, сигареты невиданных мною марок и дорогой алкоголь. Вот, пожалуй, и весь набор. Продавцы от скуки общаются друг с другом. Сувениров нет – *об этом надо было раньше подумать, дорогой товарищ!*

Я развалился на стуле и в состоянии тупого безразличия «шарюсь» глазами по залу ожидания. Время коротает кто как может: Влад достал нетбук и что-то делает, перебирая пальцами по клавиатуре; Ира достала спасительный айпод и тоже развлекает себя как может. Только у меня руки и глаза свободны.

Справа от меня – интернациональная семья ожидает рейс. Мужчина – американец, или скорее, европеец, – устало смотрит перед собой; его молодая жена – тиморийка – сидит рядом с ним, у нее на руках грудной ребенок. И это еще не все. Рядом с молодой мамой сидит пожилая семейная пара, очевидно, ее родители. Старики скромно сидят на местах, выглядят они немного скованными. Вид их говорит, что не привычные они к подобным путешествиям – с чемоданами, таможеней, самолетами... Старушка-мать иногда общается с дочерью, временами заговаривая с младенцем. Лицо старушки озаряется улыбкой... Я же, наблюдая за этой идиллической картиной, про себя невольно отмечаю, что тиморийка с младенцем очень красива. Чего ж муж невесел?! *Мужик, улыбнись – повезло тебе! Чего сидишь такой озабоченный?! Такой брильянт из страны вывозишь!*

Наконец, объявили посадку на наш рейс Y6-812. К залу ожиданий не подъехал автобус, не высветилось на табло «Gate No...», нет! В аэропорту Николау Лобато все просто и по-домашнему. Раскрылись единственные двери в стеклянной стене, у дверей встали две сотрудницы аэропорта. За дверями дорожка на взлетную полосу. Метрах в пятидесяти от здания зала ожидания стоит самолет. Добро пожаловать на борт!

К дверям на выход выстроилась очередь пассажиров на наш рейс с паспортами и билетами. Я не спешу к дверям – подождем пару минут, пока очередь рассосется. Влад тоже, кажется, не спешит, по-прежнему ковыряется в нетбуке. Есть Wi-Fi доступ в интернет – я знаю, но уже и выходить бы пора. Наконец, я отрываюсь от своих наблюдений за людьми в зале.

- Вова, а что ты там делаешь? – интересуюсь я, видя на экране его нетбука окошко с полоской закачки.

- Я отправил на загрузку в LOTW лог за нашу экспедицию, кроме .../р.

- Что ты сделал?! Сейчас?!

- Нет, минут десять назад. Еще грузится, зараза...

- Да зачем же сейчас, нам же выходить! – я смотрю, как очередь у стеклянной двери постепенно тает.

- Ну, Вова как всегда в своем духе, - вздыхает Ира.

- Много еще? – спрашиваю я.

- Сорок процентов осталось...

Я опускаю рюкзак ручной клади на пол и снова сажусь на стул – Господи, помоги!..

Очередь на рейс уже рассосалась. Девушки в форме еще стоят у раскрытых дверей в ожидании опаздывающих. До времени вылета осталось... две минуты.

- Вова, ну что там у тебя?! –

Я волнуюсь, что самолет взлетит без нас, но более всего меня беспокоит Вовина безмятежность. Может, я чего-то не понимаю?

- Еще пятнадцать процентов осталось! – радостно сообщает Влад.

- Да ну его на х..., полетели!

- Вы выходите, а я вас сейчас догоню!

- ???

- Осталось совсем чуть-чуть!

Я обеспокоен, если говорить мягко. Беру свой рюкзачок и подхожу к девушкам у двери на взлетную полосу.

- Vou Dia, sefoga! – улыбаюсь я юной служащей у двери. У нее в руке рация, время от времени в ней раздается щелчок, и голос на незнакомом языке (на тетуне или бахаса) что-то спрашивает. Я понимаю, что это стюардесса из стоящего на полосе самолета интересуется, можно ли отводить трап, задривать входной люк... или еще кто-то есть? МЫ ТУТ ЕЩЕ!!!
Надо хоть вид подать!

Я показываю девушке паспорт и билеты на самолет, а сам смотрю на часы. По часам у нас уже три минуты как начался полет... Девушка проверила мой билет и профессионально одарила меня улыбкой, махнув рукой в сторону лайнера: «Прошу вас! Вот ваш самолет!».

- Спасибо! Вы знаете, я не один. Вот мои товарищи, - я показываю на все еще сидящего в кресле Владимира с нетбуком, и стоящую рядом Ирину, - и они летят со мной!

У девушки снова прошипело в рации и снова голос... Моя собеседница подносит рацию к губам, смотрит то на меня, то на моих товарищей, почему-то не спешащих на рейс...

- Мой товарищ уже идет! Он отправляет очень важную информацию по интернету! – объясняю я странную ситуацию.

Наверное, те, кто работают в аэропорту, перевидали немало странных людей за свою карьеру. Милая девушка, кажется, вникла в нашу ситуацию. Она ничего мне не возразила.

Она могла бы найти тысячу аргументов, и справедливо обвинить в помешательстве... но профессиональная этика не позволяет. Она берет рацию и говорит что-то человеку на той стороне. Я не знаю языка, но понимаю, что эта спасительница задерживает рейс, задерживает ради нас! Господи! Да храни тебя Бог! Подходит Ира, показывая документы. Я, наконец, вижу, что и Влад «зашевелился», - похоже, загрузка в LOTW прошла успешно. Через минуту к выходу подходит и он...

Перед нами пустая дорожка ко взлетной полосе. Солнце слепит глаза, от бетонки исходит тепло. Мы почему-то не бежим – идем обычным шагом. Перед нами стоит самолет и пустой трап на борт. У трапа одиноко стоит бортпроводница.

- Hello! – здороваются девушка, одетая в форму авиалиний Batavia Air... – You're welcome!

Эпилог

...Так грезила она, прикрыв глаза, и почти верила в страну чудес, хотя знала, что стоит глаза открыть – и все снова превратится в тусклую явь – в шелестенье травы под ветром, в шуршанье камышей вокруг пруда, сморщенного дуновеньем, – и звяканье чашек станет лишь перезвоном колокольчиков на шеях пасущихся овец, а резкие крики Королевы – голосом пастуха...

Льюис Кэрролл.
Алиса в Стране Чудес

Мне снится сон. Горы, зеленые горы, покрытые густым тропическим лесом... Я куда-то еду, мимо проносятся белые стволы огромных деревьев, обступивших дорогу. Мы едем очень быстро, почти летим. Нет, это уже вовсе не машина, это действительно самолет, летящий на бреющем полете над водной гладью. Голубая вода океана – она так близко, что я почти могу коснуться ее рукой. Самолет огибает горный остров и делает крутой вираж, затем еще один, и еще... Почему-то самолет начинает крутить волчком. Острова где-то вдали, белые перья облаков – все вдруг исчезает и превращается в какую-то кашу, густую проникающую в голову смесь красок и ослепительного солнца. Что-то тревожное, что-то ускользающее и зыбкое пронеслось перед глазами...

Я кричу, отчаянно втягиваю воздух и в ужасе открываю глаза. Я еду в автобусе. Смотрю в окно. Где я, черт возьми??? Мимо меня проносятся голые, мертвые деревья, за окном – безжизненный пейзаж выжженной пустыни с редкими островками блеклой, высушенной травы. Глаза слепит яркий солнечный свет. Где же я? Я протираю глаза. Никого рядом нет, вообще никого нет! Люди – где они? На сиденье стоит лишь мой рюкзак. В салоне автобуса тишина, слышен только мерный гул мотора.

Несколько секунд прихожу в себя, и мое сознание начинает четче вырисовывать окружающую картину. Я снова смотрю в окно. И тут пустыня за окном вдруг превращается в пейзаж заснеженного поля, я начинаю узнавать знакомые мне акации, стоящие в снегу. Из-под снега местами выбивается засохшая трава... Черт возьми, это же Украина! Февраль. Я – в автобусе рейса «Киев – Запорожье». Пассажиров всего несколько человек, и они предпочли сесть где-то в передней части салона...

Я с облегчением снова откидываюсь на спинку сиденья, закрываю глаза и проваливаюсь в зыбкий сон. Где-то вдалеке звучит голос. Голос колдуна Гендельфа.

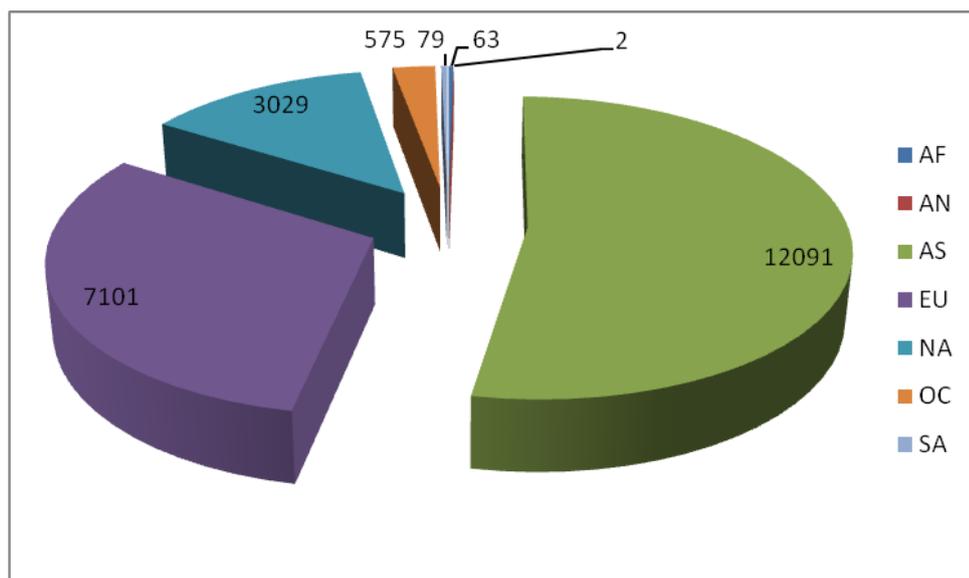
«... Я помню юного хоббита, который все время убегал в лес в поисках эльфов, задерживался там допоздна и среди ночи тащил домой глину, прутья и светлячков. Этот юный хоббит всегда мечтал выяснить, что же все-таки творится за пределами Шира... Мир вовсе не в твоих книгах и картах, он вон там, за окном... Тебе и самому будет что рассказать, когда вернешься...

- Вы можете обещать, что я вернусь?

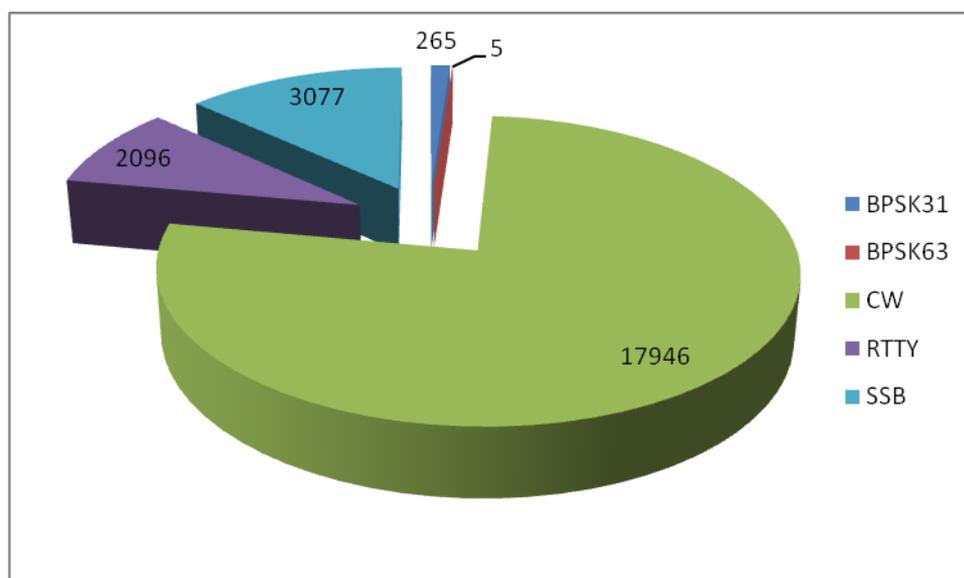
- Нет... Если вернешься, прежним ты уже не будешь...»

Днепропетровск, 17 января 2013 г

Общая статистика QSO из журналов 4W0VB и 4W0VB/р

Распределение QSO по континентам

Статистика QSO по видам излучения

